

тиср. 64 (1.2)

А. БЛИЗНЕЦКИ

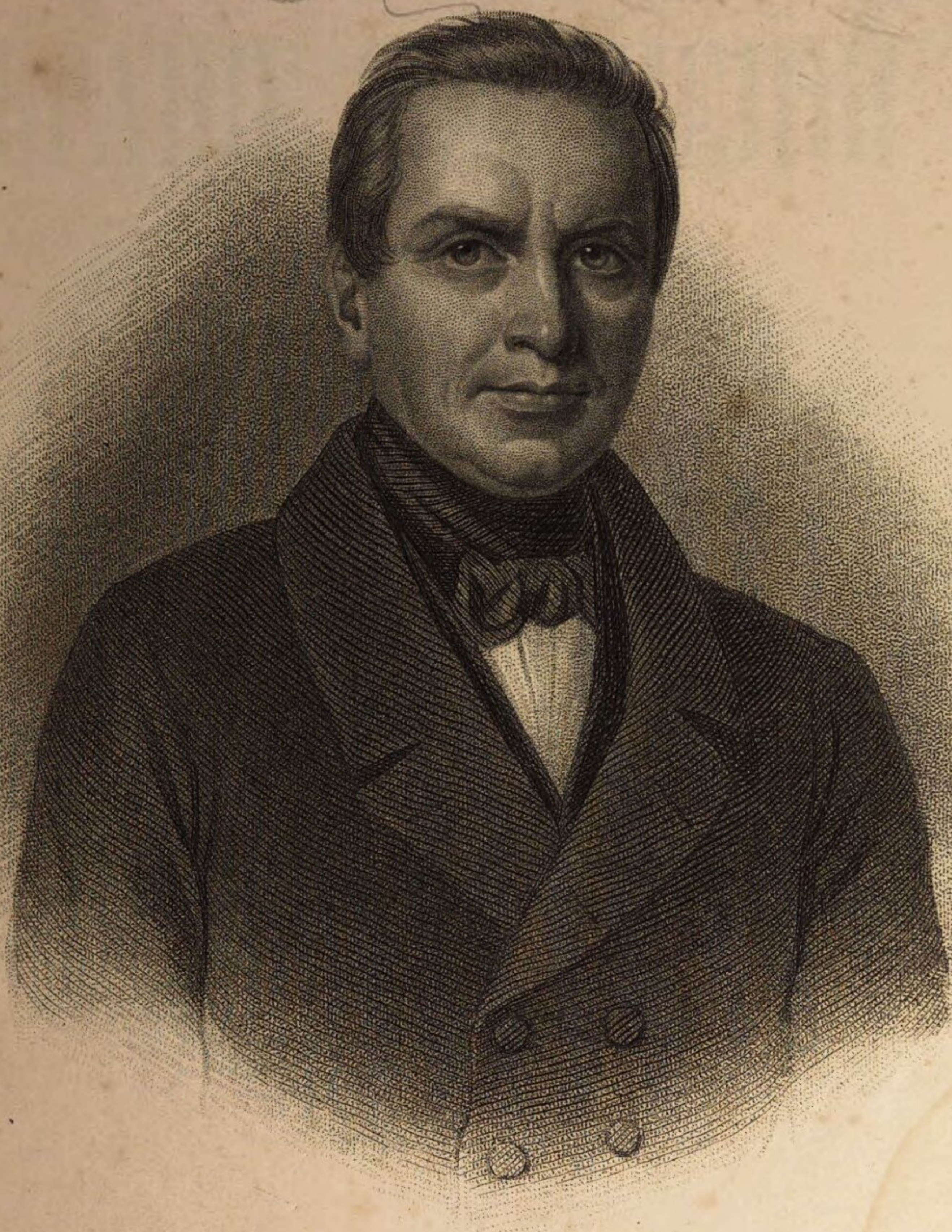
СОЧИНЕНІЯ П. П. МЯТЛЕВА.

I.

497 / 75 / 5148

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Chas. M. Montez

U. M. Montez

ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ

И. П. МЯТЛЕВА.

ИЗДАНИЕ КНИГОПРОДАВЦА Д. ФЕДОРОВА.

ТОМЪ I.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АПОЛЛОНА ФРИДРИХСОНА.

1857.

ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ СОПЪННН
Л. И. М. П. И.
ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный
Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ. 30 Іюля,
1856 года.

Ценсоръ *В. Бекетовъ*.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ТИПОГРАФИИ АНОНИМА ИФАННТЪ ЛЪ
1856

- 1 -

ПРЕДИСЛОВІЕ.

—

О ты, которая открыла
Во мнѣ и чувства, и любовь,
И съ дѣтства ихъ со мной вскормила,
Прими плоды твоихъ трудовъ.

==

1841. 1842.

1843. 1844.

1845. 1846.

1847. 1848.

1849. 1850.

1851. 1852.

1853. 1854.

1855. 1856.

1857. 1858.

1859. 1860.

1861. 1862.

1863. 1864.

1865. 1866.

1867. 1868.

1869. 1870.

1871. 1872.

1873. 1874.

1875. 1876.

1877. 1878.

1879. 1880.

1881. 1882.

1883. 1884.

1885. 1886.

1887. 1888.

1889. 1890.

Н О В Ы Й Г О Д .

Весь народ
 говорит,
 Новый год
 говорит
 Что принес
 говораит
 Ничего-с
 говорит
 Кому крест
 говорит
 Кому пест
 говорит
 Кому чин,
 говорит,
 Кому длин
 говорит
 Кому нос,
 говорит,,
 Ну так что с
 говорит,
 Все равно с
 говорит,
 Ничего с
 говорит,
 Новый год
 говорит,
 Весь свой плод
 говорит,
 Раскидал
 говорит
 Разбросал,
 говорит,
 О газар,
 говорит,
 А мюзар,
 говорит,
 Опоздал
 говорит,
 Прозевал
 говорит,
 Загорчал
 говорит,
 Сам ты брат
 говорит,
 Виноват
 говорит,

Пар иси
 говорит
 Попроси
 говорит,
 Там подсунь
 говорит,
 Или плюнь
 говорит,
 Отвяжись
 говорит,
 Де се фост
 говорит,
 Если даст
 говорит,
 Новый год
 говорит,
 Нам во плод
 говорит,
 Ля сайте,
 говорит,
 Ля гете
 говорит,
 Пур сеси
 говорит,
 Уж мерси
 говорит,
 Поклонись
 говорит,
 И крестись
 говорит,
 В свой черед
 говорит,
 Все придет.

Ф О Н А Р И К И .

Фонарики, сударики,
 Скажите ка вы мне,
 Что видели, что слышали,
 В ночной вы тишине?
 Так чинно вы расставлены
 По улицамму нас:
 Ночные караульщики
 Ваш верен зоркий глаз!
 Вы видели ль, примерились,
 Как девушка одна,
 На цыпочках тихохонько
 И робости полна,
 Близ стенки пробирается,
 Чтоб друга увидеть,
 И шопотом, украдкой,
 "Люблю" ему сказать

Фонарики, сударики,
 Горят себе, горят,
 А видели ль, не видели,
 Того не говорят.

Вы видѣли ль, какъ юноша
Нетерпѣливо ждетъ,
Какъ сердцемъ, взоромъ, мыслию
Красавицу зоветъ, ...
И вотъ они встрѣчаются
И радость, и любовь;
И вотъ они назначили
Свиданье завтра вновь.

Фонарики, сударики,
Горятъ себѣ, горятъ,
А видѣли ль, не видѣли ль,
Того не говорятъ.

Вы видѣли ль несчастную,
Убитую тоской,
Какъ будто тѣнь бродящую,
Какъ призракъ гробовой.
Ту женщину безумную,
Заплаканы глаза :
Ея всѣ жизни радости
Разрушила гроза.

Фонарики, сударики,
Горятъ себѣ, горятъ,
А видѣли ль, не видѣли ль,
Того не говорятъ.

Вы видѣли ль преступника,
Какъ въ горести нѣмой,
Отъ совѣсти убѣжища
Онъ ищетъ въ часъ ночной?

Вы видѣли ль веселаго
Гуляку въ сюртукѣ,
Оборванномъ, запачканномъ,
Съ бутылкою въ рукѣ?

Фонарики, сударики,
Горятъ себѣ, горятъ,
А видѣли ль, не видѣли ль,
Того не говорятъ.

Вы видѣли ль сиротушку,
Прижавшись въ уголокъ,
Какъ просить у прохожаго,
Чтобъ бѣдной ей помогъ;
Какъ горемычной холодно,
Какъ страшно въ темнотѣ.
Ужель никто не сжалятся,
И гибнуть сиротѣ!

Фонарики, сударики,
Горятъ себѣ, горятъ,
А видѣли ль, не видѣли ль,
Того не говорятъ.

Вы видѣли ль мечтателя,
Поэта, въ часъ ночной?
За риемой своенравною
Гоняясь, какъ шальной,
Онъ хочетъ муку тайную
И неба благодать,
Толпѣ, ему внимающей,
Звучиѣе передать.

Фонарики, сударики,
Горятъ себѣ, горятъ,
А видѣли ль, не видѣли ль,
Того не говорятъ.

Быть можетъ не примѣтили....
Да имъ и дѣла нѣтъ;
Горѣтъ имъ только велѣно,
Покуда будетъ свѣтъ.
Окутанный рогожею
Фонащикъ ихъ зажегъ;
Но чувства прозорливости
Имъ передать не могъ!...

Фонарики, сударики,
Народъ все дѣловой :
Чиновники, сановники,
Все люди съ головой!
Они на то поставлены,
Чтобъ видѣлъ ихъ народъ,
Чтобъ величались, славились,
Но только безъ хлопотъ.

Имъ, дискать, не приказано
Вокругъ себя смотрѣть,
Одна у нихъ обязанность :
Стоять тутъ и горѣть.
Да и горѣть покудова
Кто не задуетъ ихъ.
Такъ что же и тревожиться
О горестяхъ людскихъ!

Фонарики, сударики,
Народъ все дѣловой :
Чиновники, сановники —
Все люди съ головой!

==

ГЮГЕНОТЫ.

Я собиралася давно
Посмотрѣть *ле югено*.
Что за *югено* такіе
Бусурмане записные.
Каковъ былъ мусье Волтеръ?
Сочинитель Меѣрберъ,
Нѣмецъ, человѣкъ ученый,
Настоящій шмерцъ копченый,
Вѣрно будетъ хорошо.
Тре жоли, тре бо, тре шо.
Ужъ въ другой разъ не увижу,
Какъ *адью*, скажу Парижу!
Доместикъ мусье франсуа!
Ты достань билетъ *пуръ муа*
Въ третьемъ ярусѣ три ложи
Помѣстить всѣ наши рожи.
Двѣсти франковъ — такъ и быть! —
Я готова заплатить.

Вотъ приносятъ намъ билеты.
Мы откушали, одѣты,

Кулебяки двѣ въ запасъ
Къ вечеру лежать для насъ.
Вотъ мы въ оперу пустились,
Въ трехъ каретахъ размѣстились,
Пріѣзжаемъ, и какъ разъ,
Увертюра началась.
Флейты, барабаны, скрипки,
Проиграли безъ ошибки;
Публика кричитъ : *браво!*
Я шепнула : *се нуво!*
И какой мотивъ чудесный!
Только, кажется, извѣстный,
Изъ Русалки или взять
Изъ Калифа де Багдадъ.

Вотъ и занавѣсъ открыли.
Кучи кучей навалили
Разноцвѣтныхъ плясуновъ,
Голосистыхъ пѣвуновъ,
Королева, съ нею дамы,
Рыцари, герои, хамы;
Хамы *данъ ле танзъ антикъ,*
Значило : *ле доместикъ,*
Потому что Хамъ смѣялся,
Когда Ной пьянъ напивался.
Ной сказалъ ему за то :
Твое сѣмя проклято.
И съ проклятіемъ на шеѣ
Отъ него пошли лакеи,
Полотеры, повора,
Ключницы и кучера....
А надъ пьянымъ что остриться?

Пьяный можетъ пригодиться,
Пьяный къ откупу хорошъ,
Лишній все притащитъ грошъ.
Къ пьянымъ я полна почтенья;
Но оставимъ разсужденья.
Я вамъ просто расскажу
Комъ ла комеди се жу.

Проплясали, порѣзвились;
Дамы вдругъ разоблачились;
Каждая сняла *пенуаръ*,
Же не пуве па круаръ,
И вскричала: чтобъ мамзели
Наши на партеръ смотрѣли.
Тфу ты Боже, Царь Давыдъ!
Стыдъ, ну просто срамъ и стыдъ!
Тутъ франсезъ или мазурки,
А потомъ, играя въ жмурки,
Съ лѣстницы мусье идетъ,
И принцессу застаеть.
Закричалъ, махнулъ руками,
Разсердился, между нами,
Я никакъ не поняла
Въ чемъ исторія была.
Только гвалдъ, расправа, крики,
Все по правиламъ музыки
И прекраснѣйшій финалъ
Какъ въ Москвѣ, *данъ ла весталъ*.
Занавѣсъ тутъ опустили;
Мы морожное спросили,
Бли, пили, черезъ часъ
Снова занавѣсъ *взвилась*.

Скоро закон

Тутъ мусье съ принцессой снова,
Не безъ ласковаго слова,
Все ей нѣжности поетъ,
Честъ съ поклономъ отдаетъ.
А она ему манерно
Отвѣчаетъ : Ахъ, невѣрно!
Предостерегу любя :
Всѣ сердиты на тебя.
Спрячься, милый, въ уголокъ,
Ты услышишь, о дружочекъ
Что здѣсь люди говорятъ.
Вдругъ приходятъ — святъ, святъ, святъ,
Три, четыре генерала;
Всѣ усѣлися сначала,
Всякой мнѣніе даетъ,
Всякъ мошенникомъ зоветъ,
Полюбовника принцессы,
И опять пошли процессы,
Какъ-бы вора уловить,
Гюгенотовъ всѣхъ убить.
Онъ все слушаетъ, сердечный,
Но какъ тараканъ запечный
Притаился, ни гугу!...
«Я бѣдняжкѣ помогу!» —
Про себя поетъ принцесса;
А ужъ дальше не бельмеса
Я никакъ не поняла;
Вся компанія ушла;
Полюбовникъ воротился,
Началъ пѣть, потомъ рѣшился,
Тягу поскорѣе дать....
Но вотъ тутъ, какая статья,

Я никакъ ужъ не доби́лась.
Вдругъ принцесса разъярилась,
И Богъ вѣдаетъ зачѣмъ
Закричала: *же вузъ эмъ*.
Тутъ разнѣжились, запѣли,
Вдругъ куранты зашумѣли,
И мусье бѣжитъ къ себѣ,
А она, — *тутъ свитъ толбе!* —
Такъ, какъ снопъ и повалилась. —
Занавѣсъ тутъ опустилась,
Мы такъ были *эшофе*,
Что спросили *дю кафе*. —

Актъ четвертый представляетъ,
Кирку, гдѣ народъ гуляетъ
И танцуетъ минуетъ....
Презатѣйливый билетъ!
Но мусье вбѣгаетъ снова,
Гнѣвный, въ родѣ Пугачева.
И поётъ, поднявъ картузь:
«*Муа нуръ муа, э дѣ нуръ тусъ!*»
Это всѣхъ перепугало!
Все собранье убѣжало
Вонъ изъ кирки — вдругъ пальба,
Что такое? ба! ба! ба!
Гюгенотовъ убиваютъ,
А за что, про что — не знаютъ.

Тутъ съ рѣшоткой темный дворъ,
За рѣшоткой славный хоръ.
Но мусье опять вбѣгаетъ,
Даму нѣжно обнимаетъ.

Впрочемъ, это не конецъ
Прибѣгаетъ самъ отецъ,
Подстрѣлить свою дѣвицу,
Какъ ночную словно птицу —
И со всѣхъ сторонъ — пафъ, пафъ! —
Всѣмъ пишите эпитафъ

Ну ужъ опера! признаться...
Но пора намъ убираться,
Десять *су* мадамъ уврѣзъ,
И къ *ла* лимонадъ газѣзъ,
И къ забытымъ кулебякамъ —
Вѣдь не бросить же собакамъ!

==

РАЗОЧАРОВАНИЕ.

Я ошибся, я повѣрилъ
Небу на землѣ у насъ,
Не разчислилъ, не измѣрилъ
Разстоянія мой глазъ.
И восторгу я предался,
Чашу радости вкусилъ,
Опьянѣлъ и разболтался,
Тайну всю проговорилъ!
Я наказанъ, безъ роптанья
Долженъ казнь мою сносить,
Сиротой очарованья
Вѣкъ мой грустный пережить.
Мнѣ мгновенно засіяла
Между тучъ одна звѣзда,
Сердцу небо показала,
И сокрылась навсегда!
Но вотъ тамъ, за облаками,
Я найду ее опять...
Тамъ не расстаются съ вами,
Тамъ вы можете сіять.

ЗВѢЗДА.

Звѣзда, прости! пора мнѣ спать,
Но жаль разстаться мнѣ съ тобою,
Съ тобою я привыкъ мечтать,
А я теперь живу мечтою.

И дастъ-ли мнѣ тревожный сонъ,
Отраду ложнаго видѣнья,
Нѣтъ, чаще повторяетъ онъ
Дневныя сердцу впечатлѣнья.

А ты, волшебная звѣзда,
Неизмѣнимая сіяешь,
Ты сердцу грустному всегда
О лучшихъ дняхъ напоминаешь.

И къ небу тамъ, гдѣ свѣтишь ты,
Мои стремятся всѣ желанья....
Мои тамъ сбудутся мечты,
Звѣзда, прости же! до свиданья!

НЕБО.

На небо, мечтая, я часто гляжу,
И думы рѣзвась улетаютъ,
Межъ звѣздъ далеко за земную межу,
Туда, гдѣ печалей не знаютъ.
Но небо, я въ сердцѣ своемъ нахожу,
Въ немъ также мнѣ звѣзды сіяютъ.

То небо — отчизна, Россія моя,
Тѣ звѣзды — друзья и родные,
И сестры, и мать, кѣмъ такъ счастливъ былъ я,
Такъ веселъ во дни молодые.
Сіяйте мнѣ чаще, сіяйте друзья,
Вы, звѣзды мои золотыя.

Надежда святая въ томъ небѣ, луна
Весь міръ украшаетъ собою;
Мнѣ даже милѣ чужая страна,
Гдѣ я озаряюсь луною;
Но облакомъ часто закрыта она...
Я облако назвалъ тоскою.

Ей долго быть спутницей въ жизни моей,
Мнѣ заститъ веселье и радость;
Но звѣзды другія я вижу и въ ней,
Въ ней вижу утекшую младость,
И взятыхъ могилой родныхъ и друзей,
И въ облакѣ тоже есть младость.

=

ПТИЧКА.

Молодая пташечка,
Ты куда летишь?
Ты куда изъ клѣточки
Рѣзвая спѣшишь?

Берегись, въ поляхъ тебя
Сторожить стрѣлокъ,
Иль къ мальчишкѣ, можетъ быть,
Попадешь въ силокъ.

Иль тебя вдругъ хищная
Птица заклюетъ,
Иль среди погодушки,
Громъ тебя убьетъ.

Я лечу на родину,
Тамъ гнѣздо совою,
Тамъ весну увижу я
Прежнюю свою.

Въ чистомъ, ясномъ воздухѣ,
Буду ликовать,
О своей неволюшкѣ
Съ пѣсней вспоминать.

Не боюсь опасностей,
Грома, ни сѣтей,
Грусть и одиночество
Извѣдутъ скорѣй.

А когда ударитъ вдругъ
Часъ послѣдній мой,
Мыслью той утѣшуся,
Что лечу домой.

За надежду сладкую
Смертью заплачу;
А кто знаетъ, можетъ быть,
И я долечу.

Ну лети же пташечка,
Лети, Богъ съ тобой!
Ахъ! и мнѣ какъ хочется
Самому домой.

И когда бы крылышки
Я твои имѣлъ,
Я давно на родину
Самъ-бы улетѣлъ.

ОБЛАКО.

Какъ быстро облако бѣжитъ!
Оно сей-часъ луну закроетъ,
Мой путь вечерній омрачитъ,
И сердце вѣщее заночуетъ.

Есть въ жизни тоже облака,
И радость жизни тоже тмится,
Когда несчастія рука
Внезапно на средце ложится.

Но вѣтеръ облако умчитъ!
Луна по прежнему сіяетъ,
Мой путь вечерній серебритъ,
И томный сумракъ исчезаетъ.

Ахъ! если бъ жизни облака
Погода такъ-же уносила,
И налетѣвшая тоска
Навѣкъ бы сердца не клеймила.

Удѣлъ нашъ въ жизни не таковъ,
Когда спознаемся съ тоскою.....
Но будетъ жизнь безъ облаковъ —
И къ ней я уношусь мечтою.

==

РУССКІЙ СНѢГЪ ВЪ ПАРИЖѢ.

Здорово, русскій снѣгъ, здорово!
Спасибо, что ты здѣсь попалъ,
Какъ будто-бы родное слово,
Ты сердцу русскому сказалъ.

И ретивое запылало
Любовью къ родинѣ святой,
Въ груди отрадно заиграло
Очаровательной мечтой.

Въ родныхъ степяхъ я очутился,
Зимой отечествадохнулъ,
И отъ души перекрестился,
Домой я точно заглянулъ.

Но ты растаешь, и съ зарею,
Тебѣ не устоять никакъ,
Нѣтъ, не житье намъ здѣсь съ тобою :
Житье на родинѣ, землякъ!

РАЗГОВОРЪ ЧЕЛОВѢКА СЪ ДУШОЙ.

Куда ты просишься душа?

Уже ль земля не хороша?

Уже ли мало здѣсь отрадъ и утѣшеній,
И сладкихъ думъ, и сладкихъ вдохновеній?

Здѣсь розы алыя цвѣтутъ,
Здѣсь дѣвы рѣзвятся, здѣсь соловьи поютъ;
Есть для тебя и родина святая,
И жизни лучшихъ дней подруга молодая.

Два сына — будущность твоя,

И мать, и сестры, и друзья.

Чего же ты, чего жъ еще желаешь?

О чемъ безвременно скучаешь?

Куда жъ ты просишься, душа?

Уже ль земля не хороша?

Нѣтъ, хороша земля, прелестна:

Земная радость мнѣ извѣстна;

Напѣвамъ юныхъ дѣвъ и пѣнью соловья

Съ восторгомъ сладостнымъ внимаю часто я;

Я знаю, есть земныя розы,

Но ихъ мертвятъ земныя слезы,

И ихъ, — увь! — не прочень стебелекъ,

И алые листки разноситъ вѣтерокъ.

Какъ храмъ, святыни храмъ, я родину считаю,

Но торжниковъ и въ ней встрѣчаю,

Нерѣдко и корысть, холодность и обманъ!

И бичъ изъ вервѣя не данъ

Изгнать изъ храма ихъ, какъ древле Искупитель

Въ Сіонѣ ихъ изгналъ — порока побѣдитель!

Мнѣ суждено — на зло смотрѣть,

Зло постигать, и зло терпѣть.

Дѣтей, жену, родныхъ, я страстно обнимаю,

Но ихъ безсмертными здѣсь видѣть я желаю,

Какъ я, какъ духъ нетленный Божества:

Они — земныя существа!

И ихъ удѣлъ — утрата и разлука! —

И вотъ — моя земная мука.

СТАРУШКА.

Идетъ старушка въ дальній путь,
Съ сумою и клюкой;
Найдетъ ли мѣсто отдохнуть,
Старушка въ часъ ночной.

Среди грозы кто пріютитъ?
Какъ ношу донесетъ?....
Ничто старушку не страшитъ,
Идетъ себѣ, идетъ....

Присѣсть не смѣетъ на часокъ,
Чтобъ духъ перевести,
Короткій данъ старушкѣ срокъ,
Ей только-бъ добрести.

И, можетъ быть, въ послѣдній разъ
Ей суждено туда,
Куда душа всегда рвалась,
Гдѣ кончится бѣда.

Во чтобъ ни стало, а дойти,
Хоть выбиться изъ силъ,
Какъ-бы ни страшно на пути,
Чѣмъ путь бы ни грозилъ!

Такъ въ жизни позднія лѣта
Сильнѣй волнуютъ кровь,
Души послѣдняя мечта,
Послѣдняя любовь.

Ничто не помогаетъ намъ,
Ни юность, ни краса,
Ни рой надеждъ, молодымъ годамъ
Дарящій небеса,

Одна любовь въ замѣнъ всему
И съ нею мы идемъ,
И съ нею горестей суму
Безъ ропота несемъ.

Спѣшимъ, спѣшимъ... въ далекій путь
Желали бы бѣжать,
Присѣсть не смѣемъ, отдохнуть,
Что-бы не опоздать.

Безщадно гонить насъ любовь,
Пока дойдемъ туда,
Гдѣ навсегда остынетъ кровь,
Гдѣ кончится бѣда.

ЖИЗНЬ.

Отъ чего, скажите, слезы
Риѹма лучшая для розы,
Жизнь, какъ свѣтлая рѣка,
Но на днѣ ея тоска.
Радостью волна сіяетъ,
Но со дна тоска всплываетъ,
Разливаясь по рѣкѣ
При малѣйшемъ вѣтеркѣ,
Вѣтерокъ воспоминанье
Прежнихъ дней и тѣхъ утратъ,
Что въ душѣ какъ будто ядъ,
Отравили упованье
Вѣтерокъ земли родной,
Голосъ дальній и любимый,
Вѣтерокъ, призывъ родимый,
Къ ней въ объятія домой!
Вѣтерокъ о ней, о милыхъ,
Страхъ, забота, вѣщій гласъ,
И вотъ почему у насъ
Больше въ жизни дней унылыхъ,
Чѣмъ веселыхъ, ясныхъ дней,

Тяжело душѣ моей,
Когда вѣтеръ колыхнется,
Когда дума навернется;
Но привычнѣе при ней.

=

ЛЮТНЯ.

Имѣлъ я лютно въ юныхъ дняхъ,
На золотыхъ ея струнахъ
Бряцалъ я радость, упованье,
Бряцалъ любовь, очарованье,
Бряцалъ веселье и печаль.
Моей мнѣ часто лютни жалъ
Теперь, въ минуты вдохновенья,
Въ часы душевнаго томленья,
Еще бы побряцалъ на ней
Я пѣснь моихъ веселыхъ дней,
Еще бы радость раздавалась,
Когда-бъ цѣла она осталась!
Но время грузною рукой
Порвало струну за струной
И каждая души утрата:
Обманъ надеждъ, кончина брата,
И смерть отца, и смерть дѣтей,
На лютнѣ врѣзались моей.
Одну струну, струну печали
Судьбы порывы — не порвали.

На ней бряцать мнѣ суждено,
И я пою всегда одно:
Минувшихъ дней воспоминанье
И лучшей жизни упованье.

=

ЗВѢЗДОЧКА.

Одна мнѣ звѣздочка явилась
Межъ облаковъ.
И ею въ сердцѣ пробудилась
Жизнь и любовь.

Она такъ свѣтло засіяла,
Такъ дружно мнѣ,
Какъ будто слово мнѣ сказала
О старинѣ.

И я помолодѣлъ душою,
И вновь мечты,
И будто въ юности весною
Я рву цвѣты.

Скажи: я вѣрно, гостя рая,
Тебя узналъ?
Не ты ли дѣва молодая,
Мой идеалъ.

Не ты ли ангелъ легкокрылый,
Что къ намъ слетѣлъ?
О нѣтъ! не ты! я съ дѣвой милой,
Вчера сидѣлъ,

Ее опять увижу вскорѣ.
Такъ хороша!
Въ ней моя радость, мое горе,
Моя душа!

И если такъ ты мнѣ сіяешь,
Сомнѣнья нѣтъ,
Ея очей ты отражаешь
Волшебный свѣтъ.

Она теперь въ тебя глядится
И, можетъ быть,
Души все тайное стремится
Тебѣ открыть.

О звѣздочка! замолвь два слова
Ей про меня!
Ее увижу завтра снова,
Средь бѣла дня.

МЕДВѢДЬ и КОЗА.

(БАСНЯ).

Медвѣдь сказалъ Козѣ:

«*Команъ вузъ озе*

«Скакать, плясать, меня такъ беспокоить,

«Когда тебя я вздумалъ удостоить

«Быть компаньонкою моею?

«Постой, проклятая! я дамъ тебѣ *суфлей.*»

И съ словомъ симъ онъ важно потянулся,

Вскочилъ, — и лапой размахнулся,

Но стукнулъ вдругъ водильщикъ въ барабанъ

И нашъ Медвѣдь *ту дусеманъ*,

Пошелъ съ поникшей головою,

Плясать попрежнему съ Козою.

Столоначальникъ такъ на писарей кричитъ,

Взойдетъ директоръ, — замолчитъ.

ДУМА НА КЛАДБИЩѢ.

Друзья минувшихъ, лучшихъ лѣтъ,
Которыхъ съ нами уже нѣтъ,
Житейское вы переплыли море,
На берегу у насъ оставили вы горе,
Вамъ хорошо, вы въ небесахъ!

О вашихъ молимъ мы душахъ.
Но наши что о васъ моленья?
Они сердечныя внушенья,
Они души святыя пѣнья,
Одинъ языкъ еще понятный вамъ
Тамъ, въ небесахъ, какъ ѳиміамъ,
Какъ дымъ родной, они къ вамъ долетаютъ,
И вамъ о насъ напоминаютъ.

Но помолитесь вы о пережившихъ васъ!
Вашъ чистый неземной ужъ гласъ
Скорѣй услышитъ провидѣнье,
Его житейское волненье,
Напасти, бури, трепетать
Не заставляютъ; благодать

Для васъ безоблачно сіяетъ,
И вѣру радуга вѣнчаетъ,
И въ небѣ вашемъ весь изъ звѣздъ
Васъ озаряетъ дивный крестъ.

Молитесь вы! Въ мятежномъ морѣ свѣта,
Какъ лучезарная планета,
Молитва ваша, жизни челнъ
Насъ охранить отъ бурныхъ волнъ,
И вѣтры буйные привяжетъ,
И пристань тихую укажетъ!
Когда-жъ въ неё мы доплывемъ,
И мы тогда возопіемъ,
И много-милостивъ Творецъ, мольбѣ внимая,
Какъ васъ, насъ возведетъ къ себѣ въ обитель рая.

ЧАСЫ.

Стучать, стучать,
Не замолчать
Часы всю ночь,
И мнѣ не въ мочь
Ихъ слышать шумъ;
Тяжелыхъ думъ
Душа полна,
И стѣснена,
Тоской она.
Часы, часы,
Гдѣ всѣ красы
Минувшихъ лѣтъ?
Увяль ихъ цвѣтъ.
Постылъ мнѣ свѣтъ.
Часы, часы
Что тѣ красы,—
Уже ль опять
Ихъ не видать?
Часы въ отвѣтъ
Ни да, ни нѣтъ;
И я вздохнулъ
И съ тѣмъ уснулъ.

ПОХИТОСЬ.

Какъ похитось хорошъ въ устахъ
Твоихъ, красавица молодая!
Ты въ дымъ, какъ видѣнье рая,
Ты точно ангелъ въ облакахъ!

Какъ зыбь тумана, зыбь росы,
Съ зарею межъ цвѣтовъ гуляетъ,
Такъ дымъ клубяся проникаетъ
Въ твои шелковые власы.

Какъ я бы въ этотъ дымъ желалъ
Хоть на минуту обратиться,
Я могъ бы вкругъ тебя увиться,
Я бъ сердца тайну разсказалъ.

Но нѣтъ! къ чему? меня плѣнивъ,
Ты о тоскѣ моей не спросишь:
Меня, какъ похитось, ты бросишь,
До половины докуривъ.

ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ.

Еще годъ какъ небывало
Надъ моею головой
Пробѣжалъ и только стало
Мнѣ грустнѣй: какъ часовой
Безотвѣтный, я до смѣны
Простою; потомъ, бѣднякъ,
Какъ актеръ сойду со сцены —
И тогда одинъ червякъ
Будетъ мною заниматься,
А товарищи, друзья,
Позабудутъ, можетъ статься,
Что когда-то жилъ и я,
Что и мнѣ они внимали,
Когда въ пѣсняхъ изливалъ
Я сердечныя печали,
Иль на радость призывалъ.
Гость въ пирушкѣ запоздалый,
Я допилъ уже до дна
Чашу радости бывалой
И разбита ужъ она!
Понемногу отлетѣли

Обольщенья и любовь,
И лампы догорѣли,
Нашихъ дружескихъ пировъ.
Новые огни засвѣтятъ,
Новый явится поэтъ,
Зашумятъ и не примѣтятъ,
Что меня въ пирушкѣ нѣтъ.
Можетъ быть и всю бесѣду
Нашу годы разнесутъ.
Раскидаютъ и къ обѣду
Гости новые придутъ.
Но и мы соединимся,
Въ жизни мы воскреснемъ вновь
И тогда мы погрузимся
Въ безпредѣльную любовь.

=

КАТЕРИНА ШАРМАНКА.

Я къ коловратностямъ привыкъ!
Вся жизнь по мнѣ: *лантернъ мажикъ*,
Судьба шарманщикъ, *Итальянецъ*!
То погребеніе, то танецъ,
То мотовство, то *гранъ мизеръ*;
То удивительный карьеръ;
То будто рыба обь ледъ бьется!
Отказъ, какъ шесть, гдѣ не толкнешься!
То свадьба, то война, то миръ;
Все *гумъ, гумъ, гумъ, андеръ маниръ* !

Пердеъ красоткой несравненной,
Ты заколдованный, влюбленный
Стоишь въ восторгѣ, *а жену*,
Вотъ дискать, я нашелъ жену!
Родитель, маменька — согласны:
Нашиты платья все атласны,
Готовится почетный пиръ!
Но вдругъ *гумъ, гумъ! андеръ маниръ*.

Твоя красotka измѣнилась,
Въ другаго молодца влюбилась,
Преотвратительный гримасъ
Тебѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ отказъ!
Ты, чтобы слишкомъ не терзаться,
Рѣшился въ службу записаться,
И статскій заказалъ мундиръ;
Ну, нѣтъ.... гумъ, гумъ! *андеръ маниръ!*

Рѣшили судьи, адвокаты,
Что годенъ только ты въ солдаты,
Что ты не баринъ, а холопъ;
Тебѣ приговорили лобъ!
Чтожъ дѣлать? ты мечтами пылокъ!
Готовъ, но закричалъ: затылокъ
Пріемщикъ, ротной командиръ,
Опять гумъ, гумъ! *андеръ маниръ!*

Комъ отрѣ фуа, казакъ ты вольный;
По-крайнѣй-мѣрѣ тѣмъ довольный,
Что молвить можешь: *же манъ ве*,
Но попадаешься вдовѣ,
Не слишкомъ старой, и богатой,
А человѣкъ ты не женатой!
Скакнулъ бы въ свадебный *навиръ*.
Анъ глядь.... гумъ, гумъ! *андеръ маниръ!*

Вдова имѣетъ два процесса,
Любовника имѣетъ *нѣса*,

Любовникъ озарникъ, бретеръ,
А ты совсѣмъ не *аматеръ*
Процессовъ, распрей и дуэлей.
Твои восторги охладѣли,
Ты говоришь: *же ме ретиръ!*
Опять *гумъ, гумъ, андеръ маниръ!*

Тутъ попадаешь въ *омъ даферы*,
Въ прикащики и секретеры,
Къ извѣстному *мусье ле контъ*,
И свой ты тутъ находишь *контъ*,
Онъ *бонъ виванъ*, и не считаетъ,
Тебѣ все слѣпо довѣряетъ;
Ты у него какъ въ *маслѣ сырѣ*,
Но вдругъ *гумъ, гумъ!... андеръ маниръ!*

Ле контъ обкушался и лопнулъ;
Наслѣдникъ на тебя притопнулъ;
«Давай ко, дискать, мнѣ отчетъ!»
Оно тебѣ не безъ хлопотъ.
Грозить тюрьма, грозятъ расправы,
А сундуки не безъ потравы;
Тебя повысосетъ вампиръ!
Небось *гумъ, гумъ!.... андеръ маниръ!*

Ты съ ревизоромъ помирился;
Бѣлѣ снѣга очутился;
Всѣ въ воду спрятаны концы,
И записался ты въ купцы.

Довольно выгодно торгуешь;
Дашь обѣды и пируешь;
Но вдругъ банкротится банкиръ....
Опять гумъ, гумъ! *андеръ маниръ!*

По прежнему бѣднякъ съ сумою
Ты въ бѣломъ свѣтѣ сиротою;
Тебя тоска, нужда гнететь;
Но мысль подъ часъ еще мелькнетъ,
Что у судьбы, быть можетъ, къ кассѣ
Еще есть стеклышко въ запасѣ!....
Авось, аванъ же де муриръ,
Хоть разъ гумъ, гумъ!.... *андеръ маниръ!*

=

ВИДѢНІЕ.

Въ кусочикъ неба облачился
Россіи ангелъ, и слетѣлъ
Въ концертъ, гдѣ Русскихъ рой толпился,
И гдѣ Итали геній пѣлъ.
И я смотрѣлъ на то видѣнье,
На тотъ небесный, свѣтлый ликъ,
И чудное гремѣло пѣнье,
И взоромъ въ небо я проникъ.
Осуществилась мысль поэта,
Душа святыней обдалась.....
Но пѣснь чудесная допѣта,
И ангелъ вдругъ изчесъ изъ глазъ.
Такъ недосказанной умчалась
Святая тайна въ небеса,
Но ангела въ душѣ осталась
Залогомъ дивная краса.
Въ ней рая вижу общанье,
Награду жизни скорбныхъ дней
И благодать, и упованье
Теперь живутъ въ душѣ моей.

СКРИПКА.

Говорятъ, есть въ небѣ пери; —
Это души здѣшнихъ Мери,
Лизъ, Катишей и Анетъ,
Что оставили нашъ свѣтъ,
Вѣкъ заботный не доживши,
Поблеснувъ и полюбивши,
И отправясь въ небеса,
До зари! тамъ ихъ краса
Все цвѣтетъ, не увядая;
Но она ужъ не земная. —
Перелетъ ихъ въ міръ духовъ
Обращаетъ ихъ въ любовь,
Въ чувство чистое, святое,
Сонму ангеловъ родное,
Но еще съ нимъ не одно, —
Онѣ точно, какъ звѣно,
Міръ связуютъ съ небесами —
Ихъ любовью, ихъ мольбами.
Въ небѣ имъ земнаго жаль!
Часто одолѣтъ печаль
Пери не имѣютъ силы;

Хоры ангеловъ не милы
Въ небѣ ясномъ, голубомъ
Сожалѣють о земномъ,
И съ мечтою недоцвѣтшей,
Все о радости прошедшей
Сокрушаются ихъ удѣлъ.

Рай наскучилъ, надоѣлъ...
Какъ-то разъ одна изъ пери
Отпросилась, — изъ за двери
Прыгъ, и въ свѣтъ явилась вновь;
Такъ сильна была любовь,
Что искать пошла въ Кремонѣ
Итальянца Баритони.

Баритони прежде жилъ
Въ Петербургѣ, и училъ
Пѣть, играть на фортопьянахъ,
Упражнялся и въ романахъ,
Былъ учителемъ дѣвицъ,
И одну изъ ученицъ,
Сбилъ совсѣмъ онъ съ панталыку,
Такъ вовлекъ ее въ музыку,
Что она сошла съ ума,
И не вѣдая сама,
Съ нимъ такъ долго пѣла, пѣла,
Что и замужъ захотѣла
За учителя. Нельзя жъ!....
Папенька былъ князь и княжъ:
Разсердился на дѣвицу;
Итальянца за границу
Вытѣснилъ, свою-же дочь,

Чтобы той бѣдѣ помочь,
Сталъ держать онъ очень тѣсно.
Видѣть было интересно,
Какъ бѣдняжка она
На тоску осуждена,
То вздохнетъ, то зарыдаетъ,
То бывшее вспоминаетъ,
То молитву изольетъ,
То, забывшись, запоетъ,
Пѣснь о радости минувшей,
То надеждѣ обманувшей
Улыбается сквозь слезъ,
То въ туманѣ дѣтскихъ грѣзъ,
Предается упоенью
И любви и вдохновенью.

Годъ прошелъ, другой насталъ;
Дѣву бѣдную узналъ
Юноша души высокой,
Статный, видный, черноокій.
Другъ для друга создалъ ихъ
Рокъ, казалось, и женихъ
Сердце предложилъ съ рукою.
Онъ восторженной душою
Ждалъ отвѣта; но она
Оставалась холодна.
О любви другой мечтая,
Сокрушаясь, увядая,
Какъ убитая грозой,
День встрѣчала со слезой,
Со слезой и ночь встрѣчала;
Наконецъ совсѣмъ завяла,

Вся истлѣла, отцвѣла,
И съ весною умерла.
Надъ холодною могилой
Дѣвы юноша унылый
Слезы горькія пролилъ;
Горе въ сердце схоронилъ,
И пошелъ путемъ-дорогой.....

Между тѣмъ весьма убогій,
Все сердясь на оборотъ,
Измѣнившій весь расчетъ
Музыкальныхъ его плановъ,
И уроковъ, и романовъ,
Участь горькую кляня,
И бѣднѣя день отъ дня,
Въ городѣ живетъ Кремонѣ
Итальянецъ, Баритони
И на Петербургскихъ дѣвѣхъ,
Местъ питаетъ онъ и гнѣвѣхъ.

Въ Петербургѣ нѣтъ заботы,
А въ Кремонѣ, безъ работы
Хлѣба, соли не достать.
Въ Петербургѣ поиграть,
Проучить два, три дуэта,
Тотчасъ слуги и карета,
Да и денегъ тамъ даютъ,
Что и куры не клюютъ.
Здѣсь-же пріучилъ онъ руки
Къ страдиварьевой наукѣ.
Скрипки сталъ клеить, чинить,
Чтобы было чѣмъ прожить:

У него старикъ былъ дядя,
Чернокнижникъ, и онъ, глядя
На него, и самъ присталъ
Къ чародѣйству и узналъ
Тайну дьявольской науки;
Среди бѣдности и скуки,
Местъ вскормилъ въ душѣ своей,
Ада мрачнаго чернѣй,
Онъ во снѣ ей наслаждался,
И случая дожидался.

И представился случай:
Лѣтъ чрезъ десять, невзначай
Прилетѣла наша Пери,
Какъ сказали мы, и въ двери
Къ Баритони.... Онъ чинилъ
Скрипку, и не доклеилъ
Только верха, какъ влетѣла
Пери, радостно запѣла
Пѣснь о жизни молодой,
О любви своей святой.

Баритони былъ не промахъ,
Тотъ же часъ въ чертахъ знакомыхъ
Онъ ту дѣвушку узналъ,
Отъ которой потерялъ
Всѣ надежды; — разсердился,
И затопалъ и взбѣсился:
«А! такъ это ты, змѣя?
«Это ты?.... Постой же я
«Заморю тебя, запрячу,
«Отплачу за неудачу

«Петербургскую» и дверь
Заперъ на замокъ. — «Теперь
«Ты въ рукахъ моихъ, и воли
«Я лишу тебя; всѣ боли,
«Всѣ бѣды, что перенесъ
«Отъ тебя, рѣками слезъ
«Ты отплатишь мнѣ, въ темницѣ
«Вѣковѣчной.» И дѣвицѣ
Кажеть скрипку; — а она
Злобою удивлена,
Гдѣ любовь найти мечтала,
Грустно, томно отвѣчала

«О, ты не узналъ меня!
«Я все та же! съ того дня,
«Какъ «люблю» тебѣ сказала,
«Я любить не перестала,
«И не ты ль зажегъ любви
«Первый огонь въ моей крови?
«И не всей ли я душою,
«Чтобы только жить съ тобою,
«Все на жертву принесла,
«И не я ли умерла,
«Отъ любви, отъ сожалѣнья?...
«Нѣтъ! во мнѣ нѣтъ измѣненья!
«Мнѣ и въ свѣтлыхъ небесахъ,
«Было грустно; я въ мечтахъ
«Одного тебя искала!»

И бѣдняжка зарыдала,
И такъ сладко излилась
Жалоба ея, что съ часъ

Баритони, какъ прикованъ,
Самъ стоялъ, весь очарованъ.
Но, взглянувъ на красоту
Пери, вспомнилъ нищету,
Въ коей жизнь его томила,
И вся злоба пробудилась...
«Нѣтъ! тобой такъ бѣденъ я,
«Отъ любви судьба моя
«Измѣнилась; за ошибку
«Отплати — ступай-ко въ скрипку.»

Тутъ онъ Пери въ руки взялъ,
Задушилъ еѣ и смялъ,
Въ скрипку бѣдную запряталъ,
Чародѣйски запечаталъ,
Обвязалъ и заклеилъ,
И въ продажу отпустилъ.
Но ему не слоборовало;
Скоро и его не стало;
Все въ нуждѣ кряхтѣлъ, кряхтѣлъ,
И со злости околѣлъ.

По Европѣ развозилась
Долго скрипка; очутилась
Въ Петербургѣ наконецъ,
И нашелся ей купецъ,
Тотъ же самый черноокой,
Человѣкъ души высокой,
Что такъ искренно любилъ
Дѣвушку, и схоронилъ,
И оплакалъ всей душою
Въ юности своей — весною. —

Только началъ онъ играть,
Скрипка стала оживать;
То раскатисто зальется
Русской пѣсней, то несется,
Какъ молитва, въ облака,
То, какъ будто бы тоска,
Жалоба унылой дѣвы,
То какъ ангеловъ напѣвы,
Торжество святыхъ духовъ!....
Весь торжественный, безъ словъ,
Безъ дыханья, безъ движенья,
Скрипки чудныя онъ пѣнья
Слушаетъ, — и вдругъ узналъ,
И къ груди своей прижалъ,
И не расстаётся съ нею
Мыслю, сердцемъ и душою,
Съ скрипкой онъ теперь одно.

Непонятно, мудрено!
Ихъ согласье всѣхъ задачить!
Онъ унылъ — и скрипка плачетъ!
Онъ восторженъ — и она
Вдохновенія полна,
Радуетъ, мутитъ, терзаетъ,
Двери неба отверзаетъ!
Что? вы скрипку не узнали?
Нѣтъ! Такъ Львова не слыхали!

СОЛОВЬЯМЪ НОВОЗНАМЕНСКАГО.

О, соловьи проклятые!
Вотъ сутки ужъ девятые,
Какъ слушаю я васъ;
Душа моя встревожена;
Но просьба не доложена....
Какой пошлуть указъ?

Велятъ ли переслѣдовать?
Кому велятъ завѣдывать?
Кто дѣло поведетъ?....
Вотъ что, средь ночи сладостной,
При пѣсни вашей радостной
Съ ума никакъ нейдетъ!

О дняхъ счастливой младости,
О дняхъ любви и радости,
Повѣяли мечтой,
Вы трелью перелетною,
Тоскою безотчетною
Духъ взволновали мой!

За тучей къ небу свѣтлому,
Къ раздумію завѣтному
Душа моя летитъ;
Но просьба не доложена,
Мечтанье уничтожено,
Существенность моритъ.

Что дѣлать? ночи ясныя,
Мечтанья сладострастныя,
Небесъ обширный сводъ
И трели перелетныя
Вамъ, птички беззаботныя,
А мнѣ — Законовъ Сводъ!

БЫВАЛО.

Бывало, бывало,
Какъ все утѣшало,
Какъ все привлекало,
Какъ все забавляло,
Какъ все восхищало,
Бывало, бывало,

Бывало, бывало,
Какъ солнце сіяло,
Какъ небо пылало.
Какъ все разцвѣтало,
Рѣзвилось, играло,
Бывало, бывало!

Бывало, бывало,
Какъ сердце мечтало,
Какъ сердце страдало,
И какъ замирало,
И какъ оживало,
Бывало, бывало!

Но сколько не стало
Того, что бывало,
Такъ сердце плѣняло,
Такъ міръ оживляло,
Такъ свѣтло сіяло,
Бывало, бывало!

Иное завяло,
Иное отстало,
Иное пропало,
Что сердце ласкало,
Завѣтнымъ считало
Бывало, бывало!

Теперь все застлало
Тоски покрывало!
Ахъ! сердце бывало
Тоски и не знало.
Оно уповало!
Бывало, бывало!

ПАДУЧАЯ ЗВѢЗДА.

Вотъ падучая звѣзда
Покатилась; но куда?
И зачѣмъ ея паденье?
И какое назначенье
Ей отъ промысла дано?

Можетъ быть ей суждено,
Какъ глаголь съ другаго свѣта,
Душу посѣтитъ поэта.
И хотя на время въ ней
Разогнать туманъ страстей.
Небо указать святое,
И все тленное, земное
Освятить, очаровать?

Иль, быть можетъ, благодать,
Утѣшенье, упованье
Въ ней нисходятъ на страданье,
Какъ роса на цвѣтъ полей,
Послѣ зноя лѣтнихъ дней,
Жизнь и радость возвращая.

Можетъ быть, любовь святая
Въ сердце юное летить,
И въ первые озарить
Все завѣтное, родное,
И блаженство неземное,
Въ это сердце принесетъ!

Можетъ быть, она отвѣтъ
На молитву и на слезы,
И несетъ былого грезы
Въ даръ тому, кто и любилъ,
И страдалъ, и пережилъ
Все, чѣмъ жизнь его плѣняла,
А теперь тоска застлала
Этотъ свѣтлый небосклонъ!

Можетъ быть, она поклонъ
Друга, взятаго могилой,
И привѣтъ его унылый
Тѣмъ, кого онъ здѣсь любилъ,
О которыхъ сохранилъ
Память въ жизни безконечной,
Какъ залогъ союза вѣчный,
Неба съ грустію земной!

Можетъ быть, она съ слезой
Ангела несетъ прощенье,
Омываетъ прегрѣшенье,
И спокойствіе дарить!
Можетъ быть, она летитъ
Съ новой, дѣтскою душою,

И обрадуетъ собою
Въ свѣтѣ молодую мать!

Можетъ быть.... но какъ узнать?
Какъ постичь опредѣленья
Ихъ небеснаго паденья?
Не безъ цѣли ихъ полеть!
Человѣка бережетъ
Безпрестанно провидѣнье,
И есть тайное значенье
Въ упдающихъ звѣздахъ. —
Но тамъ только, въ небесахъ
Эта тайна объяснится!....

А теперь, когда катится,
Когда падаетъ звѣзда,
Мы задумаемъ всегда
Три желанья, три моленья,
Ожидаемъ исполненья,
И ему не миновать,
Если только доказать
Все, покуда не умчится,
Не погаснетъ, не затмится,
Не исчезнетъ навсегда
Та падучая звѣзда,
По которой загадали,
Помолились, пожелали!

НАСТАВЛЕНІЕ Гр. Р.

Вы въ дорогу? *бонъ вояжъ!*
Не лѣнитесь, не зѣвайте,
Петербургъ не вспоминайте,
Но, войдя въ *экономы*,
Часовъ въ восемь *э деми*,
Утро каждое вставайте!
И смотрите, примѣчайте,
Какъ коровушекъ доятъ,
Какъ гусей и поросятъ
Сортируютъ, разбираютъ;
Какъ *фромажъ* и *беръ* сбиваютъ,
Какъ пѣтухъ межъ многихъ куръ,
Каждой дѣлаетъ *ла куръ*,
Какъ кокетны эти птички,
И какъ отъ того яички
Вамъ родятся каждый день.
Регарде данъ ле жарденъ,
Какъ выросла, мала-ль, велика,
Ла морковка, ла клубника,
Лез арбузы, э ле помъ:
Посмотрите *бравъ ли омъ*

Вашъ прикащикъ, вашъ садовникъ?
Не съ руки ли имъ чиновникъ,
Что отъ земскаго суда
Наѣзжаетъ иногда?
Нѣтъ ли тамъ у нихъ интриги?
Каковы овины, риги;
Какъ, *варумъ, пуркуа, пуръ ки*
Работаютъ мужики!
Не прибавить ли оброка?....
Ни объ чемъ ужъ же *манъ мока*
Не можете *прононсе!*
Справьтесь такъ же объ овсѣ,
О покосахъ, о запашкѣ,
О Федулкѣ, объ Игнашкѣ;
Да нельзя ли *паръ газаръ*
Завести тамъ *ле базаръ?*....
Если вечеромъ проглянетъ
Въ небѣ вѣщая луна,
И раздумія полна,
Въ васъ душа проситься станетъ
Съ дуновеньемъ вѣтерка
Залетѣть за облака,
Не мѣшайте! Лиру стройте
Понеситесь, и запойте,
Какъ пѣвали иногда. —
Вдохновенная звѣзда,
Изъ за тучъ намъ посылая
Пѣснь обѣщаннаго рая,
Лики ангеловъ святыхъ,
Гуль восторговъ неземныхъ!
Но потомъ прошу спуститься,
Просто баинки ложиться,

Чтобъ засталъ васъ *ле матенъ*
Вашъ подойникъ *а ла менъ!*
Вотъ вамъ наше наставленье,
Вотъ вамъ сельскій нашъ наказъ,
И благослови Богъ васъ,
О ревуаръ, мое почтенье!

=

ЛИСТОКЪ.

Завядшій розовый листокъ,
Предметъ таинственныхъ мечтаній,
Ты для души моей залогъ
Святыхъ, живыхъ воспоминаній!

Ты весь мнѣ тотъ рисуешь балъ,
Куда съ тобой она явилась,
И ты на грудь ея упалъ,
Когда красавица кружилась.

И съ нею въ вальсѣ я летѣлъ,
Восторгомъ, страстью увлеченный,
И жадно на тебя смотрѣлъ,
Весь растревоженный, смущенный.

Завиднѣй участи твоей
Тогдашней, въ мірѣ я не знаю,
Тебя я выпросилъ у ней
И какъ святыню сохраняю.

МОЛИТВА ПРИ ЛУНѢ.

Когда я свѣтлою, роскошною луною
Въ безоблачныхъ люблюсь небесахъ,
Не ты ли говоришь со мною,
О, мой Творецъ! не Ты ль въ звѣздахъ
Мнѣ тайны вѣры указуешь?
Не ты ли мнѣ благовѣствуешь
О раѣ свѣтломъ, о вѣнцахъ,
О почестяхъ, о радостяхъ небесныхъ,
Тобой готовящихся тѣмъ,
Которые свой крестъ здѣсь взяли, какъ яремъ
И въ жизни сей, въ путяхъ прискорбныхъ, тѣсныхъ
Безъ ропота его сподобились пронести
Тебѣ во слѣдъ, умѣя предпочесть,
Небесное ничтожному земному?
Ни Твоему ль глаголу я святому
Внимаю въ трепетѣ листовъ?
Не мысль ли я Твоихъ читаю дивныхъ словъ,
Въ деревьяхъ на водахъ, какъ тѣни отражаясь;
Не такъ ли въ мірѣ семъ, какъ призракъ колыхаясь,
Все, насъ прельщающее, тѣнь,
Когда взойдетъ для насъ Твой беззакатный день,

Мы только съ жалостью земное воспомянемъ,
Къ Тебѣ предвѣчному началу мы воспрянемъ,
Освободившейся душой,
И надъ звѣздами, надъ луной,
Свѣтлѣе ихъ, Твоей мы славой засіяемъ,
Когда Тебя постигнемъ и узнаемъ.
Ты и меня во славѣ сотворилъ,
Ты образомъ меня божественнымъ почтилъ.
Я отблескъ былъ чистѣйшаго сіянья,
Я былъ звѣно святаго мірозданья,
Но заповѣдь Твою я въ жизни преступилъ,
Въ путяхъ порочныхъ я ходилъ,
И отуманился я суетой земною.
О, Господи! Не вниди въ судъ со мною!
Мнѣ милосердія Ты двери отвори
И рая жителемъ Ты паки сотвори
Меня, отпадшаго, но полного сознанья,
Святой любви, святаго упованья.

ПЕТЕРГОФСКІЙ ПРАЗДНИКЪ.

ТРИ ПѢСНИ.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

ПОѢЗДКА.

Собрались,
Поднялись
Въ Петергофъ *pour la fête*,
Погулять,
Щеголять
Средь толпы *en toilette*.
Моя дочь, *mon épouse*,
И механикъ Французъ,
Изъ театра кларнетъ,
Нашъ племянникъ кадетъ,
И нашъ общій родня,
Фабрикантъ эполетъ,
Потащили меня
Въ Петергофъ *pour la fête*.
Нанимать,
Доставать,
Посылаетъ жена
Equipage
De voyage;

Но линѣйка полна!
Что зовутъ *par malice*
Diligence de la suisse,
А на нѣтъ суда нѣтъ!
Ахъ! рублей бы за шесть,
Иль за восемь рублей
Всѣ могли бы мы сѣсть,
Оно бы веселѣй!

Омнибусъ,
Какъ арбузъ,
Весь набитъ до верха,
Въ дилижансѣ
Tant de gens
Набралось — ха, ха, ха!
По неволѣ пришлось
Нанимать и *un carrosse*.
Не постигну того,
Какъ мы влѣземъ въ него!
Intérieur занимать
Знать гостямъ и женѣ,
А на козлахъ торчать
Суждено видно мнѣ!

Такъ сбылось!
Въ *le carrosse*
Дочь, кардонка, жена,
Clarinette
И кадетъ, —
И карета полна!
А узловъ-то, узловъ!
Я побиться готовъ

Штукъ семнадцать, *au moins*;
И овса *et du foin*,
Дать ни взять *omnibus*.
На запяткахъ родня
И механикъ Французъ,
А на козлы меня!

Я сижу,
Весь дрожу,
Такъ и колетъ бока!
То толчекъ,
То скачекъ,
И заснула рука;
Ужъ *partie de plaisir*!
Признаюсь *on peut dire*,
Хоть бы въ вѣкъ не гулять,
И во снѣ не видать,
Но компанья сошлась,
И взялся я за гужъ
Какъ ни жутко, *hélas!*....
Не скажу, что не дюжъ.

А народъ
Такъ и претъ,
Все на праздникъ валить;
Кто пѣшкомъ,
Съ узелкомъ,
Кто въ телѣгѣ сидитъ.
Тутъ съ провизьей воза.
Пыль и солнце въ глаза;
А дѣтей-то, дѣтей!
И собакъ, и людей!

Отъ чего, спросить свѣтъ,
Такъ стремится народъ?....
Что ты скажешь въ отвѣтъ?
C'est la mode! C'est la mode!

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

УТРО.

Пять часовъ
Въ Петергофъ
Мы тянулись *сomme ça*.
Все въ толпѣ
Оссирé
Не задѣтъ колеса,
Не задѣтъ-бы народъ,
Не нажить-бы хлопотъ,
Что-бы все *ne fénisse*,
Просто *par la police*,
А притомъ и поѣсть
Дома не дали мнѣ:
Такъ приспичило сѣсть
Поскорѣ женѣ.

Апетить
Говорить
Поискать *un tracteur*;
Я бы радъ,
Но парадъ

Долженъ быть *tout à l'heure*
И нельзя прозѣвать!
Жена станетъ ругать,
И родня, и Французъ
Раскричатся, боюсь!
Заморить червяка
Я бѣ купилъ кренделекъ, —
Но чужая рука
Отняла кошелекъ.

На разводъ
Весь народъ
Вдругъ нахлынулъ волной!
Придавилъ,
Разлучилъ
И съ гостями, и съ женой.
Я же ихъ все ищу,
Хлопочу, хлопочу,
Цѣлый садъ обѣжалъ, —
Наконецъ отыскалъ!
Гдѣ жъ? пошли въ *mon plaisir*.
Тамъ разсѣлись, сидятъ:
Мнѣ-жъ пришлось *courir*,
И меня-же бранять!

Гдѣ гулялъ?
Пропадалъ?
Закричала жена;
Дочь ворчитъ,
Говоритъ:
Ахъ! какъ я голодна!
И кларнетъ, и кадетъ

Говорятъ про обѣдъ.
И Французъ, и родня
Всѣ ругаютъ меня.

Ахъ! согласенъ и я,
И давно-бы пора, —
Но бѣда въ томъ моя,
Что въ карманѣ дыра!

Mais pour tous

Нашъ Французъ

Предложилъ заплатить.

Je confesse,

Politesse,

Ихъ нельзя не хвалить!

А тутъ кстати пришлось,

Онъ, то есть, тогосъ,

Безъ Француза бѣда,

Даромъ пыль да вода.

Ну теперь полакать,

Благо способы есть,

Новыхъ силъ понабрать,

По вкуснѣе поѣсть.

Гдѣ бъ найти,

Обрѣсти,

Намъ обѣдецъ *meilleur*

Лисабонъ

N'est pas bon

Miserable tracteur,

Portions trop petites,

Les poulets mal rotis

A le beure-то, le beure!

Что за вкусъ! *quelle odeur!*

Этотъ Герберъ — *un trou*,
Весь набитый биткомъ,
И стоитъ на вѣтру,
И несетъ табакомъ.

Въ суетахъ,
Попыхахъ
Des garçons en chemise;
Бѣготня,
Толкотня,
И превялой *service*,
Мы едва черезъ часъ
Получили *du* квасъ,
Осетринки плохой,
Бутербротъ съ колбасой.
Тутъ компанья зоветъ,
Тутъ маркера кричатъ,
Онъ до насъ не дойдетъ
И пора въ маскарадъ!

Поднялись,
Понеслись,
Не доѣвши куска,
Черезъ садъ
Такъ спѣшатъ,
Что, ей Богу, тоска.
Я всѣ пятки отбилъ,
Не доѣлъ, не допилъ,
Но другіе бѣгутъ,
Дѣлать нечего тутъ!
Отъ чего, спросить свѣтъ,
Такъ спѣшить весь народъ?

Что ты скажешь въ отвѣтъ?

C'est la mode! C'est la mode!

ПѢСНЬ ТРЕТЬЯ.

ВЕЧЕРЪ.

Мы спѣшимъ,

Мы бѣжимъ,

Къ маскараду бѣгомъ,

Здѣсь запретъ,

Хода нѣтъ!

Обойдите кругомъ!

Вотъ вошли наконецъ

Въ Петергофскій дворецъ,

Обтоптали носки,

И попали въ тиски.

Мнѣ толстякъ Генералъ

Наступилъ на мозоль;

Камергеръ затолкалъ,

Мочи нѣтъ, *та parole!*

Мудрена

Мнѣ жена:

Такъ и лѣзетъ впередъ

L'imprudente.

Комендантъ

Всѣхъ назадъ такъ и жметъ;

Посмотрѣть *polonaise*,

Всякъ конечно *bien aise*,

Но зачѣмъ-же толкать?
Силы нѣтъ устоять.
Увлекаюсь толпой
Взадъ, впередъ, или въ бокъ,
Среди моря челнокъ.

Какъ помочь,
Мою дочь
Подцѣпилъ *un jeune homme*,
А Французъ,
Съ *mon épouse*
Что-то шепчетъ вдвоемъ.
Ну ужъ быть тутъ бѣдамъ!
Какъ *sekursъ* я подамъ?
Не пробьешься никакъ,
Вотъ я *dans les* дуракъ!
Ну ужъ праздникъ.... скажу!
Вдругъ раздался *un* крикъ.
Что такое? гляжу,
Анъ съ женой *hystérique*!

За водой,
Какъ шальной,
Я стремглавъ побѣжалъ,
Лишь пролѣзъ
Въ *polonaise*,
Какъ куръ во щи попалъ,
И въ него запряженъ.
Эстерическихъ женъ
Не могу не ругать.
Какъ своихъ мнѣ сыскать?
Обошли весь дворецъ;

Какъ вернулись назадъ,
Маскараду конецъ,
Всѣ отправились въ садъ!

Я бѣгу,
Какъ могу,
Къ *Mon plaisir*'у, къ Марли.
L'amprions
Миліонъ

По аллеямъ зажгли,
Точно день, яркій свѣтъ,
А жены нѣтъ, какъ нѣтъ!
Гдѣ Французъ? гдѣ Кларнетъ?
Гдѣ племянникъ кадетъ?
Ихъ нигдѣ не видать.
Я вездѣ побывалъ,
Мочи нѣтъ продолжать,
Какъ собака усталъ!

Dieu merci
Par ici

Къ нимъ какъ разъ доберусь!
Нѣтъ! линейки катятъ,
Проходить не велятъ,
Ты ни взадъ, ни впередъ!
Видитъ глазъ, зубъ нейметъ!
Нѣтъ линейкамъ конца,
Все ихъ тянется рядъ,
Потъ струится съ лица,
Ноги ужась болятъ.

Проскакалъ,
Испугалъ
Адъютантъ на конѣ:
Я назадъ,

Вдругъ летятъ
Плошекъ восемь ко мнѣ,
Какъ подался *сотте са*,
Знать, задѣлъ за лѣса.
Вѣсь я саломъ облитъ,
Какъ фонарщика видѣ.
Хрошо жъ погулялъ!
Признаюсь *on peut dire*,
Голодалъ и усталъ,
Ужъ *partie de plaisir*!

Promener

Sans diner

И съ потерей *même*;

Les mазоль

Ma parole,

Отдавили совсѣмъ;
Я на козлахъ торчалъ,
Въ Полонезѣ гулялъ,
Всѣхъ своихъ растерялъ,
И подъ соусъ попалъ.
Отъ чего, спросить свѣтъ,
Такъ я сунулся въ бродъ?
Что скажу я въ отвѣтъ?

C'est la mode! C'est la mode!

==

ФАНТАЗІЯ.

НА МАЗУРКУ ШОПЕНА, ИГРАННУЮ ЛИСТОМЪ ВЪ КОНЦЕРТЪ 22 АПРѢЛЯ
1842 ГОДА.

Мазурку начали — я съ нею,
Я съ нею буду танцовать,
Я все ей высказать успѣю.
Пора, пора ей все узнать,
Я ей скажу, какъ я тоскую,
Какъ я страдаю, какъ ревную,
Какъ я влюбленъ, какъ плачу я!
Но вотъ она, бѣда моя!
При ней я все позабываю,
Любовно станъ ея роскошный обнимаю
И съ ней верчусь, и съ ней лечу,
Въ восторгъ я!

Но нѣтъ, хочу
Ей высказать мои сомнѣнья;
Просить, хотя изъ сожалѣнья
Всю мою жизнь не отравлять.

Но только вымолвилъ — и глядь
Она меня внезапно покидаетъ,

Съ другимъ идетъ, ему внимаетъ,
А я какъ вкопанный стою!
Тоску не выплакать мою
Рѣками слезъ.

О! какъ сердита,
Всѣхъ восхищаетъ, какъ харита,
А на меня и не глядитъ,
Ей нужды нѣтъ, что я убить.

Я одержу побѣду надъ собою,
Ей отомщу, пойду съ другою,
Пускай потужить и она.

Ахъ, какъ душа моя больна!
Какъ тяжело мнѣ, какъ мнѣ скучно!
Мазурка между тѣмъ такъ звучно,
Такъ весело, такъ сладостно грѣмить,
Всѣхъ оживляетъ, всѣхъ манить
Къ восторгу, къ радости безпечной,
Мнѣ одному тоски моей сердечной
Не одолѣть!.....

Не одолѣть! ужель
Одна есть только въ жизни цѣль!
Я цѣлью оживлюсь другою!

Я въ небо унесусь парящею мечтою;
Тамъ сонмы ангеловъ, тамъ перій дивный рой;
Онѣ мнѣ возвратятъ и радость и покой;
Тамъ отдохнетъ душа моя больная.

*

Побѣдной пѣснѣ ихъ я мысленно внимая,
Отъ всѣхъ земныхъ тревогъ на вѣки откажусь;
Въ пустыню мрачную отъ свѣта удалюсь,
Какъ труженикъ, вздымая къ небу руки!

Безсмысленный! опять мазурки звуки,
Опять она порхнула предо мной,
И я опять порабощенъ душой.

Но что я вижу? вотъ подходитъ!
И на меня съ улыбкой взоръ наводитъ,
Меня зоветъ, меня манитъ,
Со мною ласково, привѣтно говоритъ.

Спасибо, ангелъ мой прелестный!
Спасибо.... радости небесной
Ты долю мнѣ въ сей жизни подала:
Какъ хороша ты, какъ мила,
Мнѣ болѣе уже не тяжело, не скучно.

Мазурка сладостно и звучно,
И весело, и радостно гремитъ,
Со мной красавица летитъ,
На крыльяхъ радости душа моя стремится.

Но долго ли мазурка продолжится?

ИСТОЛКОВАНИЕ ЛЮБВИ.

Что есть любовь?

Спросилъ меня Петровъ,

Мой дворникъ, стражъ, блюститель дома.

Любовь мнѣ какъ-то незнакома.

Не правда, врешь дуракъ,

Ты только говоришь не такъ;

Любовь есть то, къ чему душа стремится,

Любовь есть то, чѣмъ сердце веселится,

И безъ чего прожить намъ мудрено!

А, понялъ я: любовь есть пѣнное вино!

=

МОГИЛА и РОЗА.

Изъ Виктора Гюго.

Одинокая могила
Съ розой въ полѣ говорила:
Ты куда дѣваешь всѣ
Слезы неба при росѣ?
Ты сама куда дѣваешь
Все, что жадно поглощаешь
Съ свѣта съ каждою зарей?
Роза возразила ей:
Слезы неба я собираю,
Въ ароматъ ихъ превращаю
И молитвой въ небо лью....
Я жъ, отвѣтила могила:
Изъ всего, что поглотила,
Небу ангеловъ даю.

СМЕРТЬ СОЛДАТА.

Изъ Уланда.

Товарищъ былъ мнѣ добрый....
Не сыщется такой,
Какъ застучать тревогу,
Со мной бывало въ ногу —
Идетъ товарищъ мой!

Разъ засвистѣла пуля,
Его ль, меня ль сразить;
Его она задѣла,
Какъ моего часть тѣла,
У ногъ моихъ лежить.

Еще даетъ мнѣ руку,
Нельзя; зарядъ другой
Въ ружье кладу рукою —
Покойся, міръ съ тобою,
Товарищъ добрый мой!

НА СМЕРТЬ ПѢВИЦЫ МАЛИБРАНЪ.

Зачѣмъ не вѣчны,
Но скоротечны
Блескъ и краса.
Въ гробу пѣвица
Пѣнья царица.
О чудеса!
Пери слетѣла,
Пѣсню пропѣла,
И отлетѣла
На небѣса!

БРАЧНАЯ ДЕЛИКАТНОСТЬ.

Одинъ чувствительный священникъ
Сказалъ почтенной попадьѣ:
Тебя узнавъ, я сталъ твой плѣнникъ,
Свободѣ я сказалъ *адье*.
И я съ свободою расталась,
Въ отвѣтъ сказала попадьѣ:
Съ тобой какъ только обвѣнчалась,
Рабыня стала я твоя!

=

НЕПРІЯТНЫЙ СОСѢДЪ.

Къ Шевалдышеву изъ Тамбова
Въ гостинницу пріѣхалъ господинъ,
И нумеръ занялъ онъ одинъ.
Спросилъ поѣсть того, другаго,
И цѣлый день въ квартирѣ просидѣлъ,
Но только страхъ, какъ надоѣлъ,
Ему сосѣдъ чрезмѣрно чистоплотной,
Притомъ натуры премокротной;
То харкалъ, кашлялъ и плевалъ,
То ротъ и горло полоскалъ,
То воду лилъ, то умывался.
Съ досады онъ съ гостинницей разстался,
Его жъ сосѣдъ, узнать намъ довелось
Былъ Англичавинъ Ватерклось.

ЛУННАЯ НОЧЬ.

Какъ сладость я люблю осенней лунной ночи,
Какъ мнѣ при ней всегда отраднo и легко,
Какъ уношусь всегда мечтами далеко,
Когда мои луну встрѣчаютъ очи!
Какъ для меня краснорѣчивъ
Ея таинственный отливъ,
Когда онъ свѣтлою и длинной полосою
Лежитъ надъ спящею водою
И листія деревъ какъ будто серебрить;
Въ моей душѣ всегда такъ сильно загорить
Любовь къ высокому и вѣра въ провидѣнье
И исчезаютъ въ мигъ и робость, и сомнѣнье,
Какою, мнится мнѣ, могучею рукою,
Великолѣпный тотъ устроился покой,
Который вкругъ меня объемлетъ всѣ предметы.
Гдѣ бури свѣтскія, гдѣ козни, гдѣ навѣты,
Все улеглось, и въ небѣ голубомъ,
Одна торжественнымъ сіяющимъ щитомъ
Луна побѣдная гуляетъ,
Душа воспрянетъ, оживетъ,
Я забываю, что я старъ,

Что унялся давно страстей моих пожаръ.
И что, какъ гость въ бесѣдѣ запоздалый,
Всѣ жизни прелести давно уже пропали.
Я оттолкнулъ сосудъ, допивъ его до дна.
Воспоминаньями волшебница луна

Мою всю душу наполняетъ
И дума тайная, привычная встрѣчаетъ
Опять друзей моихъ минувшихъ лѣтъ,
Друзей, которыхъ здѣсь давно со мною нѣтъ.
Взоръ устремляется въ густыя рощи сѣни,
И въ отблескахъ луны мнѣ ихъ мелькають тѣни,
И ты, мой братъ, мой вѣрный, лучшій другъ,
Котораго сразилъ такъ рано злой недугъ,
И ты опять бесѣдуешь со мною.
Все вѣтъ мнѣ святой, завѣтной стариною,
И дружба прежняя, и прежняя любовь,
И вы красавицы, и вы со мною вновь,
Разгульной юности прелестныя подруги,
Забавы рѣзвыя, счастливые досуги,
Вы раздѣляете по прежнему со мной,
Вы разцвѣтаете утѣшною весной
Цвѣты уже давно запаханной долины,
Восторга юнаго счастливыя картины,
Какой-то радостью всѣ чувства обдають,
И дышитъ ароматъ, и соловьи поютъ,
И вы слова любви мнѣ шепчете украдкой;
Но для меня теперь еще загадкой,
Любимъ я былъ или смѣялись вы;
Довѣрчивость моя, мечтательность увы!
Неизцѣлимые души моей недуги,
Все тѣ жъ еще и юныя подруги
Заката дней моихъ смѣются надо мной,

Когда съ отцвѣтшею, съ отжившею душой
Въ восторгѣ юности, я ихъ рѣчамъ внимаю,
Или огнемъ любви внезапно запылаю,
Или, стряхнувъ съ себя все бремя непогодъ,
Вмѣшаюсь иногда въ ихъ рѣзвый хороводъ,
Но ихъ забавы мнѣ, какъ отклики былого,
Какъ эхо дальнее мнѣ сказаннаго слова,
Когда еще не при одной лунѣ,
А на яву все улыбалось мнѣ,
И если бы въ душѣ читать моей умѣли,
То не смѣялись бы, а вѣрно пожалѣли!

ВИДѢНІЕ.

Въ гостинницѣ Шевалдышева.

У Шевалдышева что то
Ночью я заснуть не могъ.
Иль мечта, или забота,
А, быть можетъ, и отъ блохъ.
Какъ ни силился, ни бился,
Убѣдись, что не засну;
Я халатъ надѣтъ рѣшился,
Трубку взялъ, и сѣлъ къ окну.

Тутъ мнѣ видно задремалось;
Я глаза вперилъ на дворъ,
И мнѣ точно показалось,
Будто слышу разговоръ
На дворѣ передо мною,
Все повозки, цѣлый рядъ;
И онѣ между собою,
Точно будто говорятъ.

Между ними, въ ихъ компаньи,
Какъ бываетъ и у насъ,

Старшій по лѣтамъ, и въ званьи,
Былъ зеленый тарантасъ.
Онъ изъ города Сызрани
Притащилъ откупщика;
И поставленъ былъ на сани,
Только на зиму пока....

Но немножко покривился,
Прибоченясь на дугу.
Онъ къ повозкамъ обратился:
Я совѣтъ вамъ дать могу,
Изъ бездѣлья для науки,
И пока нашъ дворъ затихъ,
Потолкуемъ-ка отъ скуки
Мы о господахъ своихъ.

Ты, покрытая рогожей,
Кто хозяинъ твой? — Купецъ,
Бѣлобрысый, краснорожій,
Разбитной ужъ удалецъ;
Мы съ нимъ вѣчно разъѣжаемъ,
Не пропустимъ именинъ;
Говорятъ, что мы гуляемъ;
Но гуляетъ онъ одинъ.
А я бѣдная тащуся,
Только онъ куда вѣлитъ;
По ухабамъ колыхнуса,
И отводъ ужъ мой отбить.

Съ поотшибленной запяткой,
Кибитченка тутъ стоитъ.
Баринъ занять мой девяткой,

Кибитченка говоритъ:
Кое какъ перебивался
Мой покуда банкометъ,
Но до нитки проигрался,
И меня онъ продаетъ.

Тутъ кибитка откидная
Говоритъ: привезена
Мною толстая, больная,
Городничаго жена.
Ни ломоты, ни припадки,
И ни жаръ ее гнетутъ;
Но супругъ ея за взятки,
Говорятъ, попалъ подъ судъ.
Судьи иногда суровы;
Средствами Москва полна;
Здѣсь останутся здоровы
И шкатулка, и она.

Тутъ повозка на колесахъ
Говоритъ: уже весной
Я примчалась, о процессахъ
Баринъ, молю, хлопочетъ мой,
Обо мнѣ что всякій скажетъ,
Видя участь здѣсь мою,
Баринъ мой все мажетъ, мажетъ,
А я всё-таки стою.

Я такъ притащилъ поэта,
Тутъ заговорилъ возокъ;
Но останусь здѣсь до лѣта:
Баринъ сердцемъ занемогъ,

Онъ увидѣлъ здѣсь графиню,
Мысль его цвѣтущихъ дней,
Матушки Москвы богиню,
И останется при ней.

Тутъ разсѣялось видѣнье....
Мой возокъ ужъ запряженъ
И въ Симбирское имѣнье
Я дѣлами увлеченъ.
Но оставить мнѣ графиню,
Мысль моихъ бывалыхъ лѣтъ,
Матушки Москвы богиню,
Грустно, право мочи нѣтъ!

=

Bayerische
Staatsbibliothek
München

СКУЧНО.

Дума.

Лѣсъ дремучій, лѣсъ угрюмый,
Пожелтѣлые листы,
Неразгаданныя думы,
Обманувшія мечты!

Солнце жизни закатилось,
Все прекрасное прошло,
Все завяло, измѣнилось,
Помертвѣло, отцвѣло.

Все состарилось со мною;
Конченъ мой разгульный пиръ;
Охладѣвшею душою
Я смотрю на свѣтлый міръ.

Міръ меня не разумѣетъ,
Міръ мнѣ сдѣлался чужой,
Не приманитъ, не согрѣетъ
Ни улыбкой, ни слезой!

То ли въ старину бывало!
Какъ любилъ я свѣтлый міръ!
Опытъ сдернулъ покрывало....
И разбился мой кумиръ.

Какъ ненастье, завыванье
Ворона въ душѣ моей....
Но есть тоже соловей
Сладкозвучный — упованье!

СОЛОВЕЙ.

Сладкозвучный соловей,
Говори душѣ моей,
Пой мнѣ пѣснь бывалыхъ дней,
Сладкозвучный соловей!

Какъ я любовался ей,
Безъ заботы, безъ затѣй
Въ свѣтлой юности моей,
Сладкозвучный соловей!

Вѣрилъ я словамъ друзей,
Вѣрилъ добротѣ людей,
Пѣсней радуясь твоей,
Сладкозвучный соловей!

Пѣснь твоя въ тиши ночей,
Нынѣче стала мнѣ грустнѣй;
Спой мнѣ пѣснь бывалыхъ дней
Сладкозвучный соловей!

ВОСТОРГЪ.

Настоечка тройная,
Настоечка травная,
Изъ зельи составная,
Удивительная.
Въ присядку при народѣ
Тряхнулъ бы въ хороводѣ

КН. А. ЛОБ.

Какъ ты поешь, какъ ты поешь,
Какую сладость въ душу льешь,
Какъ жизни путь тобой свѣтлѣть,
Душа какъ небо разумѣть.
Ей хочется летѣть туда,
Гдѣ ясно такъ горитъ звѣзда,
Гдѣ сонмы ангеловъ ликуютъ,
Гдѣ не страдаютъ, не тоскуютъ,
Но гдѣ всѣ любятъ, всѣ поютъ,
Гдѣ вѣчной юностью цвѣтутъ,
Всѣ чувства, мысли, осязанья,
Гдѣ всѣ сбываются желанья.
Но ты сама такъ хороша.....
Въ недоумѣніи душа
Летѣть ли ей или остаться,
Чтобы тобою любоваться.
Ты запоешь — здѣсь благодать,
Такъ что жъ и въ небо улетать!

БОЛЬНОЙ ДѢВИЦѢ.

Въ твои младенческіе годы
Тебя настигли непогоды,
И вѣтры буйные твой нѣжный стебелекъ
Погнули, молодой цвѣтокъ.
Но для тебя погода прояснится,
Твой стебелекъ окрѣпнетъ и спрямится
И будешь ты еще въ долинѣ расцвѣтать,
И будешь ты еще собою восхищать
Родителей твоихъ, и твоего поэта.
Тебя ждутъ радости, пиры большого свѣта,
Тебя обступитъ рой красавцевъ молодыхъ,
И одного ты выберешь изъ нихъ,
И въ полнотѣ души его любить ты будешь.
Но твоего поэта ты забудешь,
А онъ, бѣднякъ, онъ, можетъ быть, вздохнетъ,
Когда тебя къ вѣнцу счастливца поведетъ,
Тогда впервые постигая,
Что ты не ангель, а земная!

МОЛИТВА.

Рубини.

Какое пѣнье неземное,
Онъ къ Богородицѣ излилъ,
Все сокровенное, святое
Души онъ имъ изобразилъ.
Какая вѣра въ Провидѣнье,
Сознанье немощи своей:
Любовь, надежда, сокрушенье.
Мать Искупителя людей
Всѣ скорби жизни испытала,
Ихъ всѣ извѣдала душой.
Она, казалось мнѣ, внушала
Сама глаголь ему родной.
И весь я въ небо устремился,
Я благодати достигалъ,
Какъ вдругъ пѣвецъ остановился,
И голосъ дивный замолчалъ.
Зачѣмъ, подумалъ я, такъ мало
Намъ было суждено внимать,
На мигъ намъ небо просіяло,
И отуманилось опять?

Затѣмъ, чтобъ мы не забывали,
Что все на мигъ намъ здѣсь цвѣтетъ,
И чтобъ сильнѣй туда желали,
Куда насъ пѣснь его зоветъ!

=

ЕЙ.

Залетное, небесное видѣнье,
Дай вѣсточку о родинѣ твоей,
На долго ль ты разсталось съ ней,
Твое на долго ль посѣщенье?

Отъ сердца горе отлегло,
Я вдругъ помолодѣлъ душою,
Мнѣ стало такъ легко, свѣтло,
Когда я встрѣтился съ тобою.

Скажи, тамъ въ синихъ небесахъ,
Знакома ль ты съ моей звѣздою.
Она въ сіяющихъ звѣздахъ
Свѣтлѣе всѣхъ — сходна съ тобою!

Какъ ты среди земныхъ утѣхъ,
Среди пировъ земнаго міра,
Свѣтлѣй, милѣй, виднѣе всѣхъ,
Такъ и она среди эфира.

Какъ ты чудесна, хороша
Моя звѣзда, одно съ тобою:

Вся заливается душа,
При васъ любовью и тоскою.

Какъ стану я на васъ смотрѣть,
Мой взоръ не можетъ отдѣлиться,
И плакать хочется, и пѣть,
И Богу хочется молиться.

Твой взглядъ, какъ дивный съ неба лучъ,
Вливаетъ въ душу упоенье,
Среди туманной жизни тучъ,
Мнѣ говоритъ, какъ откровенье.

Какъ шестикрылый серафимъ,
Какъ непорочный житель рая,
Ты улыбаешься моимъ
Стихамъ, безсмыслицамъ внимая.

Я позабылъ про небеса,
Ужъ въ нихъ очей не устремляю,
Твоя мнѣ свѣтитъ здѣсь краса,
И Бога я благословляю!

Но отъ чего жъ плѣнился я,
Такъ страстно, свѣтлый небожитель,
Скажи, не ты ль, звѣзда моя,
Не ты ли ангелъ мой хранитель?

А М^ле ЛЮБОВЬ.

Не безъ намѣренья тебя,
Любовью люди окрестили,
И жизнь ты проживешь любя,
Всё то, что люди полюбили.

И шумный свѣтъ, и пышный балъ,
Которыхъ будешь ты красою,
И рощей тѣнь, и водъ кристалъ
Съ очаровательной луною.

Весну роскошную, цвѣты
И завыванье непогоды,
Поэзью, думы и мечты
И дѣвъ веселыхъ хороводы.

И средь поклонниковъ твоихъ
Ты страстно одного полюбишь;
Онъ будетъ счастливъ...но другихъ
За то какъ много ты погубишь!

ВОСКРЕСЕНИЕ ЛАЗАРЯ.

Четверодневенъ Лазарь былъ,
Холоднымъ саваномъ обвитый,
Тяжелымъ камнемъ накрытый,
Когда его Спаситель воскресилъ.
И слова одного довѣло,
Чтобъ огонь и жизни, и любви
Опять зажегъ въ его крови,
Уже на вѣкъ оледенѣлой.

Подобно Лазарю обвить
И я житейской пеленою,
Тяжелой суетой земною,
Какъ будто камнемъ накрытъ,
Но изрѣки Спаситель слово,
Но снизойди святая благодать —
И я душой воспряну снова,
Я вѣрой озарюсь опять.

Улягутся земныя бури,
Туманъ страстей исчезнетъ вдругъ,
И свѣтлою звѣздой въ лазури

Небесъ мой засіяетъ духъ;
Я въ вождельннѣную стихію
Душой свободной погружусь,
И, преклонивъ колѣна, выю,
Я съ сокрушеньемъ помолюсь,
Передъ владыкою творенья,
Виновникомъ всѣхъ бытія,
Яко кадило всесожженья,
Исправится мольба моя.

Но ихъ достоинъ ли я, грѣшный,
Чтобы меня Спаситель посѣтилъ?
Нѣтъ прелестямъ юдоли здѣшней,
Себя я слишкомъ посвятилъ.
Земной любви, земной отрадѣ,
Я слишкомъ жертвовалъ душой,
И далъ угаснуть я лампадѣ,
Въ которой былъ огонь святой.

Какъ мытаря, мое воззванье,
Ты не отринь, прими Господь,
Ты возврати мнѣ упованье
И усмири земную плоть,
Не вѣрю, моему сомнѣнью
Ты благодатно помози,
И для меня надъ обольщеньемъ
Твой крестъ побѣдный водрузи!

НЕЙНДОРФСКАЯ НОЧЬ.

ПЕТЕРБУРГСКИМЪ ДРУЗЬЯМЪ.

Ужъ солнце скрылось за горою,
Ужъ затѣнился день вечернею зарею,
И понемногу ночь настала свой покровъ
На засыпающій Нейдорфъ,
И небо ясное усѣялось звѣздами;
Тутъ мнѣ повѣяло мечтами
О сторонѣ моей родной.

Какъ часто, тамъ, въ тиши ночной
Тѣ жъ звѣзды для меня сіяли,
И сердцу сладостно вѣщали
О чемъ-то лучшемъ, не земномъ,
И думы рѣзвыя летали,
Въ ихъ хороводѣ золотомъ,
И сердцу милый отчій домъ
Ихъ покровительству ввѣряли.
Я какъ-то лучше былъ душой,
Глядя на ихъ волшебный строй;
Но вы тогда со мной бывали,
И звѣзды — вмѣстѣ намъ сіяли.
Родные сердцу, и друзья,

И васъ сливала мысль моя!
Теперь я здѣсь одинъ скитаюсь,
Одинъ на звѣзды я гляжу;
Но васъ опять я нахожу —
Въ звѣздахъ я съ вами съединяюсь,
Мнѣ свѣтитъ въ нихъ вашъ добрый взглядъ,
Онѣ — о васъ мнѣ говорятъ.

О, сердцу родные!
На звѣзды златыя
Взгляните порой,
Вамъ также сіяетъ
И васъ осѣняетъ
Ихъ хоръ неземной!
Два слова скажите,
Поклонъ мнѣ пошлите,
Они долетятъ! —
Онѣ заблестятъ! —
Въ ихъ свѣтломъ сіяньи,
Въ душевномъ свиданьи
Мы мигъ проведемъ,
И съ новою силой
Разлуки унылой
Тоску понесемъ.

УНЫНІЕ.

Куда удалились,
Дни счастья? васъ нѣтъ!
Куда вы сокрылись?
Ахъ, дайте отвѣтъ!
Куда васъ влечетъ
Надежда съ собою?
Тоска лишь со мною,
И сердцу съ тоскою
Постылъ бѣлый свѣтъ!

И солнце не мило,
Не милъ вѣтерокъ:
Печально, уныло
Журчитъ ручеекъ.
Какъ осень листокъ
Съ кусточка срываетъ,
Листокъ увядаетъ —
Тожъ съ сердцемъ бываетъ,
Когда злобенъ рокъ.

Напрасны забавы,
Не могутъ прельстить;

Напрасно путь славы
Желають открыть:
Все будет тужить
Оставленный милой.
Какой можно силой
Свѣтъ сердцу постылый
Еще оживить?

Но развѣ подруга
Одна, скажутъ мнѣ:
Ты выбери друга
По сердцу себѣ. —
Ихъ много! Но гдѣ
Другаго найдете?
Для сердца на свѣтѣ
Въ одномъ лишь предметѣ
Сокровища всѣ.

Его потеряешь —
Тогда цѣлый свѣтъ
Пустыней считаешь:
Отрады въ немъ нѣтъ,
Увяль жизни цвѣтъ.
Ахъ то же со мною!
Одинъ я съ тоскою,
И душу къ покою
Могила зоветъ.

АРТАМОНЫЧЪ.

Не ходите вы, дѣвицы,
Поздно въ нижній садъ гулять!
Тамъ такія небылицы,
Что и слухомъ не слыхать!
Въ рощѣ, межъ двумя прудами
Видѣнъ домикъ, вы туда
Не ходите; право, съ вами
Можетъ встрѣтиться бѣда!

Артамонычъ, въ часъ полночи,
Часто ходитъ въ тѣхъ мѣстахъ;
Какъ огонь сверкаютъ очи,
Блѣдность смерти на щекахъ;
Грозно машетъ онъ руками,
Въ бѣломъ саванѣ обвить;
Страшно щелкаетъ зубами,
Зорко, пристально глядитъ.

Стонъ невнятный произносить,
Будто вѣтра дикій вой,
И чего-то точно просить

Этотъ голосъ гробовой.
Грѣшный духъ его терзаетъ,
Несносимая тоска,
И съ собою онъ таскаетъ
Два зеленые бруска.

Артамоныча могила
Подъ горой въ погостѣ тамъ;
Буря крестъ съ нее сломила:
Крестъ разбился по кускамъ;
Долго на землѣ лежали
Всѣ обломки; но зимой
Ихъ мальчишки растаскали,
Кто играть, а кто домой.

Но вокругъ могилы срыты
Кучи мокраго песка —
И на нихъ лежатъ забыты
Два зеленые бруска;
Ихъ-то вѣрно все и носить
Посѣтитель этихъ мѣстъ,
И людей онъ добрыхъ проситъ
Починить могильный крестъ.

ОСЕНЬ.

Когда леденѣтъ
Сребристый потокъ,
Когда пожелтѣтъ
Увядшій листокъ,
Когда умолкаетъ
Въ лѣсахъ соловей:
Душа унываетъ
И тягостно ей.

Ахъ! также и младость
Поблекнетъ, пройдетъ;
Веселіе, радость
Съ собой увлечетъ!
Душа охладѣтъ
Къ привѣтамъ друзей,
И время развѣтъ
Мечту юныхъ дней.

Но снова весною
Листку зеленѣтъ, —

И съ прежней игрою
Потоку шумѣть,
И вновь филломелѣ
Въ лѣсахъ воспѣвать;
Но прежнихъ веселій
Ужъ сердцу не знать!

Душа, увядая,
Навѣкъ отцвѣтеть,
И юность золотая
Опять не придетъ;
Такъ осень невольно
Заставитъ вздохнуть,
Счастливому больно
Впередъ заглянуть.

=

ЛУНА.

Когда волшебная луна
На небѣ голубомъ сіяетъ,
И полуспящая волна
Ея мерцанье отражаетъ;
Когда въ тиши ночной зѣфиръ
Колеблетъ листія порою:
Душа весь наполняетъ міръ
Своей любимой мечтою.

Не радость въ ней и не печаль;
Но, съ будущимъ минувшее сливая,
Она глядитъ въ туманну даль,
Воображенію внимая....
Оно рисуетъ передъ ней,
Все, что сбылось, что измѣнило,
И что въ печальной жизни сей
Еще бы сердце веселило.

Друзей минувшихъ, юныхъ лѣтъ,
И отчій домъ, поля родныя,
И тѣхъ, кого ужъ больше нѣтъ,

Но въ сердцѣ все еще живые;
А горькій опыта урокъ,
Что дважды младость не бываетъ,
Что счастію положенъ срокъ —
Душа въ раздумьѣ забываетъ.

Но долго ли обольщена
Она любимою мечтою?
Зайдетъ за облако луна
И увлечетъ мечту съ собою:
И жизни одинокій путь
Еще грустнѣй, мрачнѣй предстанетъ,
И мысль одна: куда нибудь,
Авось, еще луна проглянетъ!

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ВЫСКАЗКА.

Тараканъ
Какъ въ стаканъ
Попадетъ —
Пропадетъ;
На стекло,
Тяжело,
Не всползетъ.

Такъ и я:
Жизнь моя
Отцвѣла,
Отбыла;
Я плѣненъ,
Я влюбленъ,
Но въ кого?
Ничего
Не скажу;
Протужу,
Пока силъ
Не лишилъ
Меня Богъ;

Но чтобъ могъ
Разлюбить,
Позабыть,
Никогда;
Навсегда
Я съ тоской,
Грусти злой
Не бѣгу;
Не могу
Убѣжать,
Перестать
Я любить —
Буду жить
И тужить.

Тараканъ,
Какъ въ стаканъ
Попадетъ —
Пропадетъ;
На стекло,
Тяжело,
Не вползетъ.

==

КЪ МОРЮ.

Зачѣмъ привѣтливой волною
Меня зовешь ты въ области мечты?
О море синее! со мною
Зачѣмъ не постарѣло ты?

Зачѣмъ еще душѣ родныя
Твой бурный ревъ и тишина?
Зачѣмъ опять мечты былыя,
Когда сребрить тебя луна?

Зачѣмъ отвага молодая
Живетъ опять въ душѣ моей,
Когда мой парусъ расправляя,
Плыву по влагѣ я твоей?

Зачѣмъ, по прежнему, играю
Твоихъ непостоянныхъ волнъ,
Давно знакомый съ тишиною
Мой мирный, престарѣлый челнъ?

Мой жизни челнъ давно у берега,
Давно ужъ положенъ предѣлъ

Его затѣйливаго бѣга,
И я давно ужь посѣдѣлъ,

Воображеніе — вѣтрило
Дней юныхъ сердца моего
Уже давно мнѣ отслужило
И опытъ разорвалъ его.

Давно простился я съ весною;
Исчезли юныя мечты!
О море синее! со мною
Зачѣмъ не постарѣло ты?

=

ПЛАЧЪ ДИТЯТИ.

Я не люблю, когда дитя тоскуетъ
И плачетъ.... мнѣ оно жалчѣй всего:
Дитя печаль свою ни какъ не растолкуетъ
И горе, кто пойметъ его!

Вокругъ его, куда бѣ ни поглядѣли,
Все улыбается, во всемъ ему привѣтъ;
Любовь сама его лелѣетъ въ колыбели,
И для него еще печалей нѣтъ.

Оно груститъ, оно рыдаетъ;
Его ничѣмъ нельзя унять,
И за него моя душа страдаетъ,
И я тоску его стараюсь разгадать.

Быть-можетъ, вѣщій гласъ душевный
Ему о будущемъ сказалъ,
И хоть на мигъ сей міръ волшебный
Разоблачилъ и указалъ, —

И зреть оно: обманъ, расчеты,
Гдѣ дружбы свѣтъ ему сіялъ;

Уныніе, тоску, заботы,
Гдѣ мнился радостей фіялъ.

Быть можетъ, подавая руки
Родимой, зрять оно душой
Жестокій съ нею часъ разлуки,
Себя же въ мірѣ сиротой;

И свѣтлый міръ предъ нимъ темнѣетъ,
Отрады въ немъ оно не ждетъ;
Но мать его не разумѣетъ
И пѣснь веселую поетъ.

Я не страшусь тоски, когда душою
Могу ее душѣ родной пересказать,
Отрадно мнѣ, когда грустятъ со мною,
Когда меня умѣютъ понимать.

Но ежели меня забавой развлекаютъ
И оторвать хотятъ отъ горести моей:
Мнѣ мнится, что мое родное отнимаютъ
И сердцу моему гораздо тяжелѣй!

БОЛЬШАЯ МЕДВѢДИЦА.

Семь звѣздъ сіяетъ въ небѣ ясномъ
Всегда отдѣльно отъ другихъ,
И въ ихъ строю волшебномъ и согласномъ
Мой взоръ всегда находитъ ихъ.

И каждый вечеръ ихъ явленье,
Ихъ тихій, постоянный свѣтъ
Въ печали сердцу утѣшенье
И лучшій въ радости привѣтъ.

Онѣ душѣ моей знакомы:
На нихъ смотрѣть я прихожу,
Когда, мечтой крылатою влекомый,
Въ раздумьи сладость нахожу.

Стремясь къ высокому открытою стезею,
Въ надеждахъ часто я встрѣчаю недочетъ,
Обманъ и зло, и грустно мнѣ душою;
Но посмотрю на нихъ, и грусть моя пройдетъ.

Когда жъ бываю я свидѣтель,
Что иногда среди людей

Есть и любовь и добродѣтель,
На звѣзды посмотрю — и сердцу веселѣй!

Гляжу на нихъ, когда дорогой дальнѣй
Вечерней ѣду я порой —
И мыслью быстрой и печальной
Переношусь къ себѣ, домой.

И вижу въ нихъ все, что душою
Своимъ я въ мірѣ семъ назвалъ,
Все, что люблю, что щедрою рукою
Мнѣ Богъ здѣсь въ утѣшенье далъ!

И мнѣ отрадны звѣзды эти,
Умѣлъ я каждой имя дать:
Вотъ тутъ жена, отчизна, дѣти
И жизни мирной благодать,
Тутъ двѣ сестры, а это мать.

О мать! о существо святое!
Другъ первый съ самыхъ юныхъ лѣтъ!
Мнѣ провидѣніе земное
И пристань лучшая отъ бѣдъ,

О сестры, юности вселой
Подруги вѣрныя! приду
Я къ вамъ и старой, посѣдѣлой,
И васъ такими же найду.

О ты, жена! о другъ безцѣнный!
Кѣмъ жизнь я въ полнотѣ позналъ

И полюбилъ, кѣмъ вдохновенный,
Я сердцемъ счастье воспѣвалъ.

Отчизна! коей процвѣтанье,
Величье, слава, честь, моей
Души есть первое желанье,
И цѣль, и подвигъ жизни всей!

О дѣти! вы надежда, радость,
Моей души, и мой вѣнецъ,
Мое богатство, жизни сладость,
И вами счастливъ вашъ отецъ!

Звѣзда моей же жизни мирной
Подъ часъ бываетъ не видна;
Смотрю я тщетно въ сводъ эфирной, —
Отъ глазъ скрывается она.

Она скрывается въ то время,
Когда мнѣ слишкомъ тяжело,
Когда заботъ, печалей бремя
На сердце крѣпко налегло.

Когда жъ заботы миновали,
Когда могу родныхъ обнять
И съ ними позабыть печали:
Она является опять.

Въ семи звѣздахъ я заключаю
Все то, что назвалъ я своимъ;
Душой Творца благословляю
И преклоняюсь передъ нимъ.

Томъ I.

Роптать на горести не смѣю,
Имѣя въ мірѣ столько благъ;
Предъ Божествомъ благоговѣю
И чту его въ семи звѣздахъ!

Онѣ душѣ напоминаютъ,
Сколь для меня украшенъ свѣтъ,
Въ печаляхъ сердце утѣшаютъ
И въ радостяхъ ему привѣтъ.

ЛАСТОЧКА.

«Куда ты, ласточка, постой!
Зачѣмъ насъ оставляешь?
Куда, скажи, такъ быстро свой
Полетъ ты направляешь?»

«Лечу туда, гдѣ нѣтъ зимы,
Гдѣ бурей нѣтъ, гдѣ все прекрасно,
Куда всегда стремимся мы;
Туда, гдѣ небо вѣчно ясно.»

«Уже ль въ нерадостной судьбѣ
Твои у насъ дни проходили?
Иль здѣсь соскучилось тебѣ?
Или тебя здѣсь не любили?»

«Нѣтъ, здѣсь я счастлива была,
Судьба меня не тяготила,
Рѣзвилась, пѣла и жила,
Была любима и любила.»

«Зачѣмъ же улетаешь въ даль,
Здѣсь и поля тебѣ родныя;—

Уже ль гнѣзда тебѣ не жаль,
Гдѣ полюбила ты впервые?»

«Ахъ! нѣтъ, мнѣ очень жаль гнѣзда:
Мнѣ жаль всего, что оставляю;
Но я у васъ не навсегда,
А тамъ я вѣчно обитаю.»

«Уже ли родина не тамъ,
Гдѣ сердце любить, гдѣ все мило?
Зачѣмъ искать другую намъ,
Когда и здѣсь все веселило?»

«Нѣтъ, родина не тамъ для насъ,
Гдѣ все измѣнно, скоротечно,
Гдѣ горькій есть разлуки часъ, —
Но тамъ гдѣ счастье наше вѣчно!»

«Но гдѣ же край блаженный тотъ,
Гдѣ нѣтъ разлуки, нѣтъ печали?
Гдѣ радость вѣчная живетъ,
И гдѣ бѣ измѣны не бывали?»

«Ты душу вопросы свою:
Она нерѣдко улетала
Туда мечтой, и въ томъ краю
Земное все позабывала:»

«Уже ль могла и то забыть,
Чѣмъ въ жизни сей такъ дорожила?
Душа должна бѣ всегда любить,
Когда однажды полюбила!»

«О, нѣтъ! любовь всегда при ней,
Но не зови любовь земною:
Она даръ неба въ жизни сей,
И не разлучная съ душою!»

«Что мило здѣсь, то мило тамъ!
Туда летятъ родные звуки.
О, какъ же грустно будетъ намъ,
И какъ сносить тоску разлуки!»

«Тамъ озаритъ насъ новый свѣтъ,
Душа разлуки тамъ не знаетъ,
И съ ней земной любви предметъ
Любовь другая соединяетъ.»

=

СВАДЕБНЫЙ ПОЊЗДЪ КОЛОНИСТОВЪ.

Каспаръ женится съ Лизетомъ,
Колонисты поднялись,
Кто со скрипкой, кто съ кларнетомъ,
Всѣ въ дорогу собрались.

Въ первую телегу сѣли
Музыканты всѣ гурьбой
И въ минуту загремѣли
Либеръ-Августинъ родной.

Кто изъ нихъ не умѣстился,
Тотъ пѣшкомъ направа бѣгъ,
За телегою пустился,
И гудить: Аллесъ истъ векъ! —

Сзади ѣдетъ мужъ съ женою,
Въ ста телегахъ брачный балъ
Аккуратною рысцою,
Чтобъ и пѣшій не отсталъ.

Хоръ невѣста заключаетъ,
Рядомъ съ ней сидитъ женихъ,

И подъ тактъ ей повторяетъ:
Либе Лисхенъ! Либетъ дихъ!

Ей всегда дождаться должно,
Чтобъ звукъ музыки затихъ,
И тогда сказать ей можно:
Каспаръ, я, ихъ либе дихъ.

Музыканты прославляютъ
Громко сей счастливый бракъ,
И въ награду ожидаютъ
Ихъ картофель и табакъ.

Пфейфенъ старики тутъ курятъ,
Молодые *вальсъ*, и ну!....
А старушки балагурятъ,
Вспоминая старину.

Веселитесь, колонисты!
Для меня вашъ пиръ горой,
Скрипокъ визгъ, кларнетовъ свисты,
Стоять музыки иной.

Загудите вы фальшиво,
Визгните: *цу-штаркъ*, друзья!
Всю бѣду поправить пиво,
И никто вамъ не судья! —

СПОРЪ ЗА ВАФЛИ.

Пріѣхалъ въ *Красненькой* гулять
Портной, изъ *Нѣмцевъ*, *Бутеръ-Фрессеръ*;
Спросилъ онъ: *Габель*, *Лефель*, *Мессеръ*,
И вафли приказалъ подать. —
Садится, и глядитъ умильно:
И въ мысляхъ ѣсть уже *мейнъ Геръ*!
Какъ вдругъ вбѣгаетъ офицеръ,
И вафли выхватилъ насильно.

«Чей эта вафля, узнавать
Позвольте, гаспадинъ военный?»
— Ну, знать твоя, мусье почтенный,
Что вздумалъ за нее стоять?
«А если мой, могу-ль ихъ кушаль?» —
Сердито *Нѣмецъ* закричалъ.
— Что, что, мусье? я не разслушалъ. —
«Могу ль ихъ кушаль? я сказалъ.»
— Ну, не сердись, сейчасъ другіе
Я прикажу тебѣ подать. —

Но *Нѣмецъ* въ сѣсъ вошелъ такую,
Что раскричался не въ себя,

«Здѣсь все равно! Вашъ не забудетъ,
Здѣсь вашъ польтинъ и мой польтинъ! —
Здѣсь это все, одинъ польтинъ!» —
— Врешь, Нѣмецъ, рубль ужь это будетъ!
«Нѣтъ, сами *рубль* ви гаспадинъ!
Что ви задумаль? — Забіака!
Я вашъ маркель, иль человѣкъ! —
Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, я не человѣкъ!»
— Что жъ, Нѣмецъ, что же ты? собака? —

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Быль на Руси.

Приходить староста пузанъ
И двадцать мужиковъ.
Се сонъ же круа ле пейзанъ
Де мадамъ Бурдюковъ.

О нихъ докладывать Андре
Идетъ офиціантъ.
Данъ л'антишамбръ фетъ антре,
Е дитъ лёръ, к'иль з'атандъ.

Выходитъ барыня съ гостями
Черезъ часочка два.
Бонжуръ, бонжуръ, ме бонз-ами!
Ке вуле ву де муа?

Ну, староста! ты доложи,
Сказали мужики. —
Э бьенъ, де куа донкъ иль с'ажу?
Де куа? у бьень де ки?

И староста, отдавъ поклонъ,
Свой началъ разговоръ.

Но барыня кричить: *алонъ!*
Не кріе на си форъ.

Мы яровое убрали,
И убрали траву. —
Се тре жоли, с'е тре жоли!
Команъ ву порте ву?

И намъ теперь всѣмъ отдыхъ данъ;
Но аржаному срокъ. —
Але ву з'анъ, але ву з'анъ!
Ке дьябль! же ма'нъ мокъ!

Въ продажу хлѣбъ уже глядитъ,
Убратъ бы поскорѣй.
Кес-ке ву дитъ? Кес-ке ву дитъ?
Же круа, ву мюрмюре?

Какъ опоздаемъ, будетъ жаль;
Не доведемъ въ василь! —
Са ме т'егаль, са ме т'егаль.
Ву з'етъ де з'ембесиль!

И выгнать всѣхъ велѣла вонъ
За хлѣбный магазинъ,
А гости крикнули: *Се бонъ!*
Се тре бьенъ — ма кузинъ!

Вотъ управляютъ какъ у насъ!
Все — минусъ, а не плюсъ.
Ке вуле ву, ке л'онъ фассъ!
Онъ не се па ле Рюссъ!

НАСТАВНИКУ АБАТУ.

На канапели
Лежу,
Въ прологъ, въ Миней
Гляжу,
Не понимаю
Никакъ! —
Тебя ругаю,
Дуракъ,
Старый наставникъ,
Французъ,
И твой наглавникъ,
Картузъ,
И твой измятый
Халатъ;
Ахъ ты, проклятый
Аббатъ!

Чему училъ насъ?
Спроси.
Гдѣ городъ *Вильнасъ*,
Нанси?

Гдѣ Лиссабона,
Мадритъ,
Лионъ, гдѣ Рона
Бѣжитъ?

Кто былъ Римлянинъ —
Катонъ?

Кто Англичанинъ
Невтонъ?

Кто побѣдитель
Аѳинъ?

Кто сочинитель
Расинъ?

Изъ Лафонтена
Cygale,

Изъ Демосфена
Morale,

Съ тобой склоняли
Rozat;

А не узнали
Аза!

Главной науки,
Читать,

Азъ, вѣди, буки,
Не знать.

Прямой, ты, точный
Фигляръ!

Въ лавкѣ — лубочный
Товаръ.

А ужъ въ бесѣдѣ
Ты хватъ!

И чортъ тебѣ де
Не братъ!
Учишь прелестно
Всему,
И все извѣстно
Уму!
И не измѣрить
Cela!
А какъ повѣрить!
Voilà!

На канاپели
Лежу,
Въ прологъ, въ Миней
Гляжу,
Не понимаю
Никакъ! —
Тебя жъ ругаю,
Дуракъ.

=

ПРОЭКТЪ ГРОСФАТЕРА.

АНДАНТЕ.

Вотъ въ полномъ развалѣ и форсѣ нашъ балъ,
Разгульно и живо оркестръ заигралъ.
На пляски на радость

Зовутъ!

И старый и малый пустились плясать;
Старушки и дяди; не то чтобъ отстать —
Встряхнувшись, выправившись,

Идутъ.

Фетинья Матвѣвна, угодно ль со мной?
Пожалуй, Перфілій Савельичъ, ты мой,
Готова я прыгать

Съ тобой.

Мы можемъ grosfatherъ чудесно пройти.
Ну, ясный мой соколъ, взвивайся, лети,
Вертись, увивайся

За мной.

АЛЛЕГРО.

Эй, ну! вы дяди, матери,
Смотрите же, въ grosfatherъ

Чуръ не зѣвать!
Не унывать!
Вотъ тащатъ, что есть духу,
Полковницу старуху:
Она кряхтитъ,
Какъ быкъ пыхтитъ
И шевелитъ
Огромнѣйшимъ вѣромъ.

А дальше: съ офицеромъ
Бѣжитъ мамзель,
Комъ эль э бель!
Ея вся цѣль,
Чтобъ онъ въ нее влюбился,
Чтобъ онъ на ней женился;
Ме прене гардъ!
Кавалергардъ
Совсѣмъ на то не мѣтитъ,
И только что замѣтитъ,
Онъ отойдетъ,
И пропадетъ,
И унырнетъ.

АНДАНТЕ.

Ну, можно ль на балъ марьяжъ затѣвать?
На балъ не жениться, приходятъ плясать!
Престранны мамзели,

Времанъ.

Мы видѣли много примѣровъ такихъ:
Любезенъ, пріятенъ — а все не женихъ;
Ужъ мужемъ не будетъ

Ламанъ.

Вы слышали, свадьба Анеты съ Лукой
Разрушилась? Странно! Былъ случай такой.
Что? *Комеражи*

уръ сюръ.

Сама виновата разборомъ Анетъ;
Какъ вывели справки, анъ 45 лѣтъ!
Онъ ей показался

Тро мюръ.

А нашъ каммеръ-юнкеръ чѣмъ хуже другихъ?
Нѣтъ, этотъ, позвольте, ужъ что за женихъ!
Горбать онъ и бѣденъ —

Же пансъ.

А прапорщикъ Гриша, ну, вотъ хоть куда!
Родня онъ, неправда! седьмая вода,
Но любить онъ слишкомъ

Ля дансъ.

Съ такимъ ужъ разборомъ и вѣкъ не найти :
Тотъ слишкомъ высокой, а тотъ *тро пети.*
Тотъ слишкомъ щедушенъ,

Тотъ косъ;

Да надо бы знать имъ и совѣсть и честь!
Конемъ не объѣдешь, какъ суженый есть.
И нужны ли сватьбы —

Вопросъ?

АЛЛЕГРО

Ей, ну! вы дяди, матери!
Смотрите же, въ гросфатеръ
Чуръ не зѣвать,
Не отставать,
Не унывать!

Вотъ модница, кокетка,
Какъ курица насѣдка
Вкругъ пѣтуха —
Ха! ха! ха! ха!
Не безъ грѣха!
То поведетъ глазами,
То размахнетъ руками,
То прыгъ, то скокъ,
То подъ бочокъ.
Ай, простячокъ,
Смотри, оберегайся!
Ты мнѣ не попадайся!
Держи свой кѣръ
А то малѣръ
Вотрѣ сервитеръ.
Ты сердце потеряешь,
Когда меня узнаешь;
Не пощажу —
Какъ погляжу,
Обворожу!
Я франтовъ, каммергеровъ,
Студентовъ, офицеровъ,
Завербовавъ
Подъ мой уставъ,
Пифъ, пафъ, пифъ, пафъ!

АНДАНТЕ.

Смотрите, какъ пляшетъ, какъ рыщетъ! Къ чему жъ!
Сидѣла бы дома — есть дѣти и мужъ!
Нельзя, чтобъ не вышелъ.

Скандалъ!

Что скажетъ посланникъ про нашихъ про дамъ?

Я чай, въ чужихъ краяхъ, позвольте, и тамъ
Всегда дамы ѣздятъ

На балъ.

Но такъ ужъ нахально не прыгаютъ, чай?
Вотъ! шепчетъ съ драгуномъ, гляди, примѣчай:
Угодно ли завтра

Въ Бостонъ?

Нѣтъ, я не играю; въ одинъ преферансъ
Три робера только, а послѣ ля дансъ,
Оно для здоровья

Тре бонъ.

Кто хочетъ быть счастливъ, тотъ вамъ подражай.
А вѣсти какія? каковъ урожай?
Овесъ уродился

Самъ пять.

А что, не читали вы новый романъ,
Мадамъ Витурини, мусье Коріоланъ?
Изъ Римской исторіи

Онъ взять.

А слышали, Трындинъ вѣдь просить разводъ;
Съ женой побранился у Баденскихъ водъ,
И знаете, въ чемъ былъ

Ихъ споръ?

Кто въ домѣ хозяинъ, жена или онъ?
Ну, слово за словомъ, и взяли законъ,
Оно бы конечно....

Но вздоръ!

АЛЛЕГРО.

Эй, ну! вы дяди, матери!
Смотрите же, въ grosfaterъ.
Чуръ не зѣвать!

*

Не отставать!

Не унывать!

Вотъ щеголь посѣдѣлый

Бѣжить въ манишкѣ бѣлой,

Ногой дрягнетъ,

Другой лягнетъ,

И припрыгнетъ.

Я, дескать, веселюся,

Подагры не боюся;

Я моложавъ

Же сюйзъ енъ бравъ.

И мой уставъ :

Покуда тащатъ ноги,

Не покидать тревоги!

Я молодецъ,

Младыхъ сердецъ

Большой ловецъ!

Вотъ, нате, посмотрите,

Теперь люблю я Кити,

А тамъ Анетъ?

А тамъ Лизетъ!

Но вдругъ жилетъ

Съ натуги разстегнулся,

И щеголь спотыкнулся,

И оземь бухъ,

И крикъ старухъ

Раздался вдругъ.

АНДАНТЕ.

Какой сумасшедшій, какой вертопрахъ!

Ну, можно-ль рѣзвиться въ преклонныхъ лѣтахъ!

Всему есть на свѣтѣ

Сезонъ.

Онъ статскій совѣтникъ, притомъ же женатъ,
А все веселится; но въ списокъ наградъ
Его пропустили —

Резонъ!

А слышали, ленту вѣдь дали тому!
Какъ бишь его имя? Скажите, кому?
Никакъ не припомню

Сонъ номъ.

А знаете, мѣсто вѣдь тотъ получилъ,
Который,.... а этотъ, какъ перескочилъ!!
Вы слышали ночью

Канонъ?

Уже ль наводненье? Не знаю, *нет-’етръ*:
Но здѣсь что-то дуетъ, открыли *фенетръ*,
Не трудно простуду

Схватить.

Ахъ, на лотерею возьмите билетъ!
Охотно, пожалуй.... позвольте; но нѣтъ!
Признаться, мнѣ скучно

Платить.

А что про Алжирцовъ уже не слыхать?
Нѣтъ, что-то въ газетахъ случилось читать,
Что ихъ переводятъ

Въ Бордо.

Смотрите, очнулся и пляшетъ опять!!....
Мы думали, полно — ему ужъ не встать!....
А больно ушибъ, чай,

Ле до.

АЛЛЕГРО.

Эй, ну! вы дяди, матери!
Смотрите же, въ грoсфатерѣ
Чуръ не зѣвать!
Не отставать!
Не унывать!

Вотъ дяди разъярились,
Съ старухами схватились,
Писать пошло,
Ало, ало!
О гранъ гало!
Ихъ даже не догонять.
Старушки же бонтонять.
Леръ па, леръ дансъ,
Леръ реверансъ,
Все анъ кадансъ!
Прекрасно бы; но что же?
Вдругъ люди помоложе,
Не въ свой чередъ
Бѣгутъ впередъ;
Задоръ беретъ,
Старушекъ—колотушекъ,
Отчаянныхъ болтушекъ;
Ихъ разговоръ.
Плю форъ, плю форъ —
И вышелъ вздоръ!
Все вмѣстѣ вдругъ смѣшалось,
И каждому досталось:
Кого толкнуть,
Кого прижмутъ,

Раздались визги, крики,
И плясуны антики,
Съ толпой старухъ,
Теряя духъ,
По кресламъ бухъ!

=

РАЗГОВОРЪ БАРИНА СЪ АФОНЬКОЙ.

Баринъ.

Здравія желаю, гг. сенаторы,
Я прихожу изъ банковской конторы,
Не французскій, не нѣмецкій, человѣкъ россійскій,
Приношу вамъ поклонъ низкій.
Эй, малый!

Жены моей приданой,
Кривой крѣпостной,
Удалая головка, долбленой глазъ —
Много-ли васъ?

Афонька.

Одинъ!

Баринъ.

А, это ты, Афонька....
Ты, который бѣжалъ, когда я женился?
Да куда жъ ты сокрылся?

Афонька.

А я, съ позволенія вашего, въ деревнѣ вашей подъ
овиномъ сидѣлъ,

Баринъ.

Дуракъ! А если бъ этотъ овинъ сгорѣлъ?

Афонька.

Я бы, съ позволенія вашего, вышедши, руки погрѣлъ.

Баринъ.

Позвольте, гг. сенаторы, какой онъ грубіянь.

Ну, скажи, пожалуста, Афонька,

Ты жилъ въ моей деревнѣ —

•Какъ мои мужики живутъ?

Афонька.

Зажиточно.

Баринъ.

Да какъ зажиточно?

Афонька.

Да очень зажиточно!

Баринъ.

Да какъ же, братецъ мой, зажиточно!

Афонька.

А такъ зажиточно,

Что въ семи дворахъ одинъ топоръ;

Поутру дрова рубятъ,

А вечеромъ въ кулакъ трубятъ.

Баринъ.

Позвольте, гг. сенаторы!

Слѣдовательно, мои мужики плотники и музыканты.

Ну, скажи, пожалуста, Афонька, какъ у меня
хлѣбъ уродился?

Афонька.

Хорошо-съ!

Баринъ.

Да какъ хорошо?

Афонька.

Да очень хорошо.

Баринъ.

Да какъ же, братецъ ты мой, хорошо?

Афонька.

А такъ хорошо,
Что колосъ отъ колоса —
Не слышать дѣвичья голоса;
Снопъ отъ снопа,
Столбовая верста;
А копна отъ копны,
Цѣлый день ѣзды.

Баринъ.

Позвольте, гг. сенаторы!
Слѣдовательно, мой хлѣбъ хорошо уродился.
Что же, Афонька, хлѣбъ то мой продали,
Или сюда везутъ?

Афонька.

Нѣтъ, его не продали и не сюда везутъ,
А ваши шелудивыя собаки разъигрались,
И уронили весь хлѣбъ въ лохань.

Баринъ.

Позвольте, гг. сенаторы!
Слѣдовательно, мой хлѣбъ пропалъ!

Афонька.

Нѣтъ, не пропалъ, а въ потребу попалъ.

Баринъ.

Что же изъ него сотворили?

Афонька.

Бражку сварили.

Баринъ.

Да пьяна ли эта брага!

Афонька.

Пьяна.

Баринъ.

Да какъ же пьяна?

Афонька.

Да очинно пьяна.

Баринъ.

Да какъ же, братецъ мой, пьяна?

Афонька.

Да такъ пьяна,

Что если старостѣ поднести,

Да его милость тройнымъ полѣномъ оплести,

То его милость и со двора не свезти.

Баринъ.

Позвольте, гг. сенаторы,

Какой онъ грубіянь!

=

РАУТЬ.

Вотъ въ рауть
Насъ зовутъ —
Мѣсто скуки,
Гдѣ сидишь
И глядишь,
Сложивъ руки,
Какъ толпой,
Цѣлый рой
Полусонныхъ
Стариковъ,
Игроковъ
Безпардонныхъ,
Молодицъ
И дѣвицъ
Голоплечихъ,
Корпусовъ
И головъ
Человѣчьиъ,
Въ тѣснотѣ,
Въ духотѣ,
Ходятъ, бродятъ,
И себѣ

И тебѣ,
Сонъ наводятъ;
Тамъ сидятъ
Пятьдесятъ
Кавалеровъ,
«Тузъ самъ пять!»
— Безъ онеровъ!
«Я ремизъ!»
— Я пуръ сизъ,
Предлагаю!
«Нѣтъ, пардонъ-съ,
Я въ ренонсъ
Выступаю. —
«Короли!»
— Пароли!
Дама въ сюрехъ,
Иль валетъ,
А ужъ нѣтъ
Объ амурахъ,
О винѣ,
О войнѣ,
Про Россини,
Про шассе,
Балансе,
И помина. —
Дамы есть,
Но не въ честь
Имъ собранье. —
Не умно,
Не смѣшно —
Ихъ болтанье.
Вотъ бѣда!

Нѣтъ слѣда
Быть любезной. —
Гдѣ раутъ,
Это трудъ
Безполезный! —
Толкотня,
Стукотня,
Карамболи!
Онѣмѣть,
Одурѣть
По неволѣ! —
А въ раутъ,
Всѣ бѣгутъ,
Какъ въ бесѣду, —
Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!
Се тро бетъ,
Не поѣду!

=

НА ГРѢХѢ МАСТЕРА НѢТЬ.

Ахъ, *нететръ!* Ахъ, *нететръ!*

Сюръ пеше не на дѣ метръ!

Такъ куражу я себя,
Безнадежно полюбя,
Безотрадно изнывая,
И фантазія живая
Вѣчно вовторяетъ мнѣ,
Днемъ, и ночью, и во снѣ.

Ахъ, *нететръ!* Ахъ, *нететръ!*

Сюръ пеше не на дѣ метръ!

Знаю, мнѣ любить не слѣдъ,
И старенекъ я, и сѣдъ,
И не мастеръ прифрантиться,
Такъ чего жъ могу добиться?
Чего ждать мнѣ? — Все равно,
Мнѣ мерещется одно :

Ахъ, *нететръ!* Ахъ, *нететръ!*

Сюръ пеше не на дѣ метръ!

Молода и хороша
Ты — нѣтъ, стиснута душа

И смѣешься надо мною —
Вижу, но крѣплюсь душою!
Можетъ, время перейдетъ,
И любовь свое возьметъ!

Ахъ, *пететръ!* Ахъ, *пететръ!*
Сюръ неше не на дѣ метръ!

ВЕЛИКОЛУЦКІЙ ФРАНЦУЗСКІЙ КАДРИЛЬ.

(ШУТКА).

Кель є фоль, кель є фоль,
Ма тре-бьенъ еме сестрица!
Кель є фоль, кель є фоль!
Такъ влюбитъся, комъ се дроль!

И грустна,
И мрачна,
Лукъ-Великихъ вѣстовщица:
Ей печаль:
Бдетъ въ даль
Са пассьйонъ, сон марешаль!

Кель є фоль, кель є фоль, и проч.

Тяжкій крестъ!
С'ет'юнъ пестъ,
Переспѣлая дѣвица:
Какъ доска
Грудь плоска....
А всё хочеть муженька!

Кель ё фоль, кель ё фоль, и проч.

Да, такой
Разбитной
Мало видить и столица;
О замуръ
Претъ тужуръ,
Эль санфламъ ужъ черезъ-чуръ!

Кель ё фоль, кель ё фоль, и проч.

Сонъ лангажъ,
Дюръ, соважъ,
Жжотъ и щиплетъ, какъ горчица....
И въ Лукахъ,
И въ-гостяхъ,
Са сѣль вуа приводитъ въ страхъ!

Кель ё фоль, кель ё фоль, и проч.

На весь міръ
Лишь мантиръ,
Что она за мастерица!
Всѣхъ ноарсиръ,
Авилиръ,
Сон'юникъ, премье плезиръ!

Кель ё фоль, кель ё фоль, и проч.

Пусть твердятъ,
Говорятъ :
Ву морде ком'юнъ волчица....

Не робѣй!

И смѣлѣй

Те сервантъ и жансъ ты бей!

Кель ё фоль, кель ё фоль и проч.

Что она

Влюблена, —

Дива нѣтъ : *ма сёръ* — дѣвица;

Но что *маль* —

Очень жаль....

Не бывать ей *марешаль!*

Кель ё фоль, кель ё фоль,

Ма тре-бьенъ еме сестрица!

Кель ё фоль, кель ё фоль!

Такъ влюбиться, комъ се дроль!

=

С. ПЕТЕРБУРГСКІЙ ФРАНЦУЗСКІЙ КАДРИЛЬ.

Иль ну воль, иль ну воль,
Безпрестанно нашъ прикащикъ;
Иль ну воль, иль ну воль,
Безпрестанно, комъ се дроль!

Все равно,
Ужъ давно
Мы себѣ не смотримъ въ ящикъ.
Все равно
Ужъ давно
Такъ у насъ заведено.

Иль ну воль, иль ну воль, и проч.

Ла мадамъ,
По баламъ,
А мусье, мужей обращикъ,
Аншанте,
Андете
Такъ и хлещетъ въ экарте!

Иль ну вошь, иль ну вошь и проч.

Вотъ пора
Въ юнкера
Сыновей — кто имъ укащикъ!
Эполетъ
Ихъ предметъ,
А имѣнье маршъ въ совѣтъ!

Иль ну вошь, иль ну вошь и проч.

Мужичокъ
Свой оброкъ
Запустилъ и въ долгій ящикъ;
Ты франтишь
Тарантишь,
А въ карманѣ — просто шишь!

Иль ну вошь, иль ну вошь и проч.

ОБЛАКА.

Люблю смотрѣть на облака,
Какъ ихъ незримая рука
Несетъ по синевѣ небесной;
Съ какою быстротой чудесной
Онѣ мѣняютъ образъ свой :
Такъ точно говорятъ съ душой
Воспоминанья жизни юной! —
Такъ арфы отдаленной струны
Невнятно вторятъ за горой —
То радости, любви напѣвы,
То тихій стонъ унылой дѣвы,
То громкій смѣхъ весельчака,
То баркароллу рыбака! —

Я облака привыкъ всегда встрѣчать мечтою,
И мнится, что онѣ бесѣдуютъ со мною.

То горы высоки,
Пещеры глубоки,
Утесы, скалы,
Морскіе валы

Собою рисуютъ
И въ небѣ бушуютъ,
И небо мрачатъ.

Такъ душу мутятъ
Тѣ черныя думы,
Часы тѣ угрюмы,
Какъ вспомнится ей
Холодность друзей,
Любовь безъ отрады,
Всѣ жизни досады,
И ревность и злость,
Непрошенный гость —
Тоска роковая,
Кѣмъ юность златая
На вѣкъ отцвѣла —
Какъ призракъ прошла,
Поры не дождавшись,
Чтобъ ей наигравшись —
Остынула кровь,
Угасла любовь.

Такъ арфы смущенной
Бряцаетъ струна,
Какъ звонъ отдаленный
Съ погоста, — она —
Отзывъ погребальный,
Иль голосъ прощальный
Сердечнымъ друзьямъ,
Женѣ, сиротамъ, —
Отжившаго съ ними,
Друзьями земными,

Супруга, отца, —
Теперь мертвеца!

Иль будто легкій дымъ, на небѣ чистомъ, ясномъ,
Несутся облака движеніемъ согласнымъ, —
То вдругъ разстелятся прозрачной пеленой,
То вѣтра рѣзваго взвиваяся игрой,
Похожи на покровъ танцующей хариты,
И звѣзды свѣтлыя, едва, едва сокрыты,
Являются сквозь нихъ, какъ дѣвъ стыдливыхъ взглядъ,
Когда мечты любви впервые посѣтятъ.

Душа такъ въ смущеньи,
О первой любви,
О первомъ волненьи
Кипящей крови:
Отрадно мечтаетъ,
Минувшимъ желаетъ,
Себя упоить,
И въ немъ уловить
Часы тѣ златые,
Что годы молодые,
Какъ быстрой рѣкой,
Умчали съ собой, —
Когда улыбались
Всѣ радости ей,
И вѣрны казались
Обѣты друзей, —
Все свѣтло надеждой,
Любовь безъ измѣнъ,
И брачной одеждой
Весь міръ облеченъ!

Такъ арфа отрадно и звучно бряцаетъ,
Любовью внушенный, веселый напѣвъ,
Гармоніей быстрой, живою сзываетъ
На пляски, на радость, толпы юныхъ дѣвъ,
Потомъ замирая, все тише, нѣжнѣе,
Какъ будто бы шепчетъ украдкой любовь ; —
Трепещешь отвѣта, — получишь, и вновь —
Бряцаетъ живѣе, быстрѣй, веселѣе!...

Когда жъ златимья проснувшейся зарею,
Какъ дѣвы молодой ланиты, облака
Пылаютъ живостью, и свѣжею красою, —
И плавно слѣдуютъ движенью вѣтерка,
И въ небѣ рисуютъ
Златые узоры,
И мысли, и взоры,
И сердце волнуютъ,
Мнѣ мнится, что онѣ творенья красоту —
Величіе творца собою прославляютъ.

Воспоминанія такъ душу озаряютъ,
Когда представляютъ ей любимую мечту
О счастіи прямомъ, которымъ окупилась
Всѣ жизни горести, всѣ скорби, всѣ труды,
И какъ залогъ святой, его въ ней сохранились

Неизгладимые слѣды. —

Такъ первыхъ успѣховъ на поприщѣ жизни,
Участія въ славѣ любимой отчизны,
Намъ память священна, намъ память мила,
И ей озаряясь, душа весела. —

Такъ свято мы помнимъ всю сладость лобзаній,
И первыхъ восторговъ, и первыхъ признаній,
Которыми красенъ любви первый мигъ,
И перваго сына — таковъ первый крикъ.

Въ восторгѣ священномъ
Такъ арфа бряцаетъ,
Такъ арфа вѣщаетъ
О шумѣ военномъ,
О славѣ въ бояхъ,
О блескѣ побѣды,
О свѣтлыхъ пирахъ,
Героевъ бесѣды
Такъ вторить она, —
И жизни полна
Бросаетъ перуны!
И звучныя струны
Восторгомъ горятъ,
Съ душой говорятъ —
Какъ волны морскія,
Какъ пѣсни живыя
Удалыхъ гребцовъ,
Веселыхъ жнецовъ,
Какъ нѣжныя трели
Младой Филомели,
Пѣвицы ночей; —
Какъ быстрый ручей,
Когда онъ игриво,
Легко, торопливо,
Бѣжитъ межъ вѣтвей
По грудѣ камней! —

Но небо чистое безоблачной красою —

И безпредѣльной синевою

Еще разительнѣй мнѣ сердцу говоритъ,

Особенно, когда въ немъ свѣтлая горитъ

Звѣзда-предвѣстница, звѣзда волхвовъ святая,

Обѣтованіемъ сіяя!

Я вдохновеніемъ живой,

Неизмѣнимой, чистой Вѣры,

Превыше становлюсь земной

Удушливой и тѣсной сферы,

Въ неопалимой Купинѣ —

Предвѣчный лучъ сіяетъ мнѣ.

Такъ неба алкая,

Предвѣчной отчизны,

Всѣ узы слагая

Сей временной жизни,

Душа озаренна

Любовью святой,

Летитъ окрыленна

Живящей мечтой

Къ Началу творенья,

Къ Началу всѣхъ благъ,

Забывъ огорченья,

И рабство, и страхъ! —

Паритъ надъ природой,

И гордой свободой

Превыше людей, —

Превыше сѣтей

Земныхъ мудрованій,

Превыше желаній

И скорбей земныхъ,

И видитъ, что мигъ —
Одинъ ихъ раждаетъ,
И мигъ поглощаетъ
Въ время глубину,
Какъ море волну!! —

Но безпредѣльная, какъ небо голубое,
И лучезарная, какъ солнце золотое,
Сіяетъ вѣчность передъ ней! —
И Искупителя людей,
Она Христа, въ себѣ вмѣщаетъ, —
Его всю благость постигаетъ. —
И свѣтель для нея житейскаго конецъ!
Тамъ добродѣтелямъ вѣнецъ!
Тамъ слабости, грѣху прощенье!
И тамъ, въ Христѣ, для насъ второе воскресенье.

Но тутъ умолкаетъ
Ужъ арфа земная,
И думу плѣняетъ
Гармонья иная:
Давида пророка бряцаетъ струна,
И сердцу понятна и звучна она,
Какъ гласъ упованья,
Какъ дружбы призванья,
Какъ съ родины гласъ, —
Какъ радуетъ насъ
Надеждъ исполненье,
Съ душой примиренье,
Когда во устахъ,
И Чаша спасенья,
И вѣра и страхъ! —

Такъ увлекаясь парящею мечтою,
Я заставляю міръ бесѣдовать со мною,
Его рисуетъ мнѣ поэзіи рука ! —
И мнѣ понятны облака, —
И въ нихъ читаю я страстей земныхъ волненье,
А въ небѣ чистомъ — Откровенье.

=

ЗВѢЗДЫ.

Когда дорогою, зимою,
На небо я смотрю вечернею порой,
Усѣянное все блестящими звѣздами,
Я увлекаюсь въ даль крылатыми мечтами,
И лучшія мои завѣтныя мечты —
Всегда моя любовь, и ты,
И я бѣ желалъ имѣть такъ много осязаній,
Какъ много звѣздъ въ небесномъ мірозданьи,
И я бы всѣ, наполнилъ ихъ одной —
Моей любовью, и тобой!
И ликовалъ бы такъ, какъ Ангелы ликуютъ!
Они въ звѣздахъ любовь небесную рисуютъ;
Моя любовь чиста, какъ ихъ блестящій свѣтъ;
Въ моей любви — обмана нѣтъ,
Съ твоимъ сочувствіемъ она горитъ звѣздою,
Она свѣтла, ясна тобою!
И я бѣ желалъ, чтобы съ мечтой
И ты, вечернею порой,
На небо ясное взирая,
И друга дальнаго въ раздумьи вспоминая,

Читала бы любовь мою —

Въ звѣздахъ, какъ дань, какъ собственность твою ;
Тогда бѣ, въ урочный часъ, душами мы слетались,
И намъ казалось бы, что мы не разставались.

ДЕНЬ И ЖИЗНЬ.

Знакомы мнѣ и радость и печаль,
И дней моихъ уже лампада догараетъ;
Но часто прежняго мнѣ жаль,
О немъ въ раздуміи душа моя мечтаетъ,
И какъ открытая скрижаль,
Моимъ мечтамъ всегда природа отвѣчаетъ.

Въ зарѣ румяной, молодой,
Она рисуетъ предо мной
Тѣ дни счастливые, благіе,
Когда увидѣлъ я впервые
Подругу сердца, и сказалъ:
Вотъ мой давнишній идеалъ!
Вотъ та, съ которой жизни бремя,
Мы понесли бы такъ легко.
Надеждъ, очарованій время,
Уже теперь ты далеко!
Но въ сердцѣ ты еще живое,
Неизгладимое, святое,
И часто, въ радостной судьбѣ,
Я вспоминаю о тебѣ.

Но вотъ и утро наступило:
Земля одѣлась красотой,
И засіяло надо мной,
Дневное, пышное свѣтило;
Душа моя мечтаетъ вновь:
Такъ точно первая любовь,
Подруги первое признанье,
Одушевили все созданье,
И міръ сталъ свѣтель для меня,
Какъ утро радостнаго дня.
Вотъ полдень, торжество природы,
И солнце пламенемъ горитъ,
И чувствамъ все съ восторгомъ говорить,
И рощи, и поля, и воды,
Какъ Гимнъ безмолвной и святой;
Я вспомнилъ — жизни полдень мой,
Когда, достигнувъ всѣхъ желаній,
Всѣхъ лучшихъ сердца упованій,
Я былъ съ подругой подъ вѣнцомъ,
Благословенъ моимъ отцомъ,
Моею матерью счастливой;
Гляжу съ улыбкой горделивой
И на родныхъ, и на друзей,
И на подругу, — всѣхъ милѣй.
Товарищъ лучшихъ жизни дней,
Мой братъ, мнѣ простираетъ руку,
Тогда не ждалъ я съ нимъ столь раннюю разлуку;
О нѣтъ, живя его душой,
Я вѣровалъ, что онъ состарится со мной,
И что другъ другомъ такъ любимы,
Другъ другу мы необходимы;

И точно: дней моихъ закатъ —
Съ тѣхъ поръ, какъ умеръ братъ.

Вечернею зарей тутъ небо запылало,
И многихъ ужъ тогда не стало
Друзей, и милыхъ и родныхъ,
И въ небѣ я увидѣлъ ихъ
Звѣздами, свѣтлыми средь ночи,
И ихъ искать всегда — мои привыкли очи;
Сей мыслию утѣшною водимъ,
Я пѣсней и мечтой взываю часто къ нимъ;
Они мою тоску какъ будто понимаютъ,
И съ неба пѣснѣ отвѣчаютъ.

Но вотъ ужъ ночи мглой земля облечена,
И вотъ изъ облаковъ является луна;
Ея привѣтное, волшебное сіянье,
Для сердца моего — минувшаго преданье;
Отрадный, но холодный свѣтъ,
Какъ друга дальняго привѣтъ,
Но что-то говоритъ о будущемъ свиданьи,
О лучшей жизни, упованьи,
И томный лучъ ея туда мнѣ кажетъ путь,
Гдѣ суждено мнѣ — отдохнуть.

ЧУЖОЕ ДИТЯ.

На станціи дитя ко мнѣ
Пришло, ласкается, играетъ,
И мнѣ, какъ бы въ туманномъ снѣ,
Моихъ дѣтей напоминаетъ;
И понеслась душа моя
Домой, привычною мечтою....
Моихъ дѣтей ласкаю я;
Любуюсь милою женою;
Радужень, весель ихъ привѣтъ.
Души желанье совершилось:
Тоски, усталости ужъ нѣтъ,
И сердце радостью забилося!
Я новой жизнію горю,
Дорожный посохъ свой бросаю,
Про путь имъ дальній говорю,
И ихъ рассказамъ я внимаю,
И счастливъ я любовью ихъ!
Вполнѣ блаженствую душою;
Жена въ объятіяхъ моихъ,
И дѣти всѣ — опять со мною!
Но колокольчикъ зазвенѣлъ....

Ужъ тройка для меня готова,
И я опять осиротѣлъ,
И тосковать я долженъ снова;
Передо мной, широкій путь
Мятель и выюга заметаеъ....
И гдѣ конецъ его — кто знаетъ?
Пора, пора бы отдохнуть?

НЕВА.

Какъ я люблю, надъ пышною Невою,
Мечтать вечернею порою,
Когда луной озарена,
Ея прозрачная волна.

Какъ я люблю ея спокойное течение,
И видъ ея гранитныхъ береговъ,
Прибрежныхъ жителей шумливое движенье,
И безпрестанный гулъ мостовъ;
Такъ время, мнится мнѣ, все павною рѣкою,
И одинакой чередою,

Уносить жизни блескъ и жизни суеты;
А мы, на берегу, поклонники мечты,
Надѣмся — хоть гулъ оставить за собою;
Но многихъ думъ еще Нева предметомъ мнѣ, —

И разнородныя онѣ,
Какъ разнородны сновидѣнья,
Какъ разнородны впечатлѣнья
Души парящей и живой,
Въ тревогахъ жизни молодой.

Какъ часто мысль моя елботикъ провожаетъ,
Когда онъ подъ мостомъ тихонько проплываетъ,
Дѣвица въ немъ сидитъ — самъ-другъ;
Надъ головой и шумъ и стукъ,
Но стука, грохота, она не замѣчаетъ ;
Съ ней другъ сидитъ, она мечтаетъ,

 Душою улета въ даль,
 Не радость въ ней, и не печаль,
 Но что-то среднее такое,
 Душѣ знакомое, родное;

Они вдвоемъ, теперь для нихъ,
Весь міръ заснулъ, весь міръ затихъ....

Такъ жизни челнъ мой непримѣтный,

 Съ одною думою завѣтной,
 Съ одной любовію святой,
 Къ моей подругѣ молодой,

Межъ бурей и тревогъ тихонько проплываетъ,

 Порывовъ ихъ не замѣчаетъ,
 И доплыветъ въ тотъ край родной,
 Гдѣ ждутъ меня — и радость и покой.

Люблю смотрѣть на свѣтъ луны сребристой,

Быть можетъ онъ въ пріютъ къ несчастному запалъ :

 Какъ много бѣдному сказалъ
 Сей вѣстникъ неба, вѣрой чистой;

 Смятенье думъ онъ разогналъ,

 Сей лучъ страдальцу показалъ,

 Что и его Творецъ не оставляетъ,

 Что благодать повсюду проникаетъ,

 И какъ бы ни былъ кто сокрытъ,

 Все Богомъ онъ не позабытъ. —

И для меня луны привѣтное сіянье,
Когда я гдѣ нибудь, далеко отъ родныхъ,
Какъ голосъ неба, предсказанье,
Что Богъ ихъ бережетъ, что я увижу ихъ,
И оживленною душою
Я озаренъ опять надеждою святою,
И свѣтлой уношусь мечтой
Къ женѣ и дѣтямъ — въ край родной.

ГРОБЪ МЛАДЕНЦА.

Въ маленькомъ гробѣ лежитъ обложенный цвѣтами
Младенецъ и, кажется, дремлетъ сердечный;
Давно ли рѣзвился, игралъ между нами
Радужный, веселый, безпечный.

И внезапно, сраженный недугомъ, дружокъ
Завялъ и погаснулъ, страдая несчастный,
Какъ вянетъ на стеблѣ весною цвѣточикъ,
Весны не дождавши прекрасной.

И ты плачешь о немъ, о! не плачь, онъ въ сей жизни
Исполнилъ святое свое назначенье;
Теперь онъ ликуетъ въ предвѣчной отчизнѣ,
Тебѣ показавъ Провидѣнье.

Симъ младенцемъ на вѣки ты съ небомъ сроднилась,
Онъ твоею предъ Богомъ молитвой живою;
Сей тяжкою жертвой душа озарилась
Надеждой и вѣрой святою.

И съ тобой неразлученъ младенецъ твой милый,
Онъ глядитъ тебѣ въ душу, — какъ лучъ упованья,

Въ часъ скорби съ тобой онъ, въ сей жизни унылой
Твои облегчаетъ страданья.

И всякое чувство твое — наслажденье прямое,
И твердость въ печали, и въ скорбяхъ другаго
Участье, повѣрь мнѣ, посланье святое
Младенца, тамъ въ небѣ живаго !

Но съ нимъ узы святыя, любовь и терпѣнье;
Оскорбить ты уныньемъ его берегися,
Когда жъ тяготить на душѣ огорченье,
Его вспоминай — и молися.

РЫБАКЪ.

Волна шумить, волна бушуетъ,
И съ пѣною о берегъ бьетъ;
На берегу сидитъ, тоскуетъ
Младой рыбакъ, и слезы льетъ.

Грозой челнокъ его разбило,
Напрасны были всѣ труды;
Погибъ, но бѣлое вѣтрило
Еще мелькаетъ изъ воды,
То погружится, то всплываетъ
Какъ бы прощаясь съ рыбакомъ,
Такъ пламень жизни догараетъ
Съ весной, въ страдальцѣ молодомъ.

Волна шумить, волна бушуетъ,
И съ пѣною о берегъ бьетъ;
На берегу сидитъ, тоскуетъ
Младой рыбакъ и слезы льетъ!

О, мой челнокъ, прости! пропало
Съ тобою то, что льстило мнѣ;

Съ какой отвагой я бывало,
Съ тобой носился по волнѣ!
Какъ ты летѣлъ рулю послушный,
Какъ быстро волны разсѣкалъ,
Съ какою рѣзвостью воздушной
Твой вымпель подъ небомъ игралъ!

Волна шумить, волна бушуетъ,
И съ пѣною о берегъ бьетъ,
На берегу сидитъ, тоскуетъ
Младой рыбакъ, и слезы льетъ.

Мы навсегда съ тобой разстались;
Съ весны бывало, до зимы,
Веселой пѣсней оглашались
Моей, прибрежные холмы.
И я умолкъ! — прости надеждѣ,
И пѣснямъ я — прости сказалъ;
А море тоже, какъ и прежде,
Передо мной призывный валъ.

Волна шумить, волна бушуетъ,
И съ пѣною о берегъ бьетъ,
На берегу сидитъ, тоскуетъ
Младой рыбакъ, и слезы льетъ!

Завестъ могу челнокъ я новой,
Вѣтрило новое достать,
И вопреки судьбѣ суровой
Пуститься по морю опять;
Но будетъ ужъ не то вѣтрило,
Не тотъ челнокъ, и съ ними мнѣ

Не будетъ ужъ, какъ прежде было,
Отрадно плавать по волнѣ.

Волна шумить, волна бушуетъ,
И съ пѣною о берегъ бьетъ,
На берегу сидитъ, тоскуетъ
Младой рыбакъ, и слезы льетъ!

Такъ если въ юности мятежной
Измѣнятъ счастье и любовь,
Ужъ никогда къ нимъ вѣрой прежней
Не озарится сердце вновь.
Быть можетъ счастье пожалѣетъ,
Опять отдастъ, что отнято,
И новая любовь повѣетъ, —
Но будетъ все уже не то!...

Волна шумить, волна бушуетъ,
И съ пѣною о берегъ бьетъ;
На берегу сидитъ, тоскуетъ
Младой рыбакъ, и слезы льетъ.

РОЗЫ.

Какъ хороши, какъ свѣжи были розы
Въ моемъ саду! какъ взоръ прельщали мой!
Какъ я молилъ весенніе морозы
Не трогать ихъ холодною рукой!

Какъ я берегъ, какъ я лелѣялъ младость
Моихъ цвѣтовъ завѣтныхъ, дорогихъ;
Казалось мнѣ, въ нихъ разцвѣтала радость,
Казалось мнѣ, любовь дышала въ нихъ.

Но въ мірѣ мнѣ явилась дѣва рая,
Прелестная, какъ Ангелъ красоты,
Вѣнка изъ розъ искала молодая,
И я сорвалъ завѣтные цвѣты.

И мнѣ въ вѣнкѣ цвѣты еще казались
На радостномъ челѣ красивѣе, свѣжѣй,
Какъ хорошо, какъ мило соплетались
Съ душистою волной каштановыхъ кудрей!

И за одно онѣ цвѣли съ дѣвицей!
Среди подругъ, средь плясокъ и пировъ,

Въ вѣнкѣ изъ розъ она была царицей,
Вокругъ ее вились и радость и любовь.

Въ ея очахъ веселье, жизни пламень ;
Ей счастье долгое сулилъ, казалось, рокъ,
И гдѣ жъ она?... въ погостѣ бѣлый камень,
На камнѣ — розъ моихъ завянувшій вѣнокъ.

UNA FRA TANTE.

Есть много звѣздъ на небѣ ясномъ,
И любо намъ смотрѣть на прелесть ихъ,
Но въ хороводѣ ихъ прекрасномъ,
Одна звѣзда свѣтлѣе всѣхъ другихъ,
И къ той звѣздѣ нашъ взоръ всегда стремится,
И первую ее всегда находитъ онъ,
Къ другимъ уже онъ послѣ обратится,
Но къ ней опять невольно привлеченъ;
Такъ и въ душѣ есть много думъ прекрасныхъ,
Есть много думъ завѣтныхъ и родныхъ,
И горькихъ думъ, и думъ веселыхъ, ясныхъ,
Но дума есть одна завѣтнѣе другихъ :
И съ думой той живемъ мы неразлучно,
И въ часъ унынія, и въ утѣшенья часъ,
Съ ней радость веселѣй, не такъ и горе скучно,
И въ думѣ той — вселенная для насъ!
Такъ и въ любви : красавицъ много въ свѣтѣ,
Но лишь одна для сердца разцвѣла,
Незрима имъ, она въ одномъ предметѣ
Вмѣщаетъ все, чѣмъ только жизнь мила;
А тѣ красавицы, мѣшаяся съ толпою,

Мелькаютъ передъ нимъ, какъ дальнѣй метеоръ;
Одна красавица, всегда вездѣ съ душою,
Одну красавицу, повсюду ищетъ взоръ;
О! жизни радостей подруга молодая!
Ты та красавица, которой полонъ умъ
И сердце, ты звѣзда моя святая,
Ты дума лучшая изъ всѣхъ сердечныхъ думъ.

СИРОТКА.

Сиротка, позднею порой,
Чего здѣсь ищешь ты?
Ужъ солнце скрылось за горой;
Иди домой.,
До темноты.

Сиротка, голову склоня,
Мнѣ молвила въ отвѣтъ:
«Привычна мрачность для меня,
Средь бѣла дня
Мнѣ темень свѣтъ.

Какъ разъяренною грозой,
Какъ мракомъ тучъ,
Задержать будто пеленой,
Моей тоской,
Мнѣ солнца лучъ.

И дома мнѣ отрады нѣтъ,
Такъ пусто тамъ;
Увы! такъ пусть мнѣ цѣлый свѣтъ,

И слезки не найду въ отвѣтъ —
Моимъ слезамъ».

— Зачѣмъ отрадъ не ищешь ты
Средь дня твоимъ бѣдамъ?
Полна природы красоты,
И солнце свѣтитъ съ высоты,
Какъ радость намъ. —

«Нѣтъ, тягостенъ мнѣ солнца свѣтъ
И радость дня;
Убить тоской мой жизни цвѣтъ,
Но имъ, какъ будто дѣла нѣтъ
Ужъ до меня.

А ночь, какъ жизнь моя мрачна,
Мнѣ сродно съ ней;
Какъ сердцу свѣтитъ старина,
Звѣздами свѣтитъ такъ она
Тоскѣ моей.

Луна сводъ неба серебритъ
Сквозь темныхъ тучъ,
Не солнцемъ пламеннымъ горитъ,
Но какъ надежда — говоритъ
Ея мнѣ лучъ.»

ПЛАВАЮЩАЯ ВѢТКА.

Что ты, вѣтка бѣдная,
Ты куда плывешь?
Берегись, сердитое
Море, пропадешь!

Ужъ тебѣ не справиться
Съ бурною волной,
Какъ сироткѣ горькому
Съ хитростью людской.

Одолѣетъ лютая,
Какъ ты не трудись,
Далеко умчить тебя,
Вѣтка, берегись.

«Для чего беречься мнѣ?»
Вѣтки былъ отвѣтъ,
Я уже изсохшая,
Во мнѣ жизни нѣтъ.

Отъ роднаго дерева
Вѣтеръ оторвалъ;

Пусть теперь несутъ меня,
Куда хочетъ, валъ.

Я и не противлюся;
Мнѣ чего искать?
Ужъ съ роднымъ мнѣ деревомъ —
Не сrostись опять!

ВЕЧЕРЬ.

Уже догарало,
Скрываясь въ море,
Днѣвное свѣтило;
И небо пылало,
И сердце мечтало;
Минувшее горе,
Какъ дальное эхо, его возмутило!

И тихо спускалась
Съ небеснаго свода,
Завѣса ночная;
Такъ точно скрывалась,
Чѣмъ здѣсь озарялась
Для сердца природа,
Любовь и надежда, и радость земная,

И сердце, уныло,
Вдругъ вспомнило ясно
Счастливое прежде,
И сердце спросило,

Ужель измѣнило
Все то, что прекрасно?
Ужели не вѣрить любви и надеждѣ?

Друзья незабвенны,
Которыхъ мы въ свѣтѣ
Такъ рано лишились,
Землей сокровенны,
Душой вы не тлѣнны!—
Но гдѣ же живете?
Ужели на вѣки отъ насъ вы сокрылись?

И звѣзды златыя
Безмолвнымъ отвѣтомъ
На небѣ блеснули!
О! сердцу родные,
Въ міръ лучшій взятыя,
Бывалымъ привѣтомъ
И съ прежней любовью не вы ли взглянули?

Я вѣрю, такъ ясно —
Любви только очи
Пылаютъ огнями,
И я не напрасно
На звѣзды такъ страстно,
Взираю средь ночи;
Въ нихъ души ликуютъ, утраченныхъ нами.

ПѢСНЬ РАТНИКА.

Подайте мнѣ булатный мечъ,
Подайте копіе стальное!
За край родной, въ кроваву сѣчь
Мое стремится ретивое.

Я милой дѣвою любимъ;
Она сама «люблю» сказала;
Симъ словомъ я непобѣдимъ,
И жизнь мнѣ въ красотѣ предстала,
Но отплатить я долженъ ей:
Пусть мною тожъ она гордится;
Пусть бранной славы лучъ моей—
На милой дѣвѣ отразится!

Подайте мнѣ булатный мечъ,
Подайте копіе стальное,
За край родной, въ кроваву сѣчь
Мое стремится ретивое.

Но, можетъ быть, обмануть я?
Измѣнница другаго любить,

За чтожъ обманъ? онъ какъ змѣя,
Всю радость дней моихъ погубить;
Тоска, и ревность, и любовь,
Отравой въ душу мнѣ втѣснятся,
И никогда надеждой вновь —
Мои мечты не озарятся.

Подайте мнѣ булатный мечъ,
Подайте копіе стальное,
Скорѣй, скорѣй въ кроваву сѣчь! —
Тамъ изцѣлится ретивое.

Убитымъ быть, и пасть въ бою,
Быть можетъ суждено мнѣ рокомъ;
Она узнаетъ смерть мою!
И это будетъ ей упрекомъ.
Но нѣтъ, пусть любить такъ другой,
Какъ я любилъ, какъ обожаю,
Пусть онъ сравняется со мой, —
И я измѣнницѣ прощаю!

Подайте мнѣ булатный мечъ,
Подайте копіе стальное!
За край родной, въ кроваву сѣчь;
Пусть тамъ погаснетъ ретивое.

ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ МАТЕРИ.

Привѣтствовать твое рожденье,
Души невольное стремленье!
Въ ней пламень радости горить,
Избытокъ чувствъ въ ней говорить,
И изливается рѣкою,
Какъ дань любви передъ тобою. —

Я помню въ радостной судьбѣ
Все, чѣмъ обязанъ я тебѣ,
Твою любовь — всегда со мною,
Моей вожатою звѣздою, —
Моею пристанью въ бѣдахъ!
Когда въ ненастныхъ жизни дняхъ,
Страстей порывомъ увлеченный,
Мой челнъ по влагѣ разъяренной
Носился безъ руля въ волнахъ, —
Твое вниманіе, твой страхъ,
И радость свѣтлую, когда я возвратился,
Когда съ мятежною я жизнію простился,

И добродѣтели стезей
Пошелъ руководимъ тобой;

Какъ снисхожденіемъ сначала
Мои шаги ты подкрѣпляла,
И вѣры неизмѣнный свѣтъ,
Тобою какъ во мнѣ согрѣтъ;

Я помню, какъ ты раздѣляла
Восторгъ успѣховъ молодыхъ,
И первымъ звукамъ струнъ моихъ
Съ какимъ участіемъ внимала! —
Я помню съ радостью живой,
Какъ породнилась ты душой
Съ моей подругой молодой,
Когда, любовью пламенѣя,
Зажегъ я факель Гименея;
Восторгъ того я помню дня,
Какъ сынъ родился у меня,
И ты его перекрестила;
Я помню, какъ съ тобой насъ вмѣстѣ посѣтила
Утрата горькая, и насъ соединила
Съ тобой печаль еще тѣснѣй;
Заря моихъ счастливыхъ дней,
Осталась ты моей вечернею зарей!
И я, блаженствуя тобою,
Тебя привѣтствую душою,
И пѣснь любви тебѣ пою, —
И Богъ услышитъ пѣснь мою!
Молитва въ ней скрывается святая,
Молитва чувствъ, молитва неземная,
Она, какъ гимнъ Подателю всѣхъ благъ;
Я зрю Его въ твоихъ чертахъ,
Ты для меня сосудъ Его благодѣанья,
И для меня — ты голосъ Провидѣнья.

ТАРАНТЕЛЛА.

1.

Вотъ луна глядится въ море:
Въ небѣ вѣщая горитъ,
Видитъ радость, видитъ горе,
И съ душою говоритъ.
Говоритъ душѣ безпечной;
Пой, любуйся, веселись!
Дивенъ міръ, но міръ не вѣчной!
Выше, выше понесись,
Жизни слишкомъ скоротечной
Не вдавайся, не держись.
Думамъ здѣсь не развернуться:
Не успѣшь оглянуться, —
Все прекрасное пройдетъ!
А на небѣ безопасно;
Небо чисто, небо ясно;
Въ немъ обширнѣе полетъ.

2.

Вотъ луна глядится въ море,
Въ небѣ вѣщая горитъ,

Видитъ радость, видитъ горе,
И съ душою говоритъ.

Посмори: ужъ догараетъ
Освѣщенъ на пирахъ;
Шумъ оркестровъ затихаетъ,
И одна, почти въ слезахъ,
Дѣва бѣдная вздыхаетъ
Объ утраченныхъ часахъ.
Посмотри, завяли розы;
Посмотри, какъ льются слезы....
Гдѣ забавъ горячій слѣдъ?
А на небѣ все прекрасно?
Небо чисто, небо ясно;
Даже облачка въ немъ нѣтъ!

3.

Вотъ луна глядится въ мере;
Въ небѣ вѣщая горитъ,
Видитъ радость, видитъ горе,
И съ душою говоритъ.

Какъ цвѣла и какъ любила
Эта юная чета!
Восхищала, веселила
Ихъ любовь, ихъ красота, —
Тутъ измѣна, здѣсь могила;
Все земное суета.
Какъ непрочно все, что мило!
Счастье многое сулило,
Но сдержало ли обѣтъ?

А на небѣ все прекрасно;
Небо чисто, небо ясно,
И обмана въ небѣ нѣтъ.

4.

Вотъ луна глядится въ море;
Въ небѣ вѣщая горитъ,
Видитъ радость, видитъ горе,
И съ душою говоритъ.

Вотъ счастливца окружаютъ
Дѣти, други, какъ цвѣты
Вкругъ его благоухаютъ....
Но на долго ль? Видишь ты,
Другъ за другомъ отпадаютъ,
Точно съ дерева листы —
И одинъ осиротѣлый,
По дорогѣ опустѣлой,
Пригорюнясь, онъ идетъ.
А на небѣ все прекрасно:
Небо чисто, небо ясно;
Тамъ разлука не живетъ.

5.

Вотъ луна глядится въ море;
Въ небѣ вѣщая горитъ,
Видитъ радость, видитъ горе,
И съ душою говоритъ.

Увлекаешься ль мечтою
Славы доблестныхъ трудовъ:

Видишь стаю за собою
И зоиловъ, и враговъ.
Ты обрызганъ клеветою,
Ты вездѣ встрѣчаешь ковь;
Твой восторгъ охладѣваетъ,
Чувствъ святыню оскорбляетъ
Свѣта хохоть, свѣта ледъ.
Но взнесись на небо ясно:
Тамъ свободно, тамъ прекрасно,
И оно тебя пойметъ.

6.

Вотъ луна глядится въ море;
Въ небѣ вѣщая горитъ,
Видитъ радость, видитъ горе,
И съ душою говоритъ.

Говоритъ душѣ унылой:
Міръ роскошный опустѣлъ
Для тебя; и легкокрылый
Духъ веселья отлетѣлъ, —
Но крѣпись духовной силой.
Нѣтъ, не въ мірѣ твой удѣлъ!
Твой удѣлъ вотъ здѣсь, межъ нами;
Межъ блестящими звѣздами
Прежнее тебя все ждетъ;
Все, что мило, что прекрасно,
Небо чисто, небо ясно
Для тебя здѣсь бережетъ.

КОММЕРАЖИ.

Посвящено А CES DAMES.

Трещеточки, чечеточки!
Что разболтались вы?
Что лѣзетъ за нелѣпица
Изъ вашей головы!

Вотъ этотъ, дискать, женится,
А этому отказъ;
Вотъ тотъ за той волочится,
Тому подбили глазъ;
А этотъ, съ бакенбардами,
Весь разорился въ пухъ;
А этотъ, что въ отставку-то,
Съ ума сошелъ, и вдругъ!

И сами вы, трещеточки,
Узнали все?.... на-врядъ!
— Узнать-то не узнали мы,
А только говорить!

Поздравить съ именинами
Забылъ графиню князь;

А дочку какъ-то за сына
Просваталъ онъ намнясь ;
Помолвка уже сдѣлана,
Конца бы только ждать....
Графиня разсердилася,
Не сходятся опять!

И знаете, трещеточки,
Кто разсказалъ?.... на-врядъ!
— Ну, кто — не знаемъ именно,
А только говорятъ.

И свадьба князя Зюзина
Опять нейдетъ на ладъ ;
Онъ думалъ : тесть-то батюшка
Неслыханно богатъ ;
А какъ пошелъ за справками,
Такъ что же вышло? — вздоръ!
Имѣнье все заложено!
Онъ на попятный дворъ!

И самъ онъ вамъ, трещеточки,
Признался въ томъ? на-врядъ!
— Признаться, не признался онъ,
А только говорятъ.

Дочь хочетъ за полковника
Карпухина отдать ;
И статскаго совѣтника
Желала бы поймать ;
И лейтенанта хочется ;
Она на тотъ предметъ

Даетъ балы богатые;
Однако толку нѣтъ!

Вы на балахъ, трещеточки,
Бываете?.... па-врядъ!
— Бывать-то не бываемъ мы,
А только говорятъ!

Да дочь сама проказница,
Кокетка, ужъ сказать!
Проводить, надуваетъ всѣхъ:
И жениховъ и мать;
И отъ чего манежится
И такъ хитритъ она?
Въ учителя Нѣмецкаго
Секретно влюблена!

Да это вздоръ, трещеточки,
Учитель старъ, женатъ!
— Про это ужъ не знаемъ мы,
А только говорятъ!

Какъ странно одѣвается
Мадамъ Тюрлютютю;
На плечахъ пуфы страшные
Камаль пре пуэнтю;
Беретецъ черный бархатный,
Вся въ кисточкахъ спина;

И косы три фальшивыя,
И вся насюрмлена!

И сами вы, трещоточки,
Весь видѣли нарядъ?
— Наряда не видали мы,
А только говорятъ!

Левъ Буйволычъ Медвѣдевъ нашъ
Какъ Львицѣ досадилъ!
Въ пикникъ къ себѣ онъ въ саночки
Пантеру посадилъ;
И Львица разсердилася,
Въ большой азардъ вошла,
На зло, Верблюду Власычу
Мазурку отдала!

И это вы, трещоточки,
Провѣдали?.... на-врядъ!
— Провѣдать не провѣдали, —
А только говорятъ!

Поручикъ съ камеръ-юнкеромъ
Затѣяли дуэль;
Исторья непріятная;
Причиною мамзель:
Мамзель ангажирована
Поручикомъ была,

Но какъ-то съ камеръ-юнкеромъ
Вальсировать пошла!

Вы видѣли, трещоточки,
Исторію? — на-врядъ!
— Исторіи не видали мы,
А только говорятъ!

Графиня къ старой тетушкѣ
Все ѣздитъ по утрамъ;
Но капитанъ молоденькій
Ее встрѣчаетъ тамъ.
Намѣки ль, подозрѣнье ли, —
Мужъ какъ-то завернулъ:
Тутъ всѣ перепугались,
Шумъ, гвалтъ и караулъ!

И сами вы, трещоточки,
Тутъ встрѣтились? — на-врядъ!
— Нѣтъ, правда, насъ тутъ не было,
А только говорятъ!

Да самъ Терентій Яковличъ
Поссорился съ женой;
Онъ къ ней пришелъ нечаянно,
Какой же онъ смѣшной!
Баронъ Данило Карловичъ
Съ нимъ встрѣтился въ сѣняхъ;

Разспросы, слово за словомъ, —
Расходятся на дняхъ!

И точно вы, трещоточки,
Увѣрены?.... на-врядъ!
— Не то, чтобы увѣрены,
А только говорятъ!

Пришла година горькая
Для нашихъ докторовъ :
Животный магнетизмъ подъ нихъ
Подкапываетъ ровъ;
Вамъ стоитъ деревенскую
Лишь бабу усыпить,
Она сейчасъ пропишетъ вамъ,
Чѣмъ мазаться, что пить!

И опытъ ужъ, трещоточки,
Вы сдѣлали? — на-врядъ!
— Нѣтъ, опыта не дѣлали,
А только говорятъ!

Но столько здѣсь ужъ фокусовъ
Надѣлалъ магнетизмъ,
Что дамы всѣ восторжены!
Ужасный фанатизмъ!
Одна изъ нихъ кобянится,
Та испускаетъ стонъ;

А эта поэтически
Описываетъ сонъ!

И что жъ онъ, трещоточки,
Здоровье? на-врядъ!
— Признаться, не примѣтили,
А только говорятъ!

Пріѣхалъ къ намъ изъ-за моря
Французъ магнетизеръ.
Какія шутки строитъ онъ!
Сказать-что профессоръ!
Горбатыхъ, косолапыхъ, лишь
Онъ за носъ подержалъ,
Всѣ ноги вдругъ спрямилися,
И горбъ какъ не бывалъ!

И сами вы, трещоточки,
Свидѣтели?... на-врядъ!
Свидѣтелями не были,
А только говорятъ!

Какая-то есть палочка,
И есть стаканъ воды;
И палочку макаетъ онъ
Все кончикомъ туды;
А тамъ онъ ей по воздуху
Вокругъ себя ведетъ,

И какъ начнетъ рассказывать,
Компанья вся заснетъ!

Да можетъ быть, трещоточки,
Отъ скуки люди спать?

— Ну нѣтъ, довольно веселы
Компаньи, говорятъ!

Вдова одна профессорша,
Три двойни родила,
И двадцать восемь мѣсяцевъ
Беременна была;
Когда же разрѣшилася,
Собрался факультетъ,
Велѣлъ литографировать
Родильницы портретъ!

Портретъ же вы, трещоточки,
Имѣете?... на-врядъ!

— Портрета не достали мы,
А только говорятъ!

Грибкова перессорилась
Со всей родней своей.
Хотя она и умница,
Да толку нѣтъ у ней,
Все пишетъ письма странныя,
Ругаетъ наповаль;

И что же? по-немножечку
Всякъ отъ нея отсталъ !

Скажите, вы, трещоточки,
Знакомы съ ней?... на-врядъ!
— Нѣтъ, съ нею не знакомы мы,
А только говорятъ!

Поймали трехъ разбойниковъ
Недавно на сѣнной;
Ихъ долго караулили...
Одинъ гулялъ съ женой,
Другой ходилъ съ корзинкою,
И продавалъ блины;
А третій, ужъ не помнимъ, съ чѣмъ,
Но всѣ посажены !

И что жъ, они, трещоточки,
Признались?... иль грозятъ?
— Не знаемъ, не развѣдали,
А только говорятъ !

На небѣ, межъ планетами,
Меркуріусъ горитъ;
Нашъ астрономъ изъ Питера
Всѣмъ выбратся велитъ :
Онъ пишетъ, что дни майскіе
Такъ будутъ горячи,

Что крыши всѣ растопятся,
И лопнуть кирпичи!

Его трактатъ, трещоточки,
Прочли вы весь?... на-врядъ!
— Прочестъ намъ не случилось,
А только говорить!

Комета появилась;
Но, бѣдная, прошла
Сквозь солнышко нечаянно,
И хвостъ свой отожгла.
Теперь, она, кургузая,
Гуляетъ межъ планетъ,
Скромнехонько, инкогнито,
Хвоста же нѣтъ, какъ нѣтъ!

И астрономъ, трещоточки,
Сказалъ вамъ то?... на-врядъ!
— Нѣтъ, съ нимъ-то мы не знаемся,
А только говорить?

Японцы съ кабардинцами
Затѣяли войну,
За то, что тѣ китайскую
Разрушили стѣну;
И короля Сандвичскаго
Задѣлъ опять Султанъ;

Индѣйцы разшумѣлися,
Кипитъ Алдагестанъ!

И это все, трещоточки,
Въ газетахъ есть?... на-врядъ!
— Въ газетахъ не написано,
А только говорятъ !

Изъ глуши, изъ Саратова,
Пріѣхалъ экономя;
Рублями, депозитками,
Карманъ набить биткомъ;
Аллегри, балъ и томболя,
Рубини, Блашъ и Листъ,
Другія наши прихоти, —
Карманъ и пусть и чистъ !

Не ужъ-то онъ, трещоточки,
Такъ былъ здѣсь торовать?
— Не знаемъ, не знакомы съ нимъ,
А только говорятъ !

И не на что отправиться
Теперь ему домой;
И даже шубы не на что
Купить себѣ зимой;
Онъ вѣрно обанкрутится,
Какъ жить онъ будетъ такъ;

Въ казну заподряженнаго
Не выставить никакъ !

А что, въ казну, трещоточки,
Имѣетъ онъ подрядъ?
— Ну это неизвѣстно намъ,
А только говорятъ !

Шестнадцать камеръ-юнкеровъ
Вчера произвели;
Всѣхъ легкоконныхъ латниковъ
Въ резервъ перевели;
Изъ егерей составили
Кавалерійскій полкъ;
Теперь вездѣ по городу
Идетъ объ этомъ толкъ.

И что жъ, прочли, трещоточки,
Приказъ о томъ?... на-врядъ !
— Приказа не видали мы,
А только говорятъ !

Престрашный шумъ за картами
Вчера у графа былъ;
Баронъ туза червоннаго
Девяткою убилъ ;
Въ рукахъ всѣ были козыри.
И даму графъ держалъ,

Съиграли, какъ Мазепа вы !
Барону онъ сказалъ.

И что жъ, они, трещоточки,
Поссорились?... на-врядъ!
— Не знаемъ мы.... поссорились, —
А только говорить !

У старика аптекаря
Вчера сбѣжала дочь.
Эпекакуана съ арникой
Онъ разводилъ всю ночь ;
Какой-то франтъ расчесанный
Рецептъ ему принесъ,
Старикъ полѣзъ за специями,
А дочку тотъ увезъ !

На вѣрное, трещоточки,
Вы знаете? — на-врядъ!
— Ну, то есть, не навѣрное,
А только говорить !

Директоръ департамента
Все ставить на своемъ ;
Онъ хочетъ, чтобъ чиновники
Всѣ ѣздили верхомъ ;
Доклады только кончатся,
Онъ всѣхъ ихъ шлетъ въ манежъ

И думаетъ со временемъ
Ихъ выучить; но гдѣ жъ!

Но это вздоръ, трещоточки,
И гдѣ онъ вами взять?
— Пожалуй, вздоръ, положимте,
Однако жъ говорить!

Есть стихоплетъ, риѣмачъ у насъ,
Негодный ни къ чему;
Дѣлами занимается,
Но принесутъ ему
Докладъ, расчеты, вѣдомость,
А онъ твердитъ сонетъ;
Дѣла его вверхъ дномъ идутъ,
И въ кассѣ денегъ нѣтъ!

А въ кассѣ-то, трещоточки,
Вы шарили?... на-врядъ!
— Нѣтъ, кассы не считали мы,
А только говорить!

Да онъ же и волочится
За дамами всегда;
По баламъ ѣздитъ, рыскаетъ....
Судите же, когда
Онъ можетъ вникнуть въ жалобы
Крестьянъ своихъ и какъ?

Нѣтъ просто, въ бѣломъ свѣтѣ онъ
Юродивый, бѣднякъ !

Трещоточки, чечоточки,
Какъ разболтались вы!
Что лѣзетъ за пелѣпица
Изъ вашей головы?

Во все, вездѣ, вы суетесь,
Какъ мухи, какъ шмели;
И хоть кого, несносныя,
Съ ума бы вы свели!
Трещоточекъ, чечоточекъ
Такъ расплодился родъ,
Что просто мочи нѣтъ отъ нихъ,
И оглушенъ народъ!

Когда бъ еще полезная
Ихъ направляла цѣль!
Добру наставить юношу,
Предостеречь мамзель;

Коварной, злобной хитрости
Завѣсу развернуть;
Дать руку добродѣтели!
А то ни чуть, ни чуть!...

Трещототки, чечоточки
Ни свѣтятъ, ни горятъ;
И сердцемъ не участвуютъ,
А только говорятъ!!!....

СЕНСАЦІИ И ЗАМѢЧАНІЯ Г-жи КУРДЮКОВОЙ.

ЗА ГРАНИЦЕЮ, ДАН Л'ЭТРАНЖЕ.

1.

Отъездъ.

Мнѣ сказали доктора:
«Мадамъ Курдюковъ! пора
Вамъ бы на воды въ Германью,
Тамъ найдете вы компанью
Лордовъ, графовъ и князей,
Препорядочныхъ людей.
Вамъ понравится Европа.
Право, мѣшкать *иль не фо-на*,
А то будете *маладъ*,
Отправляйтесь-ко въ Кронштатъ.»

Вотъ въ дорогу я пустилась:
Въ городъ Питеръ дотащилась,
И промыслила билетъ
Для себя, э *пуръ* Анетъ,
И *пуръ* Харитонъ *ле* мѣдникъ.
Сюръ ле *пироскафъ* Наслѣдникъ,

Погрузила экипажъ,
Приготовилась въ вояжъ.

Но на Бердовой машинѣ,
Вздумалось моей кузинѣ,
Бѣдную меня, *маладъ*,
Проводить *жюска* Кронштадтъ.
Берегъ весь кипитъ народомъ
Передъ нашимъ параходомъ,
Де мамзель, *де* кавалье,
Де попы, *дезъ* офисье,
Де коляски, *де* кареты,
Де старушки, *де* кадеты,
Однимъ словомъ, всякой сбродъ.

Задымился пароходъ,
Въ колокольчикъ застучали,
Всѣ платками замахали;
Завозились *ле мушуаръ*;
Всѣ кричатъ: *адье бонсуаръ*,
Ревене, не м'убліе па!
Отвязалася зацѣпа;
Мы пустились по водамъ,
Какъ старинная мадамъ,
При началѣ минуета.
Не догонитъ насъ карета:
Мы летимъ, какъ соколы!
Разсѣкаются валы,
Домъ за домомъ пропадаетъ,
Меньше, меньше, убываетъ
И *ле* Петербургъ исчезъ
Въ мрачной синевѣ небесъ.

Пригорюнясь объ отчизнѣ,
Я подумала о жизни.
Право, то жъ бываетъ съ ней:
Много въ юности затѣй,
Передрагъ, любви, невзгоды
Протекутъ, промчатся годы,
И вся эта кутерьма,
Исчезаетъ, какъ дома.

Кстати берегъ Петергофа
Намъ синѣтся, здорово
Старый другъ минувшихъ лѣтъ!
Я была *энъ-не кокетъ*,
Помню, Н. Н. волочился,
И чуть чуть... но онъ жинился.
Завладѣла имъ жена....
Я осталася вѣрна
Господину Курдюкову.

Но *адье* и Петергофу;
Вотъ является Кронштадтъ.
Сердцу русскому онъ кладъ;
Онъ Петра напоминаетъ;
Духъ Петра въ немъ обитаетъ,
И теперь его гранить
Не ме тушъ па, говоритъ.

Вотъ и *пироскафъ* Наслѣдникъ!
О, великій проповѣдникъ
Всѣхъ морскихъ тревогъ и мукъ,
Ты, *мусье*, капитанъ Кукъ,
Дай твое мнѣ краснорѣчье,

Дай перо не человѣчье,
Описать на твой манеръ,
Наше странствіе *паръ меръ*.

Я взошла. Зовутъ обѣдать!
Хорошо бѣ *дине* отвѣдать,
Но куды, — ужъ мѣста нѣтъ!
Пропадаетъ мой обѣдъ.
Я на палубу взбѣжала,
Капитана отыскала;
Говорю: *монъ капитенъ*,
Онъ въ отвѣтъ мнѣ: *нихтъ феритейнъ!*
Нѣмецъ на бѣду копченный,
По-французски неученый.
Я не знаю *лалеманъ*;
Ну, признаться, *се шарманъ!*
Ужъ мнѣ это компанейство:
Настоящее злодѣйство,
Привилегію давать,
Чтобъ меня не понимать,
Чтобъ осталась я голодной!
Я, съ улыбкой благородной,
Отошла, но мой обѣдъ —
Отомстила *сюръ Анетъ*,
Съ ней за все, про все ругалась.
Тутъ съ кузиной я разсталась;
Бердова машина прочь.

Солнце скрылось, вотъ ужъ ночь.
Чтожъ не ѣдемъ? Тамъ съ паспортомъ
Что-то возится надъ портомъ
Акуратный капитанъ :

Хочетъ знать, *пуркуа*, *команъ*
Отправляемся въ дорогу.
Было время, слава Богу —
Разсмотрѣть, но ахъ, *гате*,
Все у насъ *формалите*!
Есть всегда крючекъ запасный.

Но вотъ полночь. Мѣсяцъ ясный
Расходилъ въ небесахъ,
И на дремлющихъ волнахъ
Онъ излилъ свое сіянье,
Въ сердце томное мечтанье
О быломъ, о старинѣ;
Мнѣ явились, какъ во всѣ,
Тѣ боскеты, тѣ пріюты,
Роковыя тѣ минуты,
Гдѣ впервые, Курдюковъ
Объявилъ мнѣ про любовь. —
Я жеманилась сначала,
Но потомъ сама сказала,
Поразнѣжась: *пуркуа на?*
Адресуйте *а папа!*

Но вотъ подъѣзжаетъ шлюпка.
Въ ней, раздутой, точно губка,
Офицеръ сидитъ рябой.
Отправляйся, Богъ съ тобой!
Онъ кричитъ, подавъ бумаги;
Пассажиры не бродяги;
Капитейнъ, адъе, фарцу!
Дѣло, стало быть, къ концу.
Точно, пароходъ дымится;

Мы идемъ, волна клубится
Подъ колесами у насъ,
И Кронштадтъ пропалъ изъ глазъ.

Посмотрѣть бы, компаньоны
Каковы, что за *фасоны*?
Однимъ словомъ, кто они?
А то, Боже сохрани!
Не диковинка *пётетеръ*,
Такъ сказать, *се компрометеръ*.
Ну приступимъ : *вуаси*
Знатный баринъ *де рюси*.
Онъ въ плащѣ, въ очкахъ, въ фуражкѣ,
Не узнаешь по замашкѣ,
Кто такой. Но вотъ *малёръ*,
Съ нимъ заговорилъ актеръ,
Просто изъ французской труппы.
А вонъ тамъ, какія группы!
Офицеры, шкипера,
Шамбеляны, повара,
Разночинство, возвращенье,
Вавилонское смѣшенье!
Вотъ опять актеръ *франсе*
Разговоръ *рекомансе*
Съ графомъ, будто бъ съ своимъ братомъ.
Я бы съ этимъ сопостатомъ.
Поступила, но гляжу,
Всюду то же нахожу;
Въ креслахъ Гамбсова издѣлья;
Что дарятъ для новоселья,
Дама знатная сидитъ.
Съ нею каждой говорить,

Тутъ толкуютъ о натурѣ,
Больше жъ о литературѣ.
Аматеры де вояжъ,
И какую ералашь,
То Вольтера, Ламартина,
То другаго господина,
Превозносятъ до небесъ;
То Байрону перевѣсь
Присуждаютъ офиціально,
То Гюго бранятъ формально,
А тамъ далѣе отъ нихъ,
Цѣлой фронтъ старухъ больныхъ
Чулки вяжутъ, что есть мочи,
Съ утра ранняго до ночи.
Такъ успѣли надоѣсть,
Что не знаешь гдѣ и сѣсть.
Тутъ гуляетъ горделиво
Цампа что ли, Алмавива,
Въ синей епанчѣ одѣтъ?
Энъ курье де кабинетъ,
Англичанинъ съ рожей красной.
Вѣрно человѣкъ опасной!
Онъ ни съ кѣмъ не говоритъ;
То сигарку закуритъ,
То присядетъ, то напьется;
То самъ про себя смѣется,
То глядитъ на *фирмаманъ*,
И всегда *анъ мувеманъ*.

Такъ мы плыли двое сутокъ;
Очень скучно, кромѣ шутокъ;
Какъ вдругъ появился мнѣ,

Островъ Борнгольмъ въ сторонѣ.
Островъ Борнгольмъ! кто не знаетъ?
Русской всякой тутъ вздыхаетъ,
Потому, что Карамзинъ
Сочинилъ романъ одинъ
Пречувствительный, презнатный,
И притомъ весьма пріятный,
Мнѣ же, что таить грѣхи?
Очень нравятся стихи:
«Законы осуждаютъ
Предметъ моей любви.»
Они напоминаютъ
Волненіе въ крови,
Когда, будучи при мѣстѣ,
Кажется, рублей за двѣсти,
Мой супругъ попалъ подъ судъ.
Какъ я ихъ пѣвала тутъ!
Какъ я въ горести мечтала,
Что въ Борнгольмѣ я вздыхала,
Въ мысляхъ слились Курдюковъ,
И законы, и любовь.
Онъ не правъ, конечно; — что же,
Онъ мой мужъ, великій Боже!
Я законная жена,
Сожалѣть о немъ должна.

Но еще одна секунда,
И ужъ берегъ Травемюнда,
На яву ли то, — во снѣ?
Я въ нѣмецкой сторонѣ!
Для меня всѣ вещи новы,
И нѣмецкія коровы,

И нѣмецкая трава!
Закружилась голова;
Внѣ себя отъ восхищенья;
Все предметъ мнѣ удивленья!

Но морской мой конченъ путь,
И пора мнѣ отдохнуть.

—

II.

Любекъ.

—

Городъ Любекъ градъ ганзейской;
Изъ исторьи европейской,
Кажется, *Лабе Милотъ*,
Помню я, что былъ комплотъ
Встарину межъ городами,
Чтобъ торговыми дѣлами
Имъ завѣдывать, и такъ,
Чтобы не входилъ никакъ,
Въ городъ, ни король, ни воинъ,
Кто въ Ганзу не удостоенъ!
Всѣмъ тогда была гроза
Знаменитая Ганза.
Даже Новгородъ великой,
Подстрекаемъ политикой,
Въ тотъ вмѣшался заговоръ.
Русской царь былъ *паз-анкоръ*
Обладатель пол-вселенной.

На тотъ счетъ, опять почтенной,
Помнится мнѣ, Карамзинъ,
Написалъ романъ одинъ.
Я сама его читала,
Въ Марѣи ужась какъ желала,
Но теперь не та эпохъ:
Женщина! вяжи чулокъ.
Не задумывай о рѣчи,
Какъ *алоръ*, у нихъ при вѣчѣ.
Нѣтъ! теперь болтливыхъ бабъ
Въ мигъ квартальной цапъ-царапъ.

Городъ Любекъ такъ построенъ,
Что вниманія достоенъ:
Въ немъ все кирки, не дома;
Много пищи для ума,
Всюду старина святая,
Плоховата мостовая,
Ме села, са мет-эгаль.

А какая *катедраль!*
Что за штуки въ ней встрѣчаютъ!
Тамъ куранты часъ играютъ,
Кажется *ле Огюстинъ*.
Ангель выскочить одинъ,
Молоткомъ бьетъ объ колонну,
И къ нему идутъ къ поклону
Куклы въ царскихъ епанчахъ,
Въ гарнитуровыхъ штанахъ.
Хоть о томъ толкуютъ розно,
Но оно весьма курьёзно.
Тамъ какого-то Голбейнъ,

Кажутъ также *ле десейнъ* ;
Во всю стѣну все скелеты,
И фигуры разодѣты;
Лампереръ, ле панъ, купецъ,
Рыцарь, воинъ, изъ Нѣмецъ,
Королева, столяриха,
Баронесса и портниха.
Этотъ называютъ вздоръ,
Ле проказы де ла моръ.
Я все мелькомъ осмотрѣла.
Видѣть городъ захотѣла,
И пошла, вездѣ въ чепцѣ.
Вижу даму на крыльцѣ,
Да и не одну — десятки,
Анъ манишъ куртъ, и всѣ порядки
Соблюдаютъ прежнихъ лѣтъ.
Есть и фартукъ, и корсетъ,
И платочекъ, и корзинка,
Будто бѣ про запасъ для рынка,
А мущины Нѣмцы типъ —
Есть у всякаго *ла пипъ* —
И *ла каннь*, и фракъ предлинной,
И *кюлотъ*, — костюмъ старинной,
И *ле букль*, и *ле сулье*,
Веритабль кавалье!
Кучера, ткачи, маркеры,
Всѣхъ ихъ право въ гувернеры
Мы забрали бѣ встарину!
Имъ была лафа *ше ну!*
Нынче времена иныя:
Наши Русачки лихіе
Ради Нѣмцамъ указать.

Хваты, нечего сказать!
У моихъ меньшихъ сестричекъ
Гувернантка изъ Калмычекъ,
А у братцевъ гувернеръ
Бывшій Н. Н. *шасёръ*
Сынъ прикащика простаго,
Человѣка крѣпостнаго,
Но которой, *же ле гажъ*,
Наострился *анъ вояжъ* —
Такъ и рѣжетъ по-Французски.

Но мой *эстома* по-русски
Говорить: пора *дине*,
Полно *дискать промене*.
Вверхъ носить ко мнѣ забота;
Я поѣмъ у *табельдота*.
Вотъ вхожу, хозяинъ самъ,
Молвилъ: *зецензи мадамъ*.
Но потомъ и самъ садится!
Ну, куда жъ это годится,
Чтобъ трактирщикъ за столомъ
Самъ сидѣлъ, какъ *галантомъ*?
Вотъ ла супъ, — оно водица!
Съ лукомъ, съ тѣстомъ, и корица
Такъ и плаваетъ по немъ.
Незавидно, подождемъ,
Дальше будетъ что такое.
Вотъ *ле бёфъ*, языкъ, жаркое,
Рыба, утка и *гемисъ*.
Это *ле премье сервисъ*.
Ко всему даютъ варенье.
Что за странное смѣшенье!

А съѣдятъ, *нейе на пёръ.*
И затѣмъ *фромажъ* и *бёръ.*
Кушать мясо съ черносливомъ
Запивать все это пивомъ,
Тотчасъ будетъ *ла коликъ.*
Нѣмецъ къ этому привыкъ,
Но я русская, не нѣмка,
Все равно, давай, поѣмъ ка,
Что-то будетъ? Ничего!

Но готовы *ле шево.*
Городъ Любекъ оставляю,
Путь мой въ Гамбургъ направляю,
Постильонъ сидитъ верхомъ,
Важно хлопаетъ бичомъ,
Но потомъ въ рожечекъ мѣдной
Такъ онъ подуваетъ бѣдной,
Что краснехонекъ, какъ ракъ.
Это музыкальной знакъ.
Да! рожокъ, по мнѣ, кокарда
Земли Глука и Моцарта,
И Бетговена *временъ.*
Музыкантъ-то *сѣлеманъ,*
Не искусенъ, — такъ играетъ,
Что намъ уши раздираетъ :
То завякаетъ козой,
То какъ быкъ мычить порой,
То визгнетъ, какъ поросенокъ,
То заплачетъ, какъ ребенокъ,
То скрипитъ, *ме сет-эаль:*
Колыбель *де ла Весталь*
Въ этихъ звукахъ полудикихъ.

Такъ начало рѣкъ великихъ
Непримѣтный ручеекъ;
Такъ невидный червячекъ
Той матеріи начало,
Что роскошно украшала
Между нами не одну
Генеральскую жену!

Въ гору постильонъ слѣзаетъ,
Трубку вяло набиваетъ,
Лошади идутъ шашкомъ,
А онъ возлѣ нихъ пѣшкомъ.
Я кричу, онъ въ усъ не дуетъ;
По-нѣмецки мнѣ толкуетъ,
Что карета тяжела.
Вишь подѣхалъ съ чѣмъ, *вола!*
Жалко, что не угодила.
Я въ Москвѣ ее купила
За три тысячи рублей;
Не мѣнять же, дуралей!

Вотъ шлагбаумъ — тутъ за дорогу
Марковъ пять платить, ей Богу!
Хуже тракта нѣтъ у насъ.
По-нѣмецки: *васъ истъ дасъ?*
Разсердясь я закричала:
Махензи шосей сначала,
И тогда я заплачу,
А теперь *нихтсъ*, не хочу!
Нѣмецъ въ хохоть, и мнѣ кажется,
Что шлагбаумъ онъ не отвяжетъ,
Пока денегъ не отдамъ.

Что жъ мнѣ спорить? Я мадамъ!
Не стоять же здѣсь съ каретой.
Посовѣтовшись съ Анетой,
Отдала, и вскорѣ вотъ
Мы на станцы; — новой счетъ!
За шмиръ-гельдъ, тринкъ-гельдъ, барьеры,
Здѣсь на разныя манеры
Отдуйся кошелекъ;
Мигомъ весь уйдетъ оброкъ.
Право, — экая досада!
Не доѣду до Бадъ-бада;
И прійдется мнѣ стоять,
Или деньги занимать.

III.

ГАМБУРГЪ.

Городъ Гамбургъ, городъ важной,
По коммерціи вальяжной,
Богатѣйшіе мезонъ!
Право, онъ оре резонъ,
Если бъ назвали столицей
Городъ Гамбургъ, и царицей
Всей торговли *де Эвронъ*.
Любекъ передъ нимъ холопъ,
Просто дрянъ. Здѣсь есть кареты,
Шарабанъ, кабріолеты,
Кавалеры *а шеваль*,
Гардъ есть даже *насьональ*,

Въ длинныхъ чекменяхъ казацкихъ,
Въ киверахъ полусолдатскихъ,
Маршируютъ съ *ла мюзикъ*,
А напередѣ — мужикъ,
Русской, съ бородою длинной.
Табліе на немъ лосинной,
Ходить съ топоромъ въ рукѣ,
И въ медвѣжьемъ колпакѣ.
Надобно сказать въ прибавокъ,
Что солдаты всѣ изъ лавокъ
Набраны, а комендантъ
Ихъ сигарный фабрикантъ.

Я бѣ у гамбургцевъ спросила:
Для чего имъ эта сила?
На кого *тире л'эпе*?
Нынѣ, *Дьё мерси, ла не*,
Не ко времени *пруэсы*.
Гдѣ ихъ были *фортересы*,
Бастіоны, палисадъ,
Тамъ теперь прекрасной садъ.
Все дорожки, все боскеты,
Клумбы, лавочки, *генгеты*,
Гдѣ съ утра затѣя пиръ,
Нѣмцы прославляютъ миръ.
Нужны ль трубы, барабаны?
Не драбанты, а *кауфманы*
Славу здѣсь должны стяжать,
А не сабли обнажать.

Не дурна моя квартира:
Гдѣ же лучше Бельведера?

Онъ стоитъ *данъ ле мильё*,
Передъ вашими *ле-зье*
Юнфернштигъ и Эспланада.
Это Гамбурга фасада.
Гамбургъ точно, какъ товаръ:
Много въ немъ *пуръ ле регаръ*,
И кварталъ весь этотъ новой,
Какъ въ кускѣ конецъ хазовой,
Какъ на пачкѣ *экрито*,
Развернешь, уже не то.
Разъ пошла я для прогулки
Дальше, что же? *закоулки*,
Неопрятность, тѣснота.
Магазиновъ красота
Даже тамъ еще *плѣняетъ*,
Но оно лишь *объясняетъ*,
Каковы у нихъ *ресурсъ*.

Вотъ здѣсь Гамбурга *ла-бурсъ*.
Домъ большой, и въ немъ двѣ залы.
Наверху одни журналы;
Тутъ съ утра купцы сидятъ,
И молчаніе хранятъ;
Даже тутъ и чхнуть не смѣешь,
Поневолѣ оробѣешь.
А внизу вездѣ, глядишь,
Всѣ развѣшены *афишъ*,
Но не тутъ дѣла сплетаютъ,
Курсъ монетъ опредѣляютъ:
Нѣтъ, на то есть *ан-дегоръ*
Крышею покрытый дворъ,
Какъ загонъ скота въ Украинѣ.

Я поудивилась крайне
Здѣсь такой *аномали*....
Какъ Гамбургцевъ ни хвали,
А все люди, *человѣки*!...
Тутъ Индѣйцы, Турки, Греки,
Англичане, *де Франсе*,
Словомъ, тутъ народы всѣ.
Ровно въ часъ *ла-портъ* открыли,
Но меня не пропустили,
Потому что я *мадамъ*.
И къ коммерческимъ дѣламъ
Не принадлежу по полу.
Виновата, по подолу!!
Я имъ: *се бьенъ нѣ галанъ!*
Молвила *анъ ман-алланъ*,
И наверхъ подняла палецъ.
Это принялъ за *сигналецъ*,
Фьякръ, стоявшій въ сторонѣ,
Мигомъ повернулъ ко мнѣ,
Съ сивой тощею лошадкой,
И съ колясочкой *прегадкой*.
Я должна была *гремпе*;
Ужась, комъ *сетъ-эскарпе!*
Дверку онъ за мной захлопнулъ,
Ну *воинъ?* спросилъ, и топнулъ.
Я признаться стала въ пень,
Говорю : *л'элизъ, жарденъ*,
Иль *ле-портъ*, куда угодно.
Не могу еще свободно
По-нѣмецки объяснять.
Онъ сталъ лошадь погонять,
Но куда, ей, ей, не знаю.

Только вижу, — примѣчаю,
Что съ коляской *же марше*,
Прямо такъ черезъ *марше*.
Люди впереди и сзади;
Не кричитъ онъ : пади, пади!
Лишь бичемъ на воздухъ бьетъ,
И расходится народъ.
Догадаешься, прекрасно;
А не то, такъ преопасно,
Вотъ, *ше ну кандъ иль-а-ди*:
Баба чортова, поди!
Оглянулась, осердилась,
Но за то посторонилась.
Э же трувъ, се трез-эзе,
Но *муэнъ сивилизе*.
По проулкамъ крючковатымъ,
Часъ благимъ мы ѣдемъ шагомъ,
Вдругъ онъ мнѣ: *дасъ истъ ле портъ!*
Поглядѣла я : кой чортъ?
Все трактирчики, *генгеты*.
Гдѣ жъ брандвахта? гдѣ пикеты?
Гдѣ пакгаузы? гдѣ *ле-ке*?
Только корабли въ рѣкѣ.
Вижу я, что для торговли,
Точно, какъ для рыбной ловли,
Нужно только приманить,
А потомъ ужъ не мутить,
Не подчаливать къ мережѣ.
Не шумѣть, избави Боже!
Лишь сначала волю дай,
Тамъ гляди, и не мѣшай!

— Ну, мусье, вези нахъ обенъ!
Я сказала. Безподобенъ
Фьякръ мой! Понялъ эту цѣль.
И привезъ а Сенъ-Мишель.
Кирка важная, большая,
Точно церковь, и какая
Башня знатная при ней!
Вѣрно въ триста саженой.
Я наверхъ взойти рѣшилась;
Лѣзла, лѣзла, дотащилась.
Что тутъ за прекрасный видъ!
Глазъ куда ни поглядить,
Города вездѣ, селенья,
Эльбы, Везера теченье.
Есть съ чего сойти съ ума!
Кель шарманъ панорама!

Гдѣ-то въ книгѣ я читала,
Будто бѣ, не увидя бала,
Городъ — онъ не нѣ жюже.
Какъ же быть? мнѣ, госпожѣ,
Напроситься не возможно;
Развѣ очень осторожно.
Но что вижу? ба, ба, ба,
Вотъ счастливая судьба!
Объявляется о балѣ,
Нынче жъ вечеромъ въ воксалѣ.
Не хочу его манке.
Кликнула энъ лонъ-лаке,
И отправилась. — При входѣ
Заплатила марктъ, по модѣ
Скинула манто въ сѣняхъ,

И вошла. Что вижу? — Ахъ!
Какъ куръ во щи я попала:
Вся биткомъ набита зала,
И какой ужасной сбродъ!
Все ремесленный народъ:
Все *де дамъ комъ иль не фо па!*
Чуть не сдѣлалось *сенкопа*.
Трубокъ дымъ, попойка, крикъ,
И прескверная *мюзикъ!*
Я назадъ; меня хватаетъ
Энъ мусье, и вдругъ сажаетъ
На колѣни, какъ мамзель.
Курдюковъ бы на дуэль
Его вызвалъ за продерзость.
Но я вырвалась, о мерзость!!
Какъ узнають — *нѣтъ, санъ брюи*
Я уѣду *данъ ла нюи*.

Но карета расхилилась,
И еще не починилась.
Побранила я *ме жансъ*,
Записалась въ дилижансъ.
Дилижансъ узнать не худо;
Хоть до Бремена покуда,
А ужъ послѣ въ Оснабрюкъ.
Заказала я семь брюкъ
Въ Гамбургѣ для Харитона;
Для себя — два амазона,
И мантилю *пуръ Анетъ*;
Да купила я лорнетъ,
Парасоль, часы стѣнные,
Вещи разные иныя.

Харитонъ ихъ соберетъ,
И съ каретой привезетъ.

Деньги какъ подобрался.
Экой Гамбургъ! провалися.
Ужъ замѣчено всегда,
Русскимъ въ Гамбургѣ бѣда.
Все такъ дешево, красиво,
И сидѣльцы такъ учтиво
Все умѣютъ предложить,
Что нельзя и не купить.
Намъ всегда гостинцы нужны;
Мы и съ тѣмъ, и съ этимъ дружны:
И *ма тантъ*, и *ле докторъ*,
И *Коко*, *Жано*, *ма серъ*,
Все на память тутъ приходить;
И такъ далеко заводить,
Что на первую пору
Въ кошелекѣ ужасный *тру*;
А ужъ далѣе что будетъ,
Русской думать позабудетъ.
Протранжирить, помотать,
Вотъ что Русскому подѣ стать!
Что же дѣлать? — виновата:
Я по-русски торовата;
Всѣмъ знакомымъ *де кадо*,
И себѣ *ту-се-киль-фо*
Въ Гамбургѣ я накупила.
Такъ карету погрузила,
Что *пуръ муа* и *пуръ Анетъ*,
Даже сѣсть ужъ мѣста нѣтъ.
Русская хотя извѣстна,

*Ла рыдванъ четверомѣстна;
Ваши погребъ, чемоданъ,
Сундуки, дерьеръ, деванъ,
Примуть издали за гору,
И на почтахъ не безъ спору;
Все ея тяжестину —
Поставляютъ намъ въ вину.*

*Но не кончены заботы,
Я потребовала счета
Изъ отель де Бельведеръ.
Вѣрно са сера тре шеръ;
Не условилась сначала.
Спѣсь мнѣ какъ-то помѣшала:
Здѣсь зовутъ меня контесъ
Торговаться, са м' абесъ!
Русскихъ многихъ поддѣваютъ
Только тѣмъ, что величаютъ
Иль монъ пресъ, или монъ контъ;
И тогда имъ будто гонтъ
Счета видѣть, торговаться,
И въ обманъ не отдаваться.
Какъ они, попалась я;
Но признаться, мысль моя,
Что давно насъ раскусили,
И давно ужъ сочинили
Басенку про русскихъ баръ,
Ле корбо и ле ренаръ.*

IV.

Дилижансъ.

Въ дилижансъ чтобъ сѣсть съ Анетой,
Мнѣ пришлось даборъ съ каретой
Ѣхать жюске данъ ле портъ,
А тамъ, показавъ паспортъ,
Плыть рѣкой на пароходѣ,
При ужаснѣйшей погодѣ,
Вѣтрамъ и дождю анъ бютъ.
Я сошла данъ ла каютъ :
Духота, народъ толпится;
Всякой тутъ скорѣй садится,
Такъ, что намъ ужъ мѣста нѣтъ.
Я стою авекъ Анетъ,
Про погоду разсуждаю;
Какъ доѣду я, не знаю....
И теперь болить спина,
Сгорбиться была должна
Я въ каретѣ, и немножко
Ноги выставить въ окошко,
Чтобы вещи умѣстить,
А Анету посадить
Ужъ на козлы мнѣ пришлось,
Столько клади набралось.
А откуда, Богъ вѣсть!
Хоть по пальцамъ перечестъ,
Сколько помню о багажѣ,
Я не захватила даже
Лишней вещи ни одной :

Я взяла мой сакъ ночной,
Чемоданъ, туалетъ и ларчикъ,
Да дорожный самоварчикъ,
А съ Анетой сундучекъ,
Да съ провизьей погребокъ;
Съ шляпками моя картонка,
Да въ корзинищѣ балонка,
Пять, шесть книгъ, мой сакувразъ—
Вотъ и весь мой тутъ богажъ!
Мнѣ затѣи вовсе чужды;
Но вотъ для какой-то нужды,
Вышла парочка старухъ.
Поскорѣй на мѣсто бухъ,
Побѣжали мы, и сѣли,
И спасибо, что успѣли;
Глядь, онѣ ужъ снова въ дверь,
Но не пустимъ ихъ теперь.
За мѣста готовы драться;
Только стоило добратся!

Вотъ таможня, ла дуань.
Здѣсь мой бѣдный чемоданъ
Весь разшарять, раскидаютъ,
А о томъ не разсуждаютъ,
Что немудрено измать,
Перепортить, и опять
Мнѣ укладывать прійдется.
Если такъ, оно найдется,
Что все тутъ нуръ мон-юзажъ.
Ну, не лучше ли, плю сажъ,
Если бъ ла дуань сначала,
Вояжеровъ разобрала,

Посмотрѣла бы пашпортъ,
И открыли бы *ла портъ*
Всѣмъ, кто ѣдетъ для *плезира*; —
Какъ свободный житель міра,
Не за тѣмъ, чтобъ торговать,
А чтобъ деньги проживать.
Да что *ла дуанъ* добудетъ,
Если насъ тревожить будетъ?
Можетъ быть, одинъ платокъ,
Или полотна кусокъ.
Царство тѣмъ не разорится;
А напротивъ, поживится
Тѣмъ, что въ немъ мы просоримъ.
Мы за то заговоримъ
Про его цивилизацію,
И прославимъ эту націю.
Дѣло разное, купецъ :
Ѣдетъ онъ на тотъ конецъ,
Чтобы сбыть свои товары.
Нужны зоркіе *регары*,
Чтобъ онъ соблюдалъ тарифъ,
И не сдѣлалъ бы подрывъ,
Черезъ разныя мытарства,
Индустріи государства.
Но и тутъ, опять скажу:
Я совсѣмъ недорожу
Заведеньями такими,
Что запретами одними
Могутъ только процвѣтать.
Нечего на нихъ считать;
Время измѣнить законы.
Что за страшные уроны

Должно ожидать тогда?
Да и всѣмъ отъ нихъ бѣда!
Платишь вдвое то, что хуже
И непрочно, — почему же?
Потому что далъ король
Фабрикантамъ *монополь*.
Нѣтъ, по мнѣ бѣ распорядиться,
Чтобы у себя добиться
Такъ издѣлья добывать,
Чтобы имъ соревновать
Не могли никакъ чужія,
Потому что выписныя,
И дороже ихъ, — а козѣ
Де ла друа, э дю провозъ.

Я какъ будто отгадала:
Мнѣ таможня приказала
Преучтиво, *анъ-франсе*,
Взять мои богажи всѣ,
Дескать, нѣтъ на нихъ сомнѣнья.
Лишь спросили объявленья,
Что со мной товаровъ нѣтъ,
Подходящихъ подъ запретъ.
Женсена, я отвѣчала,
И досмотра ожидала,
Но *мусье ле-капораль*
Закричалъ : *о, сет-галь!*

Я отправилась въ контору
Дилижансовъ. На ту пору
Тамъ мой вѣшали багажъ,
Чтобъ укласть *данъ л'экипажъ*.

Фунтовъ триста сорокъ восемь.
Экой вѣсъ! — покорно просимъ.
Да нельзя его намъ взять.
Ле конторщикъ сталъ ворчать:
Сказано намъ по закону,
Фунтовъ двадцать на персону.
Фунтовъ двадцать! комъ се бѣтъ!
Тяжелѣй одинъ туалетъ.
Если взять его хотите,
За излишекъ заплатите.
Заплатила такъ и быть!
Здѣсь платить все, и платить —
Было бъ чѣмъ, вся въ этомъ сила!

Къ дилижансу приступила,
Думала, что ла мельеръ
Будетъ пласъ данъ л'ентерьеръ;
Но ошиблась: гранъ-сеньёры,
Знатоки и аматёры,
Пласъ берутъ данъ ле купе.
Но онъ весь былъ окюпе;
Такъ засѣла въ шестимѣстной
Я каретѣ, очень тѣсной.
Вся она была полна:
Тутъ конторщика жена
Дилижансовъ, а тутъ рядомъ
Пивоваръ съ ужаснымъ задомъ;
Тутъ толстякъ, а тутъ скелетъ,
А тамъ въ уголкѣ Анетъ.
Межъ собою балагурятъ
Наши Нѣмцы, а не курятъ,
Слишкомъ уважая дамъ.

Но Анетинымъ ногамъ
Достается отъ скелета.
Видно хочетъ штука эта
Съ ней интригу завести.
Тьфу ты, Господи прости!
Вдругъ дохнулъ пренеучтиво
Нашъ производитель пива,
А за нимъ, вдругъ нашъ толстякъ
Подаль усыпленья знакъ,
Захрапѣлъ, какъ будто боровъ.
Устрашась сердитыхъ взоровъ,
Успокоился скелеть,
И спать залегла Анеть.
Вскорѣ я сама заснула,
Но въ плечо меня толкнула
Пивовара голова.
Хоть поѣздка дешева,
Но ужасно безпокойна;
Даже дамамъ непристойна.
Близко такъ сидятъ, — какъ знать
Ночью вдругъ не ждешь, и хватъ...
Рада буду, какъ доѣду
Въ Бременъ... Вдругъ со мной бесѣду
Заводить сталъ нашъ толстякъ;
Говорить онъ мнѣ: Никакъ
Дама русская... по минѣ?
Я на Невскомъ, въ магазинѣ,
Продаю *шапо де суа!*
Мусье Ю... рь!!... *Вуй, се муа.*
Точно, помню, Курдюкову
У него брала обнову,
Шляпу, галстухъ и жилетъ,

Часто *пуръ сонъ журъ де фетъ*.
Мы съ нимъ долго толковали,
И такъ оба приустиали,
Что заснула до утра.
Но вотъ Бременъ — и пора
Выходить намъ; городъ старой,
Съ Любекомъ онъ можетъ парой
Въ памяти моей стоять:
Постараюсь описать.

==

V.

БРЕМЕНЪ.

Бременъ, славясь стариною,
Былъ, какъ говорятъ, Ганзою
Признанъ *пуръ ла капиталъ*.
Тутъ видна еще *ла саль*,
Гдѣ Ганзейцы собирались,
Погреба, гдѣ упивались
Ихъ могущества виномъ,
И въ раздоліи хмѣльномъ
Всѣ дѣла распоряжали,
И торговлей управляли.

Въ погребахъ сохранено
Времени того вино,
И за деньги продается
Въ пользу думы; подается
Въ кабинетахъ на столахъ,

Въ тѣхъ же самыхъ погребяхъ.
Я по погребамъ ходила,
И отвѣдать попросила;
Когда жъ я его *зуте*,
Подивилась остротѣ,
Но не вкусу, у любого
Вкусу нѣту никакого.
Его разные сорта;
Замѣчательна черта :
Что двѣнадцать ихъ считаютъ,
И всѣ бочки называютъ
Именами *дезъ-апотръ*.
Они ровны, *л'енъ комъ л'отръ* :
Вкусъ изъ-сладка кисловатый,
Цвѣтъ изъ-красна желтоватый;
Но тамъ, говорятъ, всегда
Всѣхъ хмѣльнѣе *ле Жюда*.
Отъ того онъ и предатель,
Прибавляетъ продаватель,
Бургомистра временщикъ
По титулу погребщикъ.

Тутъ, гдѣ погребъ и зала,
Я съ вниманіемъ взираю
На чудесную *фасадъ* :
Вся узорчата; стоятъ
Тутъ статуи, *эскоурифы*,
И другіе *іороглифы*,
Ле-Саксонъ и *ле-Готикъ*,
И *ле-Грекъ* митоложикъ,
Чего хочешь, того спросишь,

И понятіе уносишь
Полное о ренесансѣ,
Гдѣ проснулись ле сьянсѣ,
Но такъ межъ собой смѣшались,
Что всѣмъ кашею казались.
Ла статью дю гранъ Роланъ...
Здѣсь она пуркуа, команъ?
Мнѣ растолковать не знали.
Только Нѣмцы рассказали,
Что есть въ Бременѣ патентъ,
Коимъ этотъ монументъ
Данъ ему на сохраненье;
И Имперіи повелѣнье,
Чтобъ хранить его, какъ глазъ.
И приписано въ указъ :
Если монументъ свалится,
Городъ правъ своихъ лишится;
Ужъ за то онъ сохраненъ
И рѣшеткой обнесенъ.
Сверхъ того еще есть крышка,
И прибита тутъ афишка,
Чтобъ не гадили никакъ,
И въ ней препинанья знакъ.

Кто охотникъ до сигарокъ,
Вотъ ужъ тутъ ему подарокъ;
Ихъ найдешь во всѣхъ домахъ,
Да не въ ящикахъ, въ тюкахъ,
Какъ у насъ пенька и сало.
Толку въ нихъ я знаю мало,
Говорятъ, комси комса,

Но для глазъ они краса;
Ими окна убираютъ,
И Европу наводняютъ.

Я пошла въ рабочій домъ.
Тамъ старикъ, э кель бравъ-омъ!
Одинехонекъ, съ женою,
Управляетъ всей тюрмою,
Но безъ стражи, безъ цѣпей.
Бременецъ одинъ попей,
Подерись, или съ аманомъ
Встрѣться Бременка, ратманомъ
Тотчасъ ихъ туда сведутъ
И работу зададутъ.
А старикъ ихъ критикуетъ,
И про доблесть имъ толкуетъ,
Но безъ палокъ, безъ угрозъ.

Всѣ дома иль веръ иль розъ;
Улицъ нѣтъ; все переулки;
Но за то что за прогулки
На бульварахъ! же ремаркъ,
Что вездѣ они какъ паркъ.
Во всѣхъ городахъ ганзейскихъ,
Вѣрно славныхъ полицейскихъ
Подобрали : сеть-эгаль,
Ле режимъ мюнисипаль
Только въ городѣ годится,
Но когда распространится
Въ государствѣ, се фини!
Ты оглобли поверни,
Уплетай во всѣ лопатки.

Странные еще порядки
Въ разсужденьи *де ла бурсъ*.
Надо видѣть, *а ла курсъ*
Какъ сбѣгаются по звону
Всѣ къ Меркурьеву амвону
Негоціанты и *коми*
Ровно *а миди эдми*!
Опоздаетъ кто, тотъ платитъ!
Нѣмецъ гроша не истратитъ,
Если можетъ удержать;
Лучше милю пробѣжать.

Кирка здѣсь еще замѣтна,
Но не тѣмъ, чтобы кокетна,
Нѣтъ.... кто въ ней похороненъ,
Тотъ не тлѣетъ.... обращенъ
Просто въ кожу барабана,
Иль въ пергаментъ для фирмана;
И по этому *суванъ*
На спинѣ дюнь *грандъ-маманъ*,
Бременецъ стучитъ тревогу,
Иль готовитъ домъ къ залогу
При свидѣтельствѣ попа,
На брюшкѣ дѣнь *гранъ папа*.

==

VI.

Оснабрюкъ и Мюнстеръ.

Вотъ мой Харитонъ явился,
Съ почтой долго провозился,
Все привезъ окромъ брюкъ;
Отправляюсь въ Оснабрюкъ.

Видѣть городъ интересно,
Гдѣ Европа, какъ извѣстно,
Сдѣлала *трете де не*.
Были многіе *дюне*,
Многіе земель лишились,
Многіе обогатились,
А иные короли
Тутъ загнули пароли.
Но трактатомъ симъ, Германья
Положила основанья
Всѣхъ своихъ владѣній, правъ,
Политическій уставъ.
Онъ и нынѣ, можетъ статья,
Служить поводомъ придраться,
Пошумѣть, затѣять споръ,
И нагородить *дю* вздоръ.
Знать, отъ сильного задора
Сдѣлано два договора:
Въ Оснабрюкъ былъ одинъ,
А по поводу причинъ,
Что тогда же разсудили,
Въ Мюнстерѣ другой склеили,

Оба за одно пошли :
Ле трете де Вестфали.

Что политикъ съединяетъ,
Дама то не разлучаетъ,
Такъ я Мюнстеръ, Оснабрюкъ,
Уложила въ тотъ же тюкъ.
Точно, есть въ обоихъ залы,
Гдѣ послы и генералы
Положили межъ собой
Раздѣлить весь шаръ земной,
Такъ, чтобъ каждому досталось
То, что нужно, что желалось,
И чтобы уже за симъ,
Всякъ доволенъ былъ своимъ,
И покоенъ былъ навѣки.
О, бѣдняжки человѣки!
Будто вѣчность въ ихъ рукахъ,
И созданье ихъ не прахъ....
Гдѣ ихъ дѣлась политика?
При капризахъ Людовика,
Что *Луи каторгъ* зовутъ,
Просто напросто капуть!
Онъ въ одну почти компанью
Внука королемъ въ Испанью
Самовольно посадилъ,
Рейнъ потомъ переступилъ,
Притѣснилъ потомъ Голландью,
Захватилъ потомъ Фламандью,
А Вестфальскій договоръ —
Ни въ копѣйку, — тутъ *анкоръ*
Заклучили миръ Утрехтской,

Тамъ еще трактатъ Нимвегской,
Наконецъ *Эксъ ла Шапель*,
И всегда одна же цѣль:
Вѣчный миръ, — но мы забыли,
Что про залы говорили.

Въ Оснабрюкѣ лишь столы,
Лавки, потолки, полы
Тѣхъ временъ еще остались;
Стѣны только поубрались
Всѣ портретами персонъ,
Что тогда давали тонъ.
Въ Мюнстерѣ мнѣ показали,
Что послы употребляли,
Заключая славный миръ.
Экритуары, тиремиръ,
Деньги клалъ куда виновной,
По интригѣ кто любовной,
Иль за тѣмъ, что долго спалъ,
Къ засѣданью опоздалъ.
Есть еще тамъ бердышъ длинный,
И шандаль одинъ старинный,
Разобиженный отъ мухъ,
И серебряный пѣтухъ,
Что служилъ на мѣсто кружки,
Для пословъ, въ часы пирушки,
Если ктонибудь изъ нихъ
Ловко обманулъ другихъ.
Тутъ рука еще сухая
Адвоката негодая,
Что фальшиво написалъ
Засѣданія журналъ.

Эту руку отпилили,
Да и въ ящикъ положили,
Людямъ на позоръ и въ страхъ.
Какъ подумать о рукахъ
Разныхъ многихъ дипломатовъ,
Если бы за фальшь трактатовъ
Ихъ отпиливать всегда,
Не былъ бы *шекгенсъ* тогда
Общимъ столь обыкновеньемъ,
Но подъ часъ, за неимѣньемъ,
При дворѣ посоль иной,
Просто шаркалъ бы ногой.
Въ Оснабрюкѣ у старушки,
Въ киркѣ подъ ключемъ игрушки,
Чѣмъ *Ле Шарлемань* игралъ.
Это рубленый кристалъ,
Въ родѣ бабки иль жетона.
Шарлеманева корона,
Гребень, коимъ онъ всегда
Чесывалъ *ла* борода,
Да еще его дубина.
Знали волю господина
Царедворцы тѣхъ временъ;
Всякой дѣлался уменъ,
Кто подъ палку попадался,
Утихалъ и зарекался
Свято наблюдать законъ,
Чтобъ избѣгнуть *ле батонъ*.
Въ киркѣ Мюнстера есть тоже
Рѣдкости, но не похоже:
Тамъ желѣзные висятъ
Клѣтки три, и говорятъ,

Что въ нихъ сжарены Гуситы,
Тѣхъ временъ знать Езуиты,
Аферисты, *энтриганъ*,
Сплетники, *де мове жанъ*.

Въ Мюнстерѣ и въ Оснабрюкѣ,
Упражняются ль въ наукѣ,
Не могу вамъ доложить.
Не хотѣла бы въ нихъ жить:
Не отели тамъ, харчевни,
И какъ будто двѣ деревни
Эти оба города.
Завираюсь иногда:
Въ Мюнстерѣ есть три казармы,
Есть студенты, есть жандармы,
Есть гулянье, эспланадъ,
Пять, шесть кировъ, *дезъ аркадъ*,
Гдѣ съ сосисками есть лавки,
И тесемки и булавки.
Есть большой почтовой дворъ,
И таможня есть *анкоръ*
Для въѣзжающихъ въ Германью.
Но, поклонъ образованью,
Лишь ее переступи,
И тогда спокойно спи!
Ты нигдѣ не потревоженъ;
Нѣтъ ужъ болѣе таможенъ,
Хоть раздѣль Германьи *тель*,
Что въ ней тридевятъ земель.

VII.

Колонь.

Наконецъ не безъ эласа.
Я до Рейна добралася.
Вотъ ужъ съ башнями Колонь.
Пятна, *мо де неръ* и вонь,
Намъ ужъ больше не причина :
Здѣсь вода де *Жанъ Фарина*,
Совершенный *спесификъ*.
Жанъ Фарина *л'омъ юникъ*,
Какъ повсюду утверждаютъ,
А и здѣсь ужъ ихъ считаютъ,
Какъ я слышу, сорокъ пять!
И никакъ нельзя узнать,
Кто изъ нихъ *ле веритабель*;
Все равно, *се тутъ-энъ дьябель*,
И по мнѣ, пускай, нетронь :
Тѣмъ дешевле *лодколонь*.

Вотъ *ле-Домъ*, большое зданье,
И вокругъ него гулянье.
Это кирка древнихъ *лѣтъ*;
Стѣны всѣ какъ *петинеть*,
Или кружево въ узорахъ.
Первая она во взорахъ,
Какъ къ Колони *подѣзжать*.

Только надобно сказать,
Что додѣлать не успѣли,
Или лучше не съумѣли,
И надстроили кой-какъ —
На нее простой колпакъ.
Какъ разительно различье!
Здѣсь всей древности величье,
Тутъ *ла поврете нувель*.
Но какъ въ башнѣ *де Бабель*
Было языковъ смѣшенье,
Разныхъ случаевъ стеченье,
Революцья, Бонапартъ —
Сдѣлалъ въ ней свой кордегардъ,
И конюшню для лошадокъ.
Этимъ онъ мнѣ очень гадокъ,
Но великъ онъ *мамре са*,
Натворилъ онъ чудеса
И въ Египтѣ, и въ Итали!
И законы, и батальи
Ему сдѣлали *ренонъ*.
Вивъ ле фё Наполеонъ!
Но про кирку разговоры:
Въ ней большой органъ и хоры,
А ужъ окна *манификъ*!
Точно *ла лантернъ мажикъ*;
Всѣ расписаны чудесно!
Какъ въ огнѣ горять, прелестно!
Весь изъ Библии сюжетъ;
Тутъ *ла Сентъ-Элизабетъ*,
Тутъ вертепъ, тутъ убіенье
Дезъ-анфанъ, тутъ вознесенье,
Также есть *ла политикъ* :

Какъ *ле Шарлеманъ* великъ
На великолѣпномъ тронѣ,
Въ мантиѣ, въ латахъ и коронѣ,
Онъ и важенъ, и пригожъ;
А вокругъ гербы вельможъ,
Что его сопровождали,
И принцессы, дѣвы, крали,
Украшенья *де са куръ*
Тутъ *дезъ-анжъ* и *дезъ-амуръ*.
Славно! — но еще здѣсь чудо:
Посмотрѣть бы вамъ не худо,
Мнѣ сказалъ мой проводникъ,
Нѣмецъ, пономарь-старикъ.
Тутъ за алтаремъ въ чуланѣ,
Въ золотомъ большомъ экранѣ,
Головы царей волхвовъ.
Поняла изъ многихъ словъ,
Что сказалъ мой провожатой,
Что Людовикъ *ле девятой*
Ихъ Колони даровалъ.
Гдѣ и какъ онъ ихъ досталъ,
По Исторіи не видно,
Но сомнѣніе обидно!
Я въ гостяхъ и замолчу.
Только я взяла свѣчу,
Разсмотрѣть жемчугъ, алмазы,
Изумруды и топазы,
Что въ экранѣ иль въ ракъ
Сдѣланы, и аплике.
Тутъ еще мнѣ показали
Сакристи, гдѣ понабрали
Кучу рѣдкостей, коронъ,

Дезъ эне и де батонъ.
Всѣ въ алмазахъ, въ филограмѣ,
И еще въ чудесной рамѣ
Маленькіе барельефъ.

Тутъ, кусочекъ хлѣбца съѣвъ,
Я пошла смотрѣть другую
Кирку, право пресмѣшную.
Въ ней собраніе костей,
Онъ-милъ вѣржевъ. Ихъ злодѣй
Готъ, Вандалъ или Норманецъ,
Пьяница, народъ изъ пьяницъ,
Перерѣзалъ, перебилъ,
Лишь за то, что не склонилъ
Ихъ на бракосочетанье,
Какъ гласить о томъ преданье.
Странный встрѣтили скрюплю
Онъ милъ вѣржъ, и Сентъ Юрсюль!
Мужъ пьянюшка, что жъ такое?
Съ нимъ вольнѣй и легче вдвое;
Забурлить онъ, отойдешь,
Послѣ все жъ свое возьмешь!!
Мужъ язычникъ и безъ вѣры?
Не бѣда и то, — примѣры
Есть такіе, что женой
Такъ направленъ мужъ иной,
Что всему готовъ повѣрить:
Стоитъ только поманерить.
Вотъ мой Курдюковъ и самъ
Вѣрилъ всѣмъ моимъ словамъ.
Готы такъ же бѣ покорились,
Всѣ бѣ навѣрно окрестились,

Новыхъ было бы онѣхъ миль
Православныхъ данѣхъ ла-виль.

Еще кирку посѣтили
Мы, гдѣ Рубенса крестили.
Рубенсъ очень былъ уменъ;
Все писалъ онъ толстыхъ женъ.
Честъ за то ему и слава!
Я сама не худощава,
А по части де красотъ,
Всякъ стоитъ за свой приходъ.
И на толстыхъ всюду мода,
Но всегда, вездѣ природа
Водитъ Рубенса рукой.
Колоритъ его какой,
И какое выраженъе!
Здѣсь *табло* Петра мученъе :
Онъ въ Парижъ былъ увезенъ,
Но при мирѣ возвращенъ.
Все поэзія въ картинѣ;
Жизнь передана холстинѣ,
Точно вылиты въ словахъ
И уныніе, и страхъ,
Фанатисмъ, остервененъе,
И небесное терпѣнъе.
Провидѣнія рука
Подкрѣпляетъ старика.
Въ немъ все дольное страдаетъ,
Но лице его сіяетъ
Вѣрой свѣтлой и живой;
Онъ ужъ будто не земной;
Онъ пріялъ вѣнецъ мученъя,

И завѣса ослѣпленья
Будто сдернулась съ очей
У толпы, у палачей.
Всѣ недвижны, всѣ робѣютъ,
Передъ нимъ благоговѣютъ.
Кажется, что вѣры лучъ
Къ нимъ проникнулъ изъ-за тучъ!
Но я, дура, заглядѣлась
На картину будто въѣлась,
И забыла, что ужъ вотъ
Время *де ла табель дотъ*.
Поскорѣй бѣгомъ къ трактиру.

Но мнѣ Рубенса квартиру
Показалъ мой проводникъ;
Мусье Жанъ ле доместикъ.
На воротахъ по портрету
Узнаютъ квартиру эту.
Ла Мари де Медисисъ
Бѣдныхъ бюргеровъ *ле фисъ*
Невзначай здѣсь отыскала,
Ко двору *де Франсъ* призвала
И его открыла даръ!
Но каковъ же *ле газаръ*?
Завелась, пошла интрига,
Ганри катръ убить, и лига
Усмирилась, но Мари
Выгнали *горъ де Пари!*
И блестѣвшая на тронѣ,
Какъ изгнанница въ Колонѣ;
Ту, кѣмъ славу получилъ,

Самъ же Рубенсъ пріютилъ;
У него она скончалась. —

Но опять я заболталсь:
Видно, не обѣдать мнѣ!
Хоть подумаю о снѣ,
И соснуть-то какъ, не знаю!
Смерть боюсь, что опоздаю.
Завтра ровно, а сизъ-ѣръ,
Здѣсь уходитъ ла ваперъ.
Надо погрузить карету,
Надо разбудить Анету,
Выпить надобно ле те;
Ну, бѣда де ту коте!

VIII.

Рейнъ.

Слава Богу, мы успѣли,
И поспали, и поѣли.
Первый лишь услыша звонъ,
Завозился Харитонъ;
Колымага нагрузилась,
Я со всѣми расплатилась,
Задымился пароходъ,
Отправляемся въ походъ.
Вотъ стремится величавой
Рейнъ, давно гремѣщій славой!
Кто его не проходилъ?

Кто его вина не пилъ?
Рейнъ между рѣками знатной,
Онъ всѣхъ болѣе пріятной.
Назоветъ кто только Рейнъ,
Тотъ всегда прибавитъ *вейнъ*;
Такова уже привычка.

Слушайте, вотъ перекличка
Пассажировъ. Это лордъ,
Англичанинъ, старый чортъ,
Разъѣзжаетъ ради скуки;
У него въ карманахъ руки,
Планшевый сюртукъ, — жилетъ
Полосатой и лорнетъ. —
Это Нѣмцы, знать изъ Бона,
Два профессора закона.
Тутъ студентовъ пять иль шесть.
Мудрено ихъ перечестъ :
Все впередъ и взадъ гуляютъ;
Волоса ихъ отличаютъ,
Какъ у нашихъ мужиковъ,
И покрой ихъ сюртуковъ
Въ родѣ куртокъ, а фуражки —
Полоскательныя чашки,
На одинъ у всѣхъ манеръ,
Крошечныя *анг-дра-веръ*.
Это англійская миса,
Прежеманная; — актриса
Тутъ нѣмецкая сидитъ;
Съ ней Французикъ говоритъ
Прямо изъ Пале-рояля.
Пестрый, сдѣланный изъ шала,

Щегольской на немъ жилетъ,
Узкій, точно какъ корсетъ;
Шаровары пребольшіе,
Полосатые, сшивные,
Бархатный сюртукъ, усы,
И съ цѣпочкою часы.
Тутъ старикъ съ женой и съ дочкой;
Тутъ, одѣтые сорочкой,
Или блузой, два *коми*,
Первые *де мез-ами*,
Преготовые къ услугѣ.
Говорятъ мнѣ, и въ Калугѣ
Ихъ товары получу,
Если лолько захочу,
А товаръ *ингамъ*, батисты.
Тутъ безъ галстуховъ артисты,
Этотъ, *энъ неизажистъ*,
Этотъ *энъ віолончелистъ*.
Тутъ двѣ дамы съ офицеромъ,
Тутъ фамилія съ курьеромъ,
Задаеть ужасный тонъ!

Въ сторонѣ здѣсь городъ Бонъ;
Городъ маленькій и тѣсный,
Университетъ извѣстный
Здѣсь устроенъ, и при немъ
Тутъ же сумашедшихъ домъ,
Се тре бьенъ... по мнѣ, наука
Преопаснѣйшая штука!
Забредешь въ ея пути,
Мудрено ль съ ума сойти?
Согласить прошу системы,

Афоризмы, теоремы,
Весь наборъ кудрявыхъ словъ.
De mesée de philosoph.
Солнце, пишетъ тотъ, вертится
Вкругъ земли, и не ложится,
А другой стоитъ на томъ,
Что вкругъ солнца мы идемъ,
И не замѣчаемъ сами,
Какъ стоимъ мы вверхъ ногами,
Каждый въ срокъ и въ череду
Мѣсяца два-три въ году,
По сигналамъ Зодіака.
Коперникъ на то собака,
Но уменъ и Птоломей!
Ужъ какъ знаешь, разумѣй!
Если перейти къ исторіи,
И въ ней разныя теоріи:
Римскій славный былъ народъ,
Говоритъ Лабѣ Миллотъ.
Нибуръ говоритъ — ни мало:
Римлянъ вовсе не бывало!
Даже въ томъ согласья нѣтъ,
Сотворенъ когда былъ свѣтъ,
Прежде ли сожженья Трои,
Или послѣ, и герои,
Что мусье Гомеръ шанте,
Экзисте, не экзисте,
Онъ не се на, и про Гомера
Говорятъ, что онъ химера,
Никогда и не бывалъ.
Иліаду кто жъ писалъ?
Въ философіи замѣтимъ,

Что за перекоры встрѣтимъ
О врожденности идей!
У малютокъ, у дѣтей,
У ребенка въ колыбели,
Мысли дескать ужъ созрѣли;
Онъ ихъ въ свѣтъ съ собой несетъ.
Онъ кормилицу сосетъ,
А ужъ вѣдаетъ, бѣдняжка,
Что песочница не чашка,
Что подсвѣчникъ не фонарь,
И что попъ не понамарь.
Для чего же воспитанье,
Для чего? Ну, для узнанья,
Ошибается ли онъ.

Вотъ проѣхали мы Бонъ.
Городъ Кобленцъ недалеко.
Здѣсь поставленъ преввысоко
Ле фортъ Эренбрейтенштейнъ.
Къ чему служить... *нихтъ ферштейнъ!*
Говорятъ : онъ *энпренабель.*
Но не нуженъ онъ, *ке дьябель!*
Непріятель не возьметъ,
Чтожъ такое? Обойдетъ,
И остался благодѣтель,
Какъ сова въ гнѣздѣ, свидѣтель
Всей отваги боевой,
Матушку хоть рѣпку пой.

Въ Кобленцѣ большія зданья,
Но достойна замѣчанья,
Ла фонтенъ, что соорудилъ

Здѣсь префектъ, и посвятилъ
Въ честь французскаго похода
И двѣнадцатаго года.
Комендантъ рюсъ экриве :
Вю паръ нузъ э апруве!

Тутъ все горы близъ Нейвида.
Въ восхищеніи отъ вида,
Пассажиры, какъ въ хмѣли,
Ввѣ кричатъ : *комъ се жоли!*
Комъ се бо! А что такое?
Горы лишь, не что иное.
Посмотрѣли бы у насъ,
Ле Уралъ и ле Кавказъ.
Свѣтъ мнѣ право непонятенъ!
Отъ чего всѣмъ такъ пріятенъ
Видъ крутыхъ, скалистыхъ горъ
И руиновъ? — Это вздоръ :
Лучше всякой мнѣ руины
Просто риги и овины;
Въ нихъ по крайней мѣрѣ прокъ :
А де рюинъ муа же-манъ-мокъ.
Домъ безъ крыши, безъ окошекъ,
Годенъ только что для кошекъ,
Иль для крысъ, не для людей.
И какой же дуралей
Ихъ хозяинъ — такъ высоко,
Что едва завидитъ око,
Ихъ построилъ и къ чему?
Чтобъ не ѣздили къ нему,
Чтобъ его не навѣщали.

Какъ медвѣди знать живали
Рыцари *де танзъ-антикъ*;
А для ихъ для *доместикъ*
Каково было спускаться
Къ Рейну за водой?... Признаться,
Какъ ни говори *ла фуль*,
Тре жолі и бьюті-фуль,
Не согласна я... Конечно,
Я сама люблю сердечно
Ле лежанды, ле балладъ,
Пѣтыя на старой ладъ,
Встарину какъ здѣсь любили,
Какъ амурились, какъ жили
Рыцари и *ле контесъ*,
И волшебникъ лысой бѣсъ,,
И красавицы младыя,
И разбойники лихіе.

Здѣсь два брата встарину
Полюбили разъ одну
Прекрасивую принцессу,
Но, не внемля интересу,
Положили межъ собой,
Дѣло то рѣшить войной,
И поѣхать въ Палестину,
Испытать свою судьбину.
Первой, Турку кто убьетъ,
Тотъ принцессу и возметъ.
Такъ и сдѣлали; возились
Года два, и воротились;
Но увы, мамзель принцесъ
Кто-то между тѣмъ увезъ.

Не догнали супостата.
Два воюющіе брата
Возвратились и въ слезахъ,
Замка два на двухъ горахъ
Тутъ построили и жили;
Замки же соорудили
На готическій манеръ,
И зовутъ ихъ *ле де фреръ*.

Дальше, красная дѣвица,
Черноброва, круглолица,
Снѣга бѣлаго бѣлѣй
И красивѣе, милѣй
Всѣхъ дѣвицъ Бахчисарая,
Словомъ, будто дѣва рая,
Цѣлый край одна спасла
Отъ ужаснѣйшаго зла.
Былъ драконъ лихой, свирѣпой,
Сходный яростью съ Мазепой,
Всюду страхъ распространялъ,
Рвалъ и рѣзалъ и терзалъ!
Люди плакали, тужили,
И совѣтомъ положили,
Чтобъ дракона утолить,
Въ жертву дѣву посвятить,
Дѣву съ чистою душою,
И красивую собою.
Жребій палъ какъ будто въ цѣль
На крещеную мамзель;
А народъ былъ некрещеный;
Грубый, пьяный, неученый,
Готъ проклятый иль Вандалъ,

Чести вовсе онъ не зналъ.
Дѣву бѣдненькую взяли
И къ осинѣ привязали,
На томъ мѣстѣ, гдѣ драконъ
Выбралъ для себя притонъ.
Мясо свѣжее услышалъ
Ле драгонъ, и тотчасъ вышелъ,
И свою разинулъ пасть.
Чуя грозную напасть,
Дѣва Богу помолилась,
И крестомъ пріосѣнилась.
Сталъ какъ вкопанный драконъ,
И отвѣся ей поклонъ,
Съ трескомъ такъ какъ змѣй гремучій,
Побѣжалъ онъ въ лѣсъ дремучій,
И исчезъ въ пучинѣ водъ.
Изумился весь народъ,
Дѣвъ въ поясъ поклонился,
Въ ту жъ минуту окрестился,
И построилъ замокъ тутъ :
Драхенфельсъ его зовутъ.

Дальше рейнская русалка,
Преплутовка, пренахалка,
По прозванію Лурлей,
На погибель кораблей
Пѣсни дивныя пѣвала,
Взгляды страстные кидала
Изъ подлобья на пловцовъ,
На лоцмановъ, на гребцовъ.
Всѣ заглядывались, млѣли,
Править больше не умѣли,

И корабль ихъ погибалъ
Межъ пучинъ и дикихъ скалъ;
Тутъ къ нимъ Лурлей приплывала,
Тормошила, щекотала
Ихъ до смерти, и тогда
Поглощала ихъ вода.
Шелъ кто даже и горою,
Ранней, поздней ли порою,
Если Лурлей запоетъ,
Уже далѣе нейдетъ :
Остановится смущенный,
Заколдованный, влюбленный,
Внизъ бѣжить, и *тутъ-аку*
Прямо бухнется въ рѣку.
Лурлей тутъ его щекочетъ,
Рѣзвится, поетъ, хохочетъ,
Пока жизни не лишитъ.
Вотъ что повѣсть говорить :
Даже войска посылались
Взять ее, но всѣ влюблялись,
Ле солда, ле капитенъ,
Всѣ къ ней отдавались въ плѣнъ
И на вѣки пропадали.
Но секретъ ея узнали :
Колдуномъ-отцемъ ей данъ
Былъ какой-то талисманъ,
Просто, бусы изъ корала.
Ими всѣхъ она плѣняла,
Но какой-то наконецъ,
Рыцарь, воинъ-молодецъ,
Побѣдитель Мусульмана,
Самъ привезъ два талисмана,

Противъ козней злыхъ; съ однимъ
Становился невидимъ,
А съ другимъ онъ не влюблялся
Никогда, и дознавался
Всѣхъ секретовъ отъ красотъ.
Видитъ Лурлею, и вотъ
Въ ту жъ минуту догадался:
Къ ней тихонько подобрался,
Ожерелье онъ сорвалъ,
Бусы въ волны раскидалъ.
Лурлей въ тотъ же мигъ пропала,
Но остался у корала
Отзывъ здѣсь на каждый звукъ.
Въ академію наукъ
Сообщить такое чудо,
Право, было бы не худо.
Здѣсь рѣка, какъ точно *лакъ*:
Подаютъ съ *ванера* знакъ
Иль трубой, иль пистолетомъ,
И коралль сей часъ отвѣтомъ,
Изъ воды встрѣчаетъ насъ,
Пять, иль шесть, иль восемь разъ.

Тутъ плывемъ между горами.
Вдругъ мы видимъ межъ волнами
Башню. Это *Мейзе-турмъ*.
Мыши взяли здѣсь на штурмъ
Монсиньора прескупаго,
Пребогатаго, презлаго,
Деньги онъ и хлѣбъ копилъ,
Голодомъ народъ морилъ.
Люди жаловаться стали;

Онъ ихъ сжегъ, чтобъ замолчали.
А Богъ допустилъ мышей
Съѣсть эвека до ушей.
По дѣломъ конецъ таковской!
Монъ ами, мусье Жуковской,
Написалъ про то балладъ,
Слышу я, к'иль э малладъ.
Для здоровья бѣ не мѣшало
Погулять ему хоть мало.
Здѣсь межъ горъ и межъ руинъ,
Онъ набрался бѣ, ж'имажинъ,
Много новыхъ *эспирацій*.
Слава онъ для нашей нацы!
Нужно и побаловать,
Но лѣниться не давать :
Пусть гуляетъ онъ и пишетъ.
Всякой съ радостью услышитъ;
Ужъ не то, что мой рассказъ.
Я лоханка, а онъ тазъ.

Берега здѣсь измѣнились :
Виноградники явились,
Гдѣ *ле бонъ* рейнъ-вейнъ растеть.
И чѣмъ далѣе впередъ,
Тѣмъ красивѣй положенья.
Всюду города, селенья,
Пристаетъ къ нимъ *ла ваперъ*.
Входитъ новой вояжеръ,
Иль выходитъ изъ машины.
Рейнъ тутъ горы и руины
И суровость всю отвергъ.
Вола ле Иоганисбергъ!

Этимъ замкомъ политика
Надѣлила Метерниха.
Русской князь и генералъ
Этотъ замокъ отказалъ :
Русскимъ дорога лишь слава;
Но нѣмецкая держава
Отръ шозъ : дю солидъ
Подавай; кто посулитъ,
Все охотно принимаетъ...
Далѣе, нашъ глазъ встрѣчаетъ
Маркебрунъ и Рюдестеймъ.
Эта башня Гидельстеймъ,
Гдѣ ле *Шарлеманъ* родился,
Умеръ, жилъ или женился;
Жен'сеп здѣсь въ *Гиде* штрихъ.
Этотъ замокъ Биберихъ.
Герцогъ тутъ живетъ Нассауской.
Точно какъ въ Москвѣ Петровской,
Свѣтлорозовый дворецъ...
Принцъ Нассауской молодецъ;
Вина у него и воды,
Все текучіе доходы.
По причинѣ винъ и бань,
Каждый принцу платитъ дань,
Или до пьяна пируя,
Иль лечась отъ почечуя.
Вотъ является Маянсъ,
Колыбель *де ла сіянсъ*,
Титуль тѣмъ ему пристойной,
Что здѣсь Гутенбергъ покойной
Изобрѣлъ *эмпримери*.
Посудите, *же ву при*,

Каково его открытье!
Что за страшное развитие
И познаній, и идей!
Ужъ теперь среди людей
Нѣтъ секретовъ; не возможно
Слова молвить осторожно,
Щошутить хоть глазъ на глазъ,
Сюръ ле контъ людскихъ проказъ.
Полетить, какъ окриленной,
Твой *бон-мо* по всей вселенной;
И теперь никто не бѣтъ:
Прочитаетъ *ла газетъ*,
И толкуетъ, судить, рядить,
Въ короли того посадить,
У того отниметъ тронъ.
Оконель и Веллингтонъ,
Оппозиціи и власти
Имъ разобраны на части.
То ли дѣло въ старину?
Всякой зналъ свою струну;
Сапоги точалъ сапожникъ,
Пироги пекалъ пирожникъ,
Не заботясь о другихъ.
Между тѣмъ *Виргильевъ* стихъ,
Оды славныя *Горацья*,
Сенъ-Бернарда медитацья,
Сохранялись *паръ экри*;
Регарде ле манюскри.
Дорого ихъ продавали;
Знатные за то читали,
А не всякой ротозѣй.
Въ *Маинцѣ* есть *энъ мюзей*;

Рѣдкости въ немъ не велики,
Только римскія антики,
Потому что искони
Здѣсь была ихъ колони.
Маинцъ городъ неопрятный;
Только видъ весьма пріятный
Съ колокольни. Онъ же ка
Также дезъ окорока,
Что здѣсь въ Маинцѣ коптятся.
По обычью здѣсь садятся
Вояжеры въ парходъ,
Рейнскій дѣлая походъ.
Я, напротивъ, здѣсь слѣзаю,
Рейнъ роскошный оставляю,
Къ Франкфурту направляю путь.
Любопытно мнѣ взглянуть
На германскую діету;
Поучиться этикету,
И въ чужбинѣ, же л'аву,
Видѣть Русскихъ рандеву.

—

IX.

ФРАНКФУРТЪ.

—

Первой станціей считаютъ
Наши Франкфуртъ, какъ бываютъ
За границей, и всегда
Всѣ собираются туда

Посмотрѣть, попріодѣться,
Межъ людьми понатереться,
А оттудова, глядишь,
Отправляются въ Парижъ,
Или въ Римъ, или въ Висбаденъ.

Русской право мнѣ досаденъ :
Онъ ловчѣй, виднѣе всѣхъ,
А стремится, какъ на смѣхъ,
Походить на иностранца,
На Француза, Итальянца,
Англичанина *сюрту*;
Въ томъ находитъ красоту.
Очень часто я видала,
Тихій, скромненькій сначала,
Какъ побудетъ а *Франкфортъ*,
Ужъ не братъ ему и чортъ.
Точно будто не здорово
Вымолвить по-русски слово :
Же ве, дескать, волтиже
Годикъ сюръ лезъ-этранже.
Же не вѣ па, же нире па,
Же не манжъ па де ла рѣпа,
Этсетра.... Здѣсь аристархъ
Для всѣхъ Русскихъ *мусье Зархъ.*
Всѣ къ нему, какъ бы къ пастору,
На счетъ дѣлъ, покупокъ, спору.
Онъ все ладить, все мирить,
Преучтиво говоритъ,
Но за то ужъ какъ онъ лупитъ
Нашихъ, ежели что купить,
Иль достанетъ а *креди!*

Это Русскихъ *малади* :
На мѣлокъ все покупають,
А расплату отлагають
До послѣдняго *каръ дѣръ*.
Ле трактирщикъ живо деръ
Радъ радехонекъ : онъ знаетъ,
При отѣздѣ какъ считаетъ
Русскій, вѣчно въ торопяхъ;
Раскричится такъ, что страхъ!
Бьетъ и стулья, и скамейки,
Но заплатитъ до копѣйки,
Какъ бы ни былъ писанъ счетъ.
Постильонъ готовъ и ждетъ;
Ваши ящики таскають,
Шумъ, возня, собаки лають,
И притомъ же *лез-ами*
Провожаютъ. Чортъ возьми!
Какъ башкѣ не закружиться?
Гдѣ тутъ съ счетами возиться?
Поскорѣе въ экипажъ,
Заплатилъ, и *бонъ вояжъ*!

Городъ Франкфуртъ акуратной,
Какъ съ иглочки, пріятной;
Изъ всѣхъ улицъ *ла плю бель*
Безъ сомнѣнья, *се ла Цейль*.
Все отели щегольскія,
Точно, какъ дворцы большіе,
Все въ колоннахъ, *анъ гранитъ*.
У воротъ швейцаръ стоитъ,
Лонъ-лакеевъ батальоны,
Экипажи и гарсоны,

Какъ амурѣ въ завиткахъ,
Суется въ попухахъ.
Для тебя готовы рваться....
Какъ тутъ дури не набраться?
И не замечать порой,
Что ты чортъ знать, кто такой.

Съ этой мыслью въ магазины
Ты идешь: вездѣ витрины,
Бронзы, золото, хрусталь,
Де холстинки, э де шаль.
Какъ же тутъ не раззориться?
Русскій любитъ заводиться
И безъ нужды, про запасъ.
Слабость такова у насъ.
Особливо, какъ повѣрятъ
Санзъ-аржанъ, сей часъ отмѣрятъ.
Всѣ товары и въ отель
Отошлютъ се багатель.
Всякой разъ спрямится шея,
Какъ ты кликнешь лопъ-лакея
Скажешь: *фетъ пейе лотесъ*,
А онъ скажетъ: *вуй, пренсесъ!*

Но чтобы узнать діету,
Я взяла даборъ карету,
И поѣхала бьенъ витъ
Всѣмъ тузамъ отдать визитъ.
Прекрасивые салоны!
Задаютъ такіе тоны

*Ле банкиры, ле маршанъ,
Что ей Богу, се шарманъ,
Ты подумаешь, что графы!!..
Деньгами полны ихъ шкафы,
А въ Франкфуртѣ ла ноблесъ
Состоитъ данъ лезъ-эспесъ.*

*Позвали меня обѣдать
Де банкье, чтобы отвѣдать
Дескать гюръ де сангле.
Мнѣ достался въ кавалье
Саксенъ-Веймарскій посланникъ.
Туръ де Таксиса племянникъ,
Подалъ прежде руку мнѣ,
Но къ почтмейстерской женѣ
По хозяйской резолюции,
Перешелъ; здѣсь — эволюции
Важныя, чтобы свести,
Съ кѣмъ кому за столъ итти.
Преужасныя заботы!
Политическія ноты,
Если сдѣлаешь эрёръ
Въ этомъ, ма пароль д'онёръ!
Ла хозяйка съ президентомъ,
А тутъ съ каждымъ резидентомъ
Гости всѣ по старшинству.
Я боялась, же л'аву:
Я седьмого только класса,
Но здѣсь чести дождалася,
Мнѣ хозяйка полиманъ
Молвила : насе деванъ!
На счетъ мѣстъ опять разборъ :*

Часто сводятъ разговоры
Межъ собой такіе два,
Что другъ другу бы едва
Поклониться захотѣли,
Если бѣ рядомъ не сидѣли.
Сет'эгалъ, аранже ву,
А сиди по старшинству.

Блюдь такая безконечность,
Что *дине* похожъ на вѣчность;
Хочешь ты, не хочешь, ѣшь,
Тѣмъ хозяина потѣшь.
Онъ о томъ лишь и толкуетъ;
Черезъ силу въ горло суетъ,
И еще должно *гуте*
Всѣхъ рейнвейновъ *калите*.
Ужъ отъ перваго сервиса,
Ты раздуешься какъ крыса,
А ихъ два еще грозятъ,
И десертъ. — Сидятъ, сидятъ,
До упада, и не знаютъ,
Говорить ужъ что, — зѣваютъ.
Разъ съ десятокъ, *дѣѣ мерси* :
Вы давно ли изъ *Рюси*?
Чай, тамъ холодно зимою?
Говорящіе со мною,
Повторили мнѣ. *О, нонъ,*
Отвѣчала я, *пардонъ!*
Чай у васъ есть *де* медвѣди?
Де бобры? — Мои сосѣди —
Еще сдѣлали вопросъ :
Я сказала — *вуй, тре бо-сѣ.*

Вотъ изъ-за стола выходимъ,
Группами въ гостинной бродимъ;
Подаютъ намъ дю кафе.
Я была такъ эшофе,
Въ головѣ такъ разшумѣлось,
Что домой мнѣ захотѣлось.
Выхожу анъ тапинуа,
Но хозяйка дерьеръ муа
Двухъ посланницъ провожаетъ,
Вдругъ меня имъ представляетъ,
Я раскниксилася тутъ;
Обѣ на вечеръ зовутъ.
Поклонясь, я согласилась,
Здѣсь все видѣть я рѣшилась;
Хоть устала, мочи нѣтъ,
А хочу узнать діетъ!

Ночь я плохо почивала,
А поутру услыхала
Шумъ, тревогу, барабанъ;
Пріодѣлась, пронтеманъ
Вышла, вижу по всей Цейли
Группами стоятъ артели,
Де солда, де милитеръ,
Въ длинныхъ фракахъ, ан-дра веръ,
Съ красными воротниками,
Въ киверахъ и съ тесаками.
Ближе къ нимъ я подхожу,
И кого же нахожу?
Мосье Брюля, мосье Креде,
И банкира, въ чьей бесѣдѣ
Я обѣдала вчера.

Что такое?... иль пора
Вновь настала, гдѣ Беллона
Шпорила Наполеона?
Иль народъ бурлитъ, черту
Перейдя? Нѣтъ, *на дю ту* :
Просто Лейпцига сраженья,
Франкфурта освобожденья
Славятъ здѣсь *аниверсеръ*.
Подъѣзжаетъ офицеръ,
Что-то крикнулъ по-нѣмецки,
И въ минуту, молодецки,
Стали *ле мосьё маршанъ*
Строиться *анъ режиманъ*,
И пошли по-дивизионно,
Чинно, браво, церемонно.
Я за ними поплелась,
Жюска Рёмеръ; это *пласъ*
Здѣсь важнѣйшій и старинной,
Не квадратной онъ, не длинной,
Строенъ весь *анъ стиль готикъ*,
И тутъ *ле пале антикъ*,
Герцоги куда съѣзжались,
Въ *ампереры* выбирались.
Теперь нѣтъ ихъ; безъ вѣнца
Командиры, три купца,
Просто въ шляпѣ треугольной,
И съ фигурой предовольной.
Ихъ доспѣхи : *энъ фракъ нуаръ*,
Энъ жабо и *энъ мушуаръ*,
И манжеты, и манишки,
И атласныя штанишки,
Э де букль, *э де сулье*,

И шпаженка *ан-асье*,
Коей, сколько можно видѣть,
Даже мухи не обидѣть.
Ужъ совсѣмъ не *милитеръ*.
Ме се не па лѣръ аферъ.
Передъ ними маршируютъ
Ле сольда и солютуютъ,
Артилерья *а сонъ постъ*
Авекъ де шево де постъ.
Они войско провожаютъ,
Всѣмъ знаменамъ присѣдаютъ,
Улыбаясь о *драпо*,
Вкругъ себя *водя шапо*,
Какъ вожу, сказать примѣрно,
И кокетно, и манерно
Опахаломъ я моимъ
Передъ щеголемъ инымъ,
И конецъ всего парада.

Я, признаться, очень рада,
Мнѣ пора *ме препаре*
На посольской *суаре*,
И поговорить съ Анетой.
Хочется мнѣ быть одѣтой
Какъ возможно *манификъ*,
Суаре дипломатикъ.

Отличилась Анета:
Я прекрасно разодѣта,
Жемчуги и *де каро*,
Э *ма робъ а гранъ каро*,
Черной блондою обшита,

Дезъ-аграфъ изъ малахита,
Башмаки *кулёръ сафранъ*,
Э де букльз'а ланфанъ,
А надъ ними *діадима*,
Съ мозаикою изъ Рима,
И вуаль *анъ петинетъ*,
А въ рукѣ большой букетъ.

Я вошла; уже въ передней
Мнѣ *афронтъ* былъ не послѣдній;
Закричалъ лакей *кошонъ* :
Ла Контессъ де Корнишонъ!...
Курдюковъ, я подхватила
Въ тотъ же мигъ, но разсмѣшила
Только тѣмъ гостей сама.
Въ изступленьѣ, безъ ума
Въ залу первую вбѣжала;
Старичишку генерала
Чуть я не столкнула съ ногъ,
Но переступя порогъ,
Я назадъ ужъ не глядѣла,
Какъ шальная долетѣла
До салона : тамъ сидятъ
Дамы всѣ въ кружокъ, молчатъ,
И въ платокъ подъ часъ зѣваютъ.
Кавалеры въ вистъ играютъ;
Если жъ кто нибудь изъ нихъ
Къ дамѣ подойдетъ, то въ мигъ
Слово молвить и отскочить.
Дать онъ повода не хочетъ
Злымъ намѣкамъ и рѣчамъ.
Есть *сюрту* одна мадамъ,

Цѣлый Франкфуртъ это знаетъ,
Критикуетъ все, ругаетъ,
Устремилась мнѣ во слѣдъ,
Мой смотрѣла туалетъ,
Блонды, букли осудила,
Просто же совсѣмъ забыла,
Что сама такъ хороша,
Что не стоитъ ни гроша.
Подаютъ намъ лимонаду,
О сюкре, гато, оржату,
И холодный слабый чай.
Будетъ энъ супе, я чай? ..
Нѣтъ, о немъ и не мечтаютъ.
Гости всѣ вдругъ уѣзжаютъ,
Ровно а дизъ еръ э дми;
А каретѣ, прахъ возьми,
Я въ двѣнадцать быть велѣла.
Хорошо же я засѣла!
Ужъ хозяйка чуть не спитъ,
Сквозь зѣвоту говоритъ,
А сама все смотреть въ двери:
Не пора ли де тетерѣ
На гнѣздо, — какъ вдругъ одинъ
Преучтивый господинъ
Изъ бѣды меня избавилъ,
И отъѣхать предоставилъ
Мнѣ свой ле кабріолетъ.
Ну, узнала я діетъ!
Въ гости не поѣду больше,
Какъ же быть? Другой посольшѣ
Слово я еще дала,
Не могу манке села,

А то скажутъ, что *контесы*
Русскія, безъ *политесы*.
Для нихъ же *ме сакрифи*,
А ужъ послѣ, *са сюфи*.

Поутру взяла я ванну,
И пошла смотрѣть *Арьянну*,
Что у *Бетмана* въ саду.
Комъ се бо, э комъ се ду!
Этотъ *мраморъ*, эти *плечи*,
Эта *грудь*, нѣтъ только *рѣчи* —
У *статуи*, чтобъ *иной*
Не *почелъ* ее *живой*!
Что за *станъ* за *горделивой*,
Гибкой, *ловкой* и *красивой*!
Что за *ножка*, за *спина*!
Что за.... ну вотъ тебѣ на,
Я *совсѣмъ* почти *забылась*.
И какъ *кавалеръ* *влюбилась*.
Я *мадамъ*, и *ла десансъ*
Быть должна моя *эссансъ*.

Чтобъ не *тратить* время *даромъ*,
Я *назадъ* пошла *бульваромъ*.
Прежніе ле бастіонъ
Срылъ мусье Наполеонъ.
Франкфуртцы, народъ *учливой*,
Садъ тутъ *сдѣлали* *красивой*.
Де пруды, *де банъ-занъ* *планшъ*,
Для *гулянья ле диманшъ*.
Цѣлой городъ *окружаетъ*
Этотъ садъ, и въ немъ *гуляетъ*

Нѣмецъ въ табельные дни :
Въ будни жъ — Боже сохрани!

Какъ съ бульвара повернула,
Я въ ту лавку заглянула,
О фактисъ гдѣ продають.
Зейдлицкой хлебнула тутъ
Столько, что сама не знала,
Какъ до дому добѣжала.
Осрамилась бы совсѣмъ
На бульварѣ! и зачѣмъ?
Пуръ конъ дизъ, что я въ вояжѣ
Малость замѣчаю даже.

Про музей, про казино,
Про *Майнлустъ* не мудрено
Что я слова не сказала :
Я тамъ даже не бывала.
Се бонъ пуръ ле кавалье;
Дамъ было бѣ *сенгюлье*.

Но пора мнѣ, ужъ Анета
Ждетъ меня у туалета.
Эготъ вечеръ проглочу,
Быть учтивою хочу;
Но юзажей наглядѣлась
И попроще я одѣлась :
Корольки *де тюркуазъ*,
Волоса *а ла шинуазъ*,
Съ парой золотыхъ цѣпочекъ,
И сюръ *ле сомме цвѣточекъ*;
Платье просто *бле муранъ*,

Съ блондами а катрѣ ранѣ.
И съ весьма большимъ воланомъ;
Лезъ-аграфы съ талисманомъ
Д'аметистъ, кушакъ муаре,
Башмачки же мордоре;
Рукава изъ петинета,
Золотые два браслета,
Энѣ букетецъ а ла таль,
А въ рукѣ энѣ эванталь.
Вотъ отправилась, сначала
Уже про запасъ эфвала,
Суаре помнила ту,
Но ошиблась, на дю ту,
Что за славные салоны!
И въ гостяхъ какіе тоны!
И хозяйка какъ мила!
Описать нельзя села;
Такъ любезна, такъ учтива,
И собою такъ красива,
Какъ картинка, мудрено
Быть милѣй. Она къ пьяно
Подошла, тихонько сѣла,
Заиграла и запѣла.
Какъ поетъ! э комъ эль жу,
Сетъ-а дирѣ, я вамъ скажу!!
Быль, а точно небылица!
Соловей она, жаръ птица,
Околдуетъ, заберетъ
Сердце все, какъ запоетъ
Эрѣ де грасъ, иль Каста дива
Де ла Норма; особливо
Нашу пѣсню соловья,

Лучше не слыхала я.
Слезы градомъ полилися.
О мадамъ амбасадриса!
Дай себя поцѣловать!
Я хотѣла ей сказать.
Сердце все во мнѣ пылало,
Но куражу не достало.
Тутъ намъ подали *дю те*;
Удивительный *гуте*.
Гости много толковали
Межъ собою, танцовали.
Я надѣялась опять
Голосъ дивный услыхать,
И сидѣла, и сидѣла;
Наконецъ я посмотрѣла
На часы: второй ужъ часъ!
И съ хозяйкой, глазъ на глазъ,
Я одна почти осталась.
Поскорѣй домой помчалась,
Но хозяйка говорить:
У куре ву донъ си витъ?
Знатной дамы вотъ поступки!
А не то, чтобы сквозь губки
Говорить: *бонжуръ, мерси!*
Вы давно ли изъ *Рюси*?
Чай у васъ есть *де медвѣди*?
А какъ спросишь, такъ сосѣди
Скажутъ: эта рождена
Въ неизвѣстности, бѣдна,
А вотъ эта — дочь барона,
Богатѣйшаго *мезона*.
Въ сердцѣ, вижу я, *ноблесс*,

Знатность э ла политесть.

Это бывшая сначала

Мамзель *** доказала.

Но часочка черезъ два
Де Франкфортъ муа же ман'ва.

Насмотрѣлась на діету

И на Франкфуртъ; штуку эту

Разобрала по частямъ.

Гроша за нее не дамъ!!

Только слушать вѣчно рада,

Коль угодно до упада,

Эръ де грасъ, и соловья,

Ихъ не позабуду я.

Но сказать я позабыла,

Лотръ журъ, я посѣтила

Знаменитаго Мартенъ.

Всѣхъ звѣрей его дестенъ

Быть учителемъ, владыкой.

Волей твердой и великой

Власть онъ эту получилъ,

Разнымъ штукамъ научилъ,

Тигра, барса изъ Бенгала,

Льва, гіенну и шакала,

Онъ трактуеть какъ скотовъ!

Гдѣ ты, дѣдушка Крыловъ?

Посмотрѣль бы, какъ послушенъ

Царь твой, левъ, какъ добродушенъ

Тигръ и барсъ, и хищный волкъ!

Вѣрно далъ бы новый толкъ

Многимъ баснямъ, и для нацы

На предметъ цивилизацыи
Ты сказалъ бы: *атанде!*
На *Мартена регарде.*
Какъ своихъ онъ тресируетъ,
И когда хотъ побалуетъ,
Выпуститъ изъ клѣтки вонтъ,
Но въ рукѣ всегда *батонъ.*
Шарле дизъ бы не свалился,
Если бѣ такъ распорядился!!
Но не только *политикъ,*
Много *характеристикъ*
Мысли бѣ здѣсь твои *сыскали;*
Напримѣръ, хотъ тѣ *морали,*
Что нужда *бьенъ плюсъ,* чѣмъ *честь,*
Калачи научить *ѣсть.*

Но толкую я, болтаю,
А того не замѣчаю,
Что ужъ почтальонъ сидитъ
На конѣ, *алонъ плю витъ!*
Харитонъ! зови Анету,
Посади меня въ карету.
И пошелъ же, не зѣвай,
Путь держи и направляй
Въ Мангеймъ, *гранъ-дюше де Баденъ.*
Мусье Зархъ какъ мнѣ *досаденъ!*
Обобралъ меня кругомъ
Ме пуртанъ сет-энъ бравъ омъ.

Х.

Мангеймъ.

Городъ Мангеймъ не огромной,
Тихій, чистенькій и скромной,
Но въ немъ преспѣсивый тонъ :
Что ни житель, то баронъ,
Что ни дама, то контеса,
Впрочемъ онъ безъ интереса,
Комъ онъ дитъ, анъ политикъ.

Въ немъ живетъ одинъ антикъ :
Баронъ Дрейсъ, изобрѣтатель
Дрезіены, мнѣ пріятель,
Вѣчно пьянъ, но бѣглый умъ
Полонъ презатѣйныхъ думъ.
Нынѣ онъ не бездѣлушкой
Занятъ, хочетъ просто пушкой
Всюду почту замѣнить!
Стоитъ только посадить
Человѣка въ пушку эту,
И сейчасъ, по бѣлу свѣту
Понесетъ каноненъ-постъ,
Черезъ ровъ, разбитый мостъ,
Куда хочешь, нахъ белибенъ,
А на станцяхъ фюръ ушибенъ
Положенъ вездѣ матрацъ.
Стоитъ взять фитиль, и бацъ!
Я бѣ, признаться, не рѣшилась;
Испытать бы — устрашилась.

Въ Мангеймѣ могла я счесть
Улицъ, кажется, пять, шесть,
Да два плаца, да аркады,
Только что для променады.
Хоть онѣ гостиный дворъ,
Но коммерція тутъ вздоръ:
Все бисквиты и конфеты,
Ленты, чепчики, корсеты.
Знаменитый лишь одинъ
Артаріевъ магазинъ:
Книги, виды и ландкарты,
Веллингтоны, Бонапарты,
Во весь ростъ сюръ де шево;
Де десензъ орижино,
Рокепланъ, Гюдень, Вернета,
Словомъ, всѣхъ артистовъ свѣта.
Нужно дорого платить,
Но заплатишь, такъ и быть!

Здѣсь дворецъ еще великой,
Но онъ сходенъ съ политикой —
Этихъ мѣстъ — ея анблемъ.
Бонапартовъ былъ *системъ*:
Раззоривъ сперва Германью,
Взять потомъ ее въ компанью,
По воинственнымъ дѣламъ,
Но разрушить здѣсь и тамъ
И слѣдинки *сувенира*.
Палатинская квартира,
Этотъ мангеймскій дворецъ,
Раззоренъ почти въ конецъ,
И заброшенъ и оставленъ,

Но потомъ онъ переправленъ,
Чтобъ исполнить новый планъ
Де Наполеонъ ле гранъ.

Изо всѣхъ *ди камараденъ* —
Выбранъ имъ *Гранъ дюкъ де Баденъ*—
Быть швейцаромъ *де ла Франсъ.*
Заключивъ съ нимъ *алиансъ,*
Чтобъ исполнить цѣль такую,
Онъ племянницу родную
Выдалъ замужъ за него;
Но не рассчиталъ того,
Что курносая съ косою
Смерть у всѣхъ надъ головою,
Можетъ измѣнить *ле соръ.*
Дюкъ де Баденъ иль э моръ!
Самого Наполеона
Также свергнули со трона,
И дворецъ *не па фини.*
Въ немъ принцесса Стефани
Вѣкъ свой скромно доживаетъ,
Но и въ тишинѣ сіяетъ,
Точно въ облакѣ луна,
Какъ ни скрыта, все ясна.

Вкругъ всего дворца обсаженъ
Славный паркъ, красивъ и важенъ,
Де деревья манификъ;
Лугъ, дорожки и *ла дитъ*
Видъ прекрасный представляетъ.
Тутъ роскошно протекаетъ
Намъ уже знакомый Рейнъ.

Словомъ, право *дасъ истъ шёнъ*.
Но гуляющихъ тутъ нѣту :
Знать, противно этикету
Въ Мангеймѣ *де промене*.
Не встрѣчались люди мнѣ
Ни на улицахъ, ни въ садѣ —
Я въ большой была досадѣ,
И рѣшилась въ *табель д'отъ* —
Чтобъ хоть тамъ набрать *де нотъ*.

На скамейкахъ, на диванѣ,
За столомъ все Англичане.
Дамы всѣ, въ рукѣ *маншонъ*,
Волоса *анъ тирбушонъ*,
И хвосты и пелерины, —
Ну, не то, чтобъ соболины,
Нѣтъ, но кошачьи *плюто*.
Кадрилье на всѣхъ *манто*,
И соломенная шляпа,
Де данъ, комъ онъ н'анъ а па.
Кавалеры въ сертукахъ,
Въ сѣрыхъ шляпахъ, въ башмакахъ,
Всѣ сидятъ облокотившись
На ладонь, и не напившись,
На лицахъ у всѣхъ *ружерь*,
А *ле идъ де вояжеръ*
Тутъ при нихъ ужъ непременно.
Они знаютъ совершенно
Эту книгу наизусть,
И обманетъ-ко ихъ пусть
Иль трактирщикъ, иль хозяйка,
На дыбы они ступай-ко —

Въ книгу къ нимъ глаза устави,
Ифьюписъ, сейчасъ поправь.
Я присѣла къ ихъ обѣду,
Съ ними завела бесѣду
О вояжахъ, объ *Рюси*.
Ну, ужъ Боже упаси!
Такъ имъ это полюбилось,
Что и солнце закатилось,
И давно всѣмъ спать пора,
А они *инъ, инъ, ура!*
Такъ и пьютъ мое здоровье.
А такое тамъ условье,
Чтобъ за то благодарить,
Надо *спичь* проговорить.
Я по-англійски училась
Очень плохо, но рѣшилась,
Молвила, поднявъ *ле веръ*:
Эй виль кисъ ю форъ эверъ!
Тутъ захлопали всѣ вилкой
Объ тарелку, — и съ бутылкой
Новой подошли ко мнѣ.
Дамы бѣдныя однѣ
И тянулись, и зѣвали,
Наконецъ и всѣ мы встали,
Разошлись по домамъ.
Но я, бѣдная мадамъ,
Непривыкшая къ пирушкѣ,
Провозилась на подушкѣ,
Не могла заснуть никакъ, —
Заболѣлъ мой *эстомакъ!*
И ознобъ, и потягота,
И ужасная икота.

Къ счастью тутъ случился чанъ...
Буду помнить Англичанъ!

Поутру, какъ пробудилась,
Я не мало удивилась :
Ммѣ записку подають,
Дежене меня зовутъ
Къ дамѣ Русской; за Саксонцемъ
Замужемъ она; — червопцемъ
Точно я подарена,
И весьма одолжена
За такую деликатность.
Нахожу всегда пріятность
Я въ компаніи *де Рюсь*,
А въ чужбинѣ *д'отанъ плюсь*!
Вотъ искать ее пустилась
По адресу, и добилась —
Ле каре де М. Д. С.
Улицы здѣсь, *комъ онъ се*,
Алгеброй лишь означаютъ,
А имянъ имъ и не знаютъ.
Хочешь ты куда *алле*,
Логариюмы де Кале
Ужъ всегда бери подъ мышку.
Вотъ читаю я афишку,
Нынче будетъ *Оберонъ*. —
Съ дамой Русской *нуз-иронъ*!
Вотъ къ ней въ дверь я постучалась,
Позвонила, дожидалась
Съ нетерпѣньемъ, въ попыхахъ.
Въ *шлафоркѣ мусье* въ усахъ
Вышелъ въ дверь, и отвернулся

Въ ту жъ минуту, — запахнулся,
И сказалъ мнѣ: *пардоне*,
А самъ побѣжалъ къ женѣ.
Вотъ жена его явилась
Кто же? Н***! Училась
Съ ней я, помню, танцовать.
Бросилась, чтобъ обнимать,
Но она взяла лорнету:
Знаю ль, дескать, гостью эту?
А потомъ: *бонжуръ, бонжуръ!*
Команъ ва, и туръ а туръ!
То вопросъ, — то восклицанье,
То отвѣтъ, — то воспоминаье.
Съ ней весь день я провела,
И какъ *ла журне* прошла,
Я совсѣмъ и не видала,
Толковала, угощала
На убой. Потомъ пошли
Мы въ театръ. *Се тре жоли!*
Хоть пискуньи *лезъ-актрисы*,
Но за то, что за кулисы!
Мѣсяцъ, звѣзды, облака,
Замки, корабли, рѣка,
Право страхъ какъ натурально!
Но актеры ужъ формально
Просто куклы; *туръ ла саль*
Ну туда, сюда, *па маль*.
Не дождались мы финала,
Н*** меня умчала
На балъ, *шез-энъ сертенъ контъ*.
Говорила я: *же гонтъ*,
По-дорожному одѣта.

Ничего, и *маль де тета*
Даже не взяла въ резонъ
Ла метресъ де ла мезонъ.
Повезла съ собой, и баста!
Точно будто для контраста,
Потому что *са туалетъ,*
Ну, нельзя сказать, *парфетъ!*
Къ намъ на встрѣчу три *контесы*
Вышли, ради *политесы,*
А *ле контъ* далъ руку мнѣ.
И подвелъ къ своей женѣ.
Я ей кучу словъ сказала,
А она все присѣдала,
Дочерей мнѣ *анъ репонсъ,*
Представляла, *дизъ иль онъ.*
Ужъ такой здѣсь городочекъ:
Страшный урожай на дочекъ,
Куча здѣсь невѣстъ всегда.
Жениховъ-то нѣтъ, бѣда!
Ужъ за то, какъ разодѣты:
Розы, ленты, петинеты,
Что въ Парижѣ не найдешь.
Кавалеры жъ, молодежь,
Гейдельбергскіе студенты,
Адвокаты, президенты,
И *месье лезъ-офисье*
Де Бадъ-Баденъ ле лансье;
Въ свѣтло-голубыхъ рейтузахъ,
Въ курточкахъ, весьма кургузыхъ,
Въ длинныхъ шпорахъ и въ усахъ,
Всѣ стоятъ, какъ на часахъ;
Шевельнуться не дерзаютъ.

*

Но какъ только заиграютъ,
Особливо *ле гало*,
Всѣ они : *ало, ало*,
Такъ распрыгаются черти,
Что смѣшно на нихъ до смерти,
А потомъ опять стоятъ,
И на потолокъ глядятъ,
Пока снова заиграютъ.

Тутъ на ужинъ приглашаютъ;
Но садятся за *супе*,
Только что *ле плю юпе*,
А другіе аматеры —
Точно наши мародеры :
Что захватятъ, то съѣдятъ,
А на это не глядятъ,
Что толкнуть, или зацѣпятъ,
Иль тебѣ на платье влѣпятъ
Рыбу, масло, *майонезъ*.
И сама мадамъ *контессъ* —
Съ ними вольно практикуетъ.
Какъ о томъ кто ни толкуетъ —
А по мнѣ не хорошо :
Серве бьенъ, и серве шо!
И сидѣли бы не тѣсно,
Ужинать тогда прелестно!
А гдѣ шумъ и бѣготня,
И задоръ и толкотня,
Только и глядишь *гераусъ*,
Чтобы не попасть подъ соусъ,
Иль подъ чашку *де бульонъ*.

Начали *ле* котильонъ,
Парами вездѣ посѣли,
Кавалеры и мамзели,
Точно въ пѣсенкѣ кружкомъ;
Каждая съ своимъ дружкомъ
То въ полголоса толкуютъ,
То обнявшись вальсируютъ,
Часа три, четыре, пять;
Въ уголку тамъ дремлетъ мать,
Мужъ за вистомъ, за бостономъ,
И амуры котильономъ
Управляютъ *а лёръ эзъ*.
Я бѣ скорѣ пустила въ лѣсъ
Дочку, женку молодую,
Чѣмъ въ *ла* западную такую.

Но пора мнѣ знать и честь;
Завтра рано нужно сѣсть
На *ванёръ*, и отправляться
До Бадъ-Бадена. Признаться,
Нодоѣлъ мнѣ *ле* вояжъ;
Но не конченъ, — *се домажъ!*

XI.

Бадъ-Баденъ.

Мнѣ осталась отъ Бадъ-Бада
Въ памяти одна досада.
Вовсе не было квартиръ;
Тутъ собрался цѣлый міръ
Изо всѣхъ концовъ Европы:
Адонисы и Езопы,
Богачи и пролетеръ,
Омъ д'эта и милитеръ,
Адвокаты, депутаты,
Отставные дипломаты,
Отставные мажесте,
Наши Русскіе боте,
Весь *гранъ жанръ* нашъ Петербургской,
Даже и помѣщикъ Курской
Притащился *сюръ ле лонъ.*
Сетъ енъ раутъ, сетъ енъ салонъ :
Де Франсе лежитимисты,
Де Франсе бонапартисты,
Де Франсе *жюстѣ милѣ;*
Юнь толпа *де* рефюжье,
Особливо Итальянцевъ
И вотъ этихъ *дезъ* Испанцевъ,
И карлистъ, и кристинось,
Кучей право набралось!
А ужъ англійскихъ фамилій,
У которыхъ столько *филій,*
И *гарсоновъ,* и *парти,*

Пропастъ, Господи прости!
Гонорабель мистрисъ Голи,
Котинкотъ, сиръ Францисъ Ноли
Коксъ, и Джонсъ, и Бирлингтонъ
Задаютъ ужасный тонъ,
Носъ высоко поднимаютъ;
Всѣхъ ихъ лордами считаютъ,
А быть можетъ, что иной
Просто въ Лондонѣ портной
Иль сапожникъ; одна дама —
Это все отродье хама
Назвала анъ бадинанъ
Ле милордъ дю континанъ.
Не узнать ихъ здѣсь по справкамъ;
Тамъ опять они по лавкамъ,
За иглой, съ утюгомъ,
И какъ будто бы ни въ чемъ.
По ихъ милости, постели
Не нашла нигдѣ въ отели.
И рѣшилась въ ту же ночь,
Изъ Бадъ-Бадена я прочь.
Но взглянуть бы на Бадъ-Бадень!
Неужель нуръ ди маладенъ
Наполняютъ такъ его?
Нѣтъ!... у многихъ ничего
Никогда и не болѣло,
Но имъ дома надоѣло,
Захотѣли погулять,
Межъ людьми пощеголять,
Покормить мадамъ рулетку,
Или модную кокетку
Проводить сюда къ водамъ,

Какъ законную *мадамъ*,
Дальше отъ супружскихъ *взоровъ*.
А у многихъ *матадоровъ*
И иное въ головѣ :
Потранжирить же *м'анве*;
Дескать будто бѣ не отставленъ,
Будто мной *комплотъ* составленъ
Вновь войти *данъ лезъ аферъ*,
Портефейль и министеръ.
Точно, сколько ни гуляла,
Я больного не встрѣчала;
Всякой въ струночку одѣтъ,
Шпоры, хлыстикъ и лорнетъ
Кавалеровъ украшаютъ;
Дамы съ перьями гуляютъ,
Въ блондахъ, въ локонахъ, *де шаль*,
И вотъ этого мораль,
Что не доктора, не воды,
Но одно влеченье моды
Всѣмъ въ Бадъ-Баденъ кажетъ путь,
Хоть бы лопнуть, да блеснуть!

Садъ чудесный, и музыка,
И рулетъ, и политика,
И кокетство; всѣмъ сестрамъ
Здѣсь найдется по серьгамъ.
Но больному тутъ нѣтъ мѣста,
Часть заквашеннаго тѣста
Не возможно отдѣлить;
Вмѣстѣ все должно бродить,
А какъ если не подъ силу,
Просимъ милости въ могилу.

Я взяла энъ воатюръе.
Это родъ авантюрье,
Изъ Игалы, изъ Лозанна,
Въ родъ Рижскаго фурмана,
Пять имѣть лошадей,
И берется въ столько дней,
Въ тѣ и тѣ мѣста доставить,
Но ужъ всѣмъ онъ долженъ править.
Ты съ нимъ больше не толкуй;
Гдѣ захочетъ онъ, ночуй,
Завтракай, хоть не голодной,
Отложи весь духъ свободной,
Повинуйся и сиди,
Въ обѣ стороны гляди —
Если хочешь, но хоть лисью
Корчъ ты рожицу, онъ рысью —
Не поѣдетъ тамъ и тамъ,
Если не захочетъ самъ.
Я контрактъ весьма дешевый
Заключила до Женевы,
Мы подъ вечеръ ушлелись,
А Бадъ-Бадень провались!

Познакомилась покуда
Съ дамой Русскою, о чудо!
Эта дама юнь пренсесъ,
Такъ мила, же ле конфесъ,
Что сама влюбилась страстно
Я въ нее, но безопасно:
Моя дамская любовь
Тщетно мнѣ волнуегъ кровь;
Тщетно ею я плѣняюсь.

И чего я добиваюсь? —
Дамской страсти отвѣчать,
Ей, скажите, что за статья?
Но неловкой я бываю,
Поль мой вѣчно забываю,
Когда вижу красоту
Нашу Русскую... мечту
Карамзинскую, съ косою
Темнорусою, съ ногою,
Какъ ихъ Пушкинъ воспѣвалъ,
Ногъ китайскихъ идеалъ,
Нѣги полную небрежность,
И такую свѣжесть, нѣжность,
Какъ у прочихъ не найдешь.
Полно, Курдюкова, врешь,
Поуйми задоръ мечтаній,
А то скажутъ, что въ компаньи
Дэнъ мусье твой *мемуаръ*
Пишешь ты, онъ *нѣ* *ле* *круаръ*,
И испортится все дѣло.
Уже многимъ надоѣло
Слушать длинный твой рассказъ,
Дамѣ только *лонъ фе-грасъ*,
А мужчину какъ завидять,
Тотчасъ свистомъ разобидять.
И не станутъ *экуте*,
Хоть *маманъ* наве *шанте*.

ХІІ.

ШВАРЦВАЛЬДЪ.

Чуть совсѣмъ я не ряхнулась;
По Шварцвальдену тянулась
Ночь и день, и день и ночь;
Становилось мнѣ не въ мочь:
Бѣдность, неопрятность, стужа.
То корова просить мужа;
То кричать: куда, куда,
Куриць цѣлыя стада;
Ме, баранъ кричить и бродить,
Споръ съ собакой котъ заводитъ,
Воръ идетъ, или монахъ;
Надоѣли, такъ что страхъ,
Эти сцены жизни сельской,
Высшій идеалъ мамзельской.
Европейская мадамъ,
Я привыкла къ городамъ;
Мнѣ несносны деревушки:
Пастухи, стада, пастушки.
Се тре бонъ пуръ лез-идилль,
А пуръ монъ юзажъ, ихъ виль
На ночлегахъ, чтобъ отели
Англійской комфортъ имѣли.
И въ прислугѣ, и въ бѣльѣ;
Чтобъ гарсонъ бѣенъ абилье
По звонку всегда бѣ являлся,
По-французски бѣ изъяснялся,
Говорилъ бы: *са сюфи*,

А здѣсь что находимъ, *фи!*
Служать дѣвки или бабы,
Да и то еще, когда бы
Одѣвались *анъ субретъ*,
Какъ въ театрахъ, слова нѣтъ;
Но одѣты, какъ крестьянки,
Безъ *турнюра*, безъ осанки,
Иногда и босикомъ;
Не знакомы съ языкомъ
Нынѣ общимъ по трактатамъ,
Вояжерамъ, дипломатамъ,
Коимъ мы лепечемъ всѣ,
Словомъ: *ле лангажъ франсе*.
Здѣсь нельзя другимъ манеромъ
Говорить, какъ съ *диксьонеромъ*.
Хорошо, какъ попадешь,
А какъ на бѣду наврешь!
Есть слова, гдѣ два значенья,
А иныя, изъ почтенья,
Въ *диксьонеръ* не помѣстятъ,
А ихъ нужно; радъ не радъ,
А сойдешь на пантомины.
Мебель, зеркала, камины
Не опрятны, а кровать
Мудрено и описать:
Пребольшущая, какъ фура,
Влѣзть въ нее, уже фигура,
А когда вошла, такъ тутъ
На тебя еще кладутъ
Ситцемъ крытую перину.
Ты подъ эту пуховину
Такъ войдешь, *комъ данъ дю бѣръ*.

Странно, *ма пароль д'онёръ!*
Кушай ложкой оловянной
Изъ посуды деревянной.
Кромѣ молока, яицъ,
Масла и домашнихъ птицъ,
Не проси, а то исторьи.
Даже кофе изъ цикорьи,
Здѣсь на рѣдкость, а вино
Уксусомъ не названо
Изъ учтивости, а право —
Полное имѣемъ право!
Виды здѣсь туда, сюда,
А ужъ *кантъ* о города,
То не стоять и названья:
Старья, плохія зданья;
Строены всѣ кое-какъ,
Не по плану, — это знакъ,
Что *фламбо* цивилизацыи
Не сіялъ для этой нацыи.
Магазейновъ вовсе нѣтъ;
Кирка только древнихъ лѣтъ
Въ Фрейбергѣ весьма замѣтна,
Но стоитъ ужъ такъ секретно,
Что проѣдешь *санъ савуаръ*,
Что есть что *нибудъ а вуаръ*,
Въ Гидѣ я объ ней читала,
И насилу отыскала
Въ уголку, — но *манификъ*,
Преклассической, *готикъ*.
Стѣны, башни, какъ сквозныя,
Разграненныя, рѣзныя,
Острыхъ множество шпилей,

Какъ собранье королей
Въ ратномъ станѣ Палестины.
Окна, точно какъ картины,
Яркій и блестящій пвѣтъ!
Все прекрасно; но Анетъ
Въ переулкахъ заблудилась —
Не нашла, и не рѣшилась —
И теперь повѣритъ мнѣ,
Что есть кирка въ сторонѣ.
Но мы Рейнъ опять встрѣчаемъ;
Здѣсь Германью покидаемъ,
Чтобы вѣхатъ данъ ла Свисъ:
Иль э танъ, ке са финисъ!

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТРАН.
Предисловіе	1
Новый годъ	3
Фонарики.	6
Сонъ	11
Статуя	12
Гюгеноты	13
Разочарованіе	19
Звѣзда	20
Небо	21
Птичка	23
Облако.	25
Русскій снѣгъ въ Парижѣ.	27
Разговоръ человѣка съ душой	28
Старушка	30
Жизнь	32
Лютня	34
Звѣздочка.	36
Медвѣдь и коза (басня).	38
Дума на кладбищѣ	39
Часы	41

	СТРАН.
Похитосъ	42
День рожденія	43
Катерина шарманка	45
Видѣніе	49
Скрипка	50
Соловьямъ Новознаменскаго	58
Бывало	60
Падучая звѣзда	62
Наставленіе Гр. Р.	65
Листокъ	68
Молитва при лунѣ	69
Петергофскій праздникъ	71
Фантазія	82
Истолкованіе любви	85
Могида и роза.	86
Смерть солдата	87
На смерть пѣвицы Малибранъ	88
Брачная деликатность	89
Непріятный сосѣдъ	90
Лунная ночь	91
Видѣніе.	94
Скучно	98
Соловей	100
Восторгъ	101
Кн. А. Лоб.	102
Больной дѣвицѣ.	103
Молитва	104
Ей	106
А М ^{lle} Любовь.	108
Воскресеніе Лазаря	109

	СТРАН.
Нейндорфская ночь	111
Уныніе	113
Артамонычъ	115
Осень	117
Луна	119
Фантастическая выказка	121
Къ морю	123
Плачь дитяти	125
Большая медвѣдица	127
Ласточка	131
Свадебный поѣздъ колонистовъ	134
Споръ за вафли	136
Сельское хозяйство	138
Наставнику аббату	140
Проектъ гроефатера	143
Разговоръ барина съ Афонькой	152
Рауть	156
На грѣхъ мастера нѣтъ	159
Великолуцкій французскій кадрилъ	161
С. Петербургскій французскій кадрилъ	164
Облака	166
Звѣзды	174
День и жизнь	176
Чужое дитя	179
Нева	181
Гробъ младенца	184
Рыбакъ	186
Розы	189
Una fra tante	191
Сиротка	193

	СТРАН.
Плавающая вѣтка	195
Вечеръ.	197
Пѣснь ратника	199
День рожденія матери.	201
Тарантелла	203
Коммеражи	207
Сенсаціи и замѣчанія г-жи Курдюковой за границею, данъ л'этранже.	

Глава I. Отъѣздъ	223
II. Любекъ	232
III. Гамбургъ.	238
IV. Дилижансъ	247
V. Бременъ	253
VI. Оснабрюкъ и Мюнстеръ	258
VII. Колонь	263
VIII. Рейнъ	269
IX. Франкфуртъ	283
X. Мангеймъ	300
XI. Бадъ-Баденъ	310
XII. Шварцвальдъ	315

Mjatlev, Ivan Petrovič

Polnoe sobranie sočinenij Izd. D. [F.] Fedorova

Bd.: 1

Sanktpeterburg 1857

P.o.russ. 64-1

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10610102-9